

Том 17, № 1, 2024 год

Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67075
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control:
ПИ No. ФС77-67075
of September 15, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель:

Финансовый университет

Founder:

Financial University

Журнал ориентирован на научное обсуждение актуальных проблем в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific discussion of present-day topics in the sphere of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в высшую категорию К1 Перечня периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6

The journal is included in the highest category K1 of the List of periodical scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences in scientific specialties 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system of Russian Science Citation Index

Журнал распространяется только по подписке. Подписной индекс 81303 в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription. Subscription index 81303 in the consolidated catalogue “The Press of Russia”

Vol. 17, No. 1, 2024

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия, Заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

А.С. АДВОКАТОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Россия

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра индустриальных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Россия

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

А.В. ПОПОВА, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

ХЕЛЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются
в редакцию по электронной почте:
ekنالogpravo@mail.ru

Минимальный объем статьи —
3 тыс. слов; максимальный — 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование, научное
и стилистическое редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации
см.: www.etl.fa.ru

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

GOLOVNENKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASUYKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

KUNITSYNA N.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

MAIBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Moscow, Russia

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

A.V. POPOVA, Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University, Moscow, Russia

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted
to the editorial office in electronic form:
eknalogpravo@mail.ru

Minimal size of the manuscript:
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise
(review, scientific and stylistic editing)
of all the materials to be published
in the journal.

More information on publishing terms
is at: **www.etl.fa.ru**

Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор
Л.И. Гончаренко,
д-р экон. наук

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
В.А. Чечет

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Письменное согласие
редакции при перепечатке,
а также ссылки при
цитировании на журнал
«Экономика. Налоги. Право»
обязательны.

Оформление подписки
в любом отделении
«Почта России»
по объединенному каталогу
«Пресса России» – подписной
индекс **81303** или в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80),
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
125167, Москва,
Ленинградский пр-т,
дом 53, комн. 5.1

Телефон:
8 (985) 964-85-72
<http://www.etl.fa.ru>,
E-mail: ekنالогpravo@mail.ru

Подписано в печать:
12.02.2024
Формат 60×84 1/8
Заказ № 114

Отпечатано в отделе
полиграфии Финуниверситета,
Москва, Ленинградский пр-т,
д. 49

ТЕМА ДНЯ

*М.А. Абрамова, С.Е. Дубова, В.Ю. Диденко,
М.В. Ершов, О.В. Захарова,
Е.С. Зеленева, И.В. Ларионова,
В.Я. Пищик*

**Об основных направлениях
единой государственной денежно-
кредитной политики на 2024 год
и период 2025 и 2026 годов:
мнение экспертов Финансового
университета. 6**

*Н.Н. Парасоцкая,
Н.Д. Яковлев*

**Основы координации денежно-
кредитной и бюджетно-налоговой
политик для обеспечения роста
российской экономики 23**

В.Г. Пансков

**Проблемы и перспективы
налоговой политики
в целях устойчивого развития
регионов 34**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

*И.В. Трегуб, Д.В. Фунтова,
Я.С. Етерскова*

**Анализ влияния монетарной
и экономической политики
на рост ВВП Российской Федерации
в 2024–2025 годах 44**

Ю.А. Кропин

**Проблемы имплементации
цифровых денежных средств
в современную денежно-
банковскую систему. 56**

С.В. Щурина

**Возможности адаптации
России к новым условиям
глобального развития
в период поликризиса мировой
экономики 65**

*В.Д. Смирнов,
И.Д. Тюхменева*

**Финансовая эффективность
зеленых проектов 77**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ю.Н. Шедько

**Социальные механизмы
сглаживания субкультурных
противоречий в мире глобальных
трансформаций. 89**

С.Г. Еремин

**Применение цифровых технологий
в сфере государственного
управления на федеральном
уровне и направления их
совершенствования 98**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

А.Н. Ряховская

**Актуальные проблемы реализации
государственной экономической
политики на современном этапе:
антикризисный аспект. 106**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н.В. Сергеева

**Россия и БРИКС в новых
геополитических реалиях. 119**

Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко

**Направления изменений
международного
технологического обмена
в современных условиях 132**

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Н.В. Рубан-Лазарева

**Налоговые риски в контексте
достижения национальных целей
развития России на 2024 год. . . 145**

ПРАВО

А.В. Попова

**Социальное государство
как универсальное средство
обеспечения модернизации
российской экономики 158**

TOPIC OF THE DAY

M.A. Abramova, S.E. Dubova, V. Yu. Didenko, M.V. Ershov, O.V. Zakharova, E.S. Zeleneva, I.V. Larionova, V.Y. Pishik
On the Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2024 and the Period 2025 and 2026: Opinion of Experts of the Financial University. 6

N.N. Parasotskaya, N.D. Yakovlev
Fundamentals of Coordination of Monetary and Fiscal Policies to Ensure the Growth of the Russian Economy. 23

V.G. Panskov
Problems and Prospects of Tax Policy for the Sustainable Development of Regions 34

ECONOMICS AND MANAGEMENT

I.V. Tregub, D.V. Funtova, Ya.S. Eterskova
Economy of the Russian Federation for 2024–2025 and Factors of Its Growth 44

Yu.A. Kropin
The Problems of Implementing Digital Money into the Modern Monetary and Banking System. 56

S.V. Shchurina
The Possibilities of Russia's Adaptation to the New Conditions of Global Development During the Global Economic Crisis 65

V.D. Smirnov, I.D. Tyukhmeneva
Financial Efficiency of Green Projects. 77

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Yu.N. Shedko
Social Mechanisms of Smoothing out Subcultural Contradictions in the World of Global Transformations 89

S.G. Eremin

Application of Digital Technologies in the Field of Public Administration at the Federal Level and Directions for their Improvement 98

REGIONAL ECONOMY

A.N. Ryakhovskaya
Urgent Problems of the Implementation of State Economic Policy at the Present Stage: Anti-Crisis Aspect 106

WORLD ECONOMY

N.V. Sergeeva
Russia and the BRICS in the New Geopolitical Realities. 119

L.S. Revenko, N.S. Revenko
Lines of Changes in International Technological Exchange in the Current Environment 132

TAXES AND TAXATION

N.V. Ruban-Lazareva
Tax Risks in the Context of Achieving Russia's National Development Goals for 2024. 145

LAW

A.V. Popova
The Welfare State as a Universal Means of Ensuring the Modernization of the Russian Economy. 158

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-6-22
УДК 336.7+330.34(045)
JEL E5, E6, G21

Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов: мнение экспертов Финансового университета

М.А. Абрамова, С.Е. Дубова, В.Ю. Диденко, М.В. Ершов, О.В. Захарова, Е.С. Зеленева, И.В. Ларионова, В.Я. Пищик
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – задачи, принципы, меры и инструменты, механизм и факторы реализации единой государственной денежно-кредитной политики на период 2024–2026 гг. с учетом складывающейся макро- и геоэкономической ситуации. *Цель работы* – на основе экспертизы и анализа основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов выявить проблемы формирования и реализации денежно-кредитной политики в среднесрочной перспективе для успешного достижения поставленной задачи трансформации российской экономики. Установлено, что при таргетировании инфляции как режима денежно-кредитной политики должны учитываться такие факторы, как введение против российского реального и финансового секторов беспрецедентных по масштабу санкций, которые оказали значительное негативное влияние на логистику и расчеты, а также ограничения и приостановка работы в российской экономике ряда международных компаний, обуславливая повышение значения вклада денежно-кредитной политики в экономическое развитие России, связанного с процессом структурной перестройки экономики, активизацией внутренних факторов роста. Особое внимание уделено проблемам современных принципов денежно-кредитной политики, эффектов ее трансмиссионного механизма. *Сделаны выводы* о том, что установленные Банком России основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 г. и период 2025 и 2026 гг. заслуживают положительной оценки с учетом замечаний и рекомендаций, сформулированных экспертами Финансового университета.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; трансмиссионный механизм; сценарии развития; таргетирование инфляции; антиинфляционная политика; валютная политика; макропруденциальная политика; коммуникационная политика; монетарная сфера

Для цитирования: Абрамова М.А., Дубова С.Е., Диденко В.Ю., Ершов М.В., Захарова О.В., Зеленева Е.С., Ларионова И.В., Пищик В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):6-22. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-6-22

ORIGINAL PAPER

On the Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2024 and the Period 2025 and 2026: Opinion of Experts of the Financial University

M.A. Abramova, S.E. Dubova, V.Yu. Didenko, M.V. Ershov, O.V. Zakharova, E.S. Zeleneva, I.V. Larionova, V.Y. Pishik
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the tasks, principles, measures and tools, mechanism and factors of the implementation of the unified state monetary policy for the period 2024–2026, taking into account the current macro- and geo-economic situation. *The purpose of the work* is to identify the problems of formation and implementation of monetary

© Абрамова М.А., Дубова С.Е., Диденко В.Ю., Ершов М.В., Захарова О.В., Зеленева Е.С., Ларионова В.Я., Пищик В.Я., 2024

policy in the medium term on the basis of expertise and analysis of the Main Directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025 and 2026. In order to successfully achieve the task of transforming the Russian economy. It is established that when targeting inflation as a monetary policy regime, factors such as the introduction of unprecedented sanctions against the Russian real and financial sectors, which had a significant negative impact on logistics and calculations, as well as restrictions and suspension of work in the Russian economy of a number of international companies, causing an increase in the value of the monetary contribution, should be taken into account. the contribution of policy to the economic development of Russia related to the process of structural restructuring of the economy, the activation of internal growth factors. Special attention is paid to the problems of modern principles of monetary policy and the effects of its transmission mechanism. *The conclusions are drawn* that the Main Directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period of 2025 and 2026 established by the Bank of Russia deserve a positive assessment, taking into account the comments and recommendations formulated by experts of the Financial University.

Keywords: monetary policy; transmission mechanism; development scenarios; inflation targeting; anti-inflationary policy; monetary policy; macroprudential policy; communication policy, monetary sphere

For citation: Abramova M.A., Dubova S.E., Didenko V.Yu., Ershov M.V., Zakharova O.V., Zeleneva E.S., Larionova I.V., Pishik V.Y. On the main directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025 and 2026: opinion of experts of the Financial University. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):6-22. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-6-22

ВВЕДЕНИЕ

«Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов»¹ (далее — Документ) традиционно раскрывают важные направления развития российской экономики и ее монетарной сферы в среднесрочной перспективе, определяют позицию Банка России по актуальным вопросам текущего состояния российской экономики и прогнозам ее развития в 2024–2026 гг.

Материалы Документа свидетельствуют о том, что Банк России сохраняет определенную преемственность действий, несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, нарастание геополитических и экономических рисков, констатируя в качестве основной задачи на 2024–2026 гг. обеспечение ценовой стабильности, т.е. низкой и стабильной инфляции, как «условия для успешной перестройки экономики, начавшейся в 2022 г., и ее сбалансированного роста в дальнейшем» (Документ, с. 3). Таким образом, Банк России вновь подчеркивает, что денежно-кредитная политика (далее — ДКП) в среднесрочной перспективе будет носить контрциклический характер и не иметь в четком целеполагании решения важнейшей народнохозяйственной задачи достижения устойчивого экономического роста на основе трансформации экономики.

При этом контрциклический характер ДКП предполагает, что действия Банка России будут ориен-

тированы на обеспечение меньшего циклического спада/перегрева экономики, противостояние шокам, возникающим в кризисные периоды, способствуя тем самым формированию условий для сбалансированного роста экономики и ее долгосрочного развития, но не имея *прямой цели* ее трансформации в целях обеспечения устойчивого роста.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В Документе приводятся три альтернативных плана развития российской экономики на период 2024–2026 гг., т.е., кроме базового плана, — сценарии «Усиление фрагментации» и «Рисковый сценарий». При этом прогнозные показатели в сценариях, как представляется, не соответствуют мерам, которые рассматриваются в качестве ключевых задач. Например, в сценарии «Усиление фрагментации», который, очевидно, во всех странах приводит к необходимости создания более прочных *внутренних основ* для экономического роста, Банк России в 2024 г. предполагает повышение ключевой ставки по сравнению с базовым сценарием вместо того, чтобы сделать более комфортными возможности ведения бизнеса внутри страны. При этом рост денежной массы во всех трех сценариях в 2024 г. предполагается практически на одинаковом уровне, тогда как кризисный сценарий должен предусматривать наличие дополнительной ликвидности, которая должна поступать в экономику для стабилизации неблагоприятной ситуации. С учетом непростой ситуации, скла-

¹ URL: [https://cbr.ru/content/document/file/150582/on_2024\(2025-2026\).pdf](https://cbr.ru/content/document/file/150582/on_2024(2025-2026).pdf).

дывающейся в мировой экономике вследствие ее замедления и нарастающего инфляционного давления, оценки по возвращению инфляции для российской экономики к цели 4% в 2024 г. видятся слишком оптимистичными и требующими корректировки на основе анализа складывающейся макроэкономической ситуации.

Следует отметить, что и при развитии экономики по оптимистичному базовому сценарию, и при ее следовании более рисковому альтернативным сценариям прогнозируется ужесточение ДКП с целью сдерживания базовых параметров инфляционного давления посредством снижения объемов и динамики кредитования.

Рестрикционная ДКП станет одним из факторов снижения инвестиционной активности и сдерживания экономического роста: даже базовый сценарий предполагает замедление темпов роста ВВП в 2024 г. до 1,5–2,5%.

ЦЕЛЕВОЙ ОРИЕНТИР ДКП

Проведенный Банком России анализ ДКП, реализованный в 2021–2023 гг., показал эффективность выбранной стратегии таргетирования инфляции². С точки зрения целеполагания ДКП и достижения Банком России поставленной цели она, действительно, продемонстрировала свою эффективность. Однако мы продолжаем придерживаться мнения, которое высказывали в предыдущих экспертных заключениях на аналогичные материалы, — вклад Банка России в структурную трансформацию экономики лишь в виде обеспечения ценовой стабильности представляется неоправданно скромным особенно в условиях современной сложной для российской экономики ситуации.

В Документе указывается, что целевой ориентир на 2024–2026 гг. по-прежнему остается на уровне годовой инфляции «вблизи 4%» постоянно. Позиция Банка России в отношении цели ДКП обоснована: в случае установления целевого коридора по инфляции население и бизнес могут воспринимать верхнюю границу коридора как заданное целевое значение, что затруднит привязку инфляционных ожиданий к якорю. Заметим, что эксперты Финансового университета ранее направляли в адрес Банка России замечание по поводу неоднозначного

восприятия точечной цели по инфляции [1], в связи с чем в текущем Документе регулятор дал подробное разъяснение выбранной точечной цели и формулировки (*врезка 1*), а также привел таблицу с целевыми ориентирами по инфляции в других странах (*табл. П-6–1*), которая наглядно иллюстрирует распространенность точечного ориентира в странах, таргетирующих инфляцию.

Сложные макроэкономические условия, вероятнее всего, не позволят Банку России в краткосрочной перспективе достичь указанной цели. Учитывая это, а также позитивный зарубежный опыт (*приложение 6 «Таргетирование инфляции: межстрановые сопоставления», рис. П-6–3*), было бы целесообразно установить не четкий ориентир (точку), а диапазон (4+-1), как это сделано в других странах с развивающимися рынками и близкими нам целями (Индии, Армении и др.), что подтверждается оценкой результативности таргетирования инфляции (*рис. П-6–4 приложения 8*). В странах, где установлены диапазоны цели по инфляции, результативность таргетирования инфляции заметно выше, а регуляторы, что немаловажно, несут меньшие репутационные риски в связи с недостижением заявленных целей.

Заметим некоторую некорректность представленного в Документе *рис. П-6–4*, не показывающего диапазоны ориентиров по инфляции у стран, имеющих подобный диапазон, в сравнении с *рис. П-8–4* Документа прошлого года, что затрудняет анализ результативности таргетирования инфляции странами с разными целевыми ориентирами.

ПРИНЦИПЫ И РОЛЬ ДКП В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Неизменными Банк России оставляет и *принципы* ДКП, но раскрывает их с учетом сложившихся тенденций развития российской экономики в условиях санкционных ограничений и фрагментации мировой экономики. В Документе текущего года Банком России наряду с прочими принципами декларируется «применение ключевой ставки и коммуникации как основных инструментов денежно-кредитной политики» (с. 9).

Поддерживаем регулятора в том, что коммуникации с рынком, наряду со ставками, в последние годы оказывают существенное влияние на поведение экономических агентов и воздействуют на трансмиссионный механизм денежно-кредитного регулирования. Однако указанный инструмент до

² Обзор денежно-кредитной политики. Доклад для общественных консультаций. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/146814/Consultation_Paper_18052023.pdf.

сих пор не нашел законодательного закрепления в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86 «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (на что обращалось внимание ранее в экспертном заключении), ставя под вопрос его упоминание в качестве инструмента в стратегическом документе такого уровня, как «Основные направления ...».

Регулятор четко расставляет акценты относительно роли ДКП в условиях введения против российского реального и финансового секторов беспрецедентных по масштабу санкций, которые оказали значительное негативное влияние на логистику и расчеты, экспортно-импортные потоки товаров и услуг, а также на работу в российской экономике ряда международных компаний, что не могло не отразиться негативно на состоянии финансового рынка: увеличении его волатильности, росте рисков финансовой стабильности, а также девальвационных и инфляционных ожиданий.

В этой связи особую актуальность для населения и бизнеса приобретает создание предсказуемой внутренней среды в виде четких и устойчивых ориентиров и понятных правил, устанавливаемых монетарным регулятором. Однако таким вопросам, как обеспечение стабильного курса рубля, стимулирование инвестиций и создание основы длинных денег в целях трансформации российской экономики, уделяется неоправданно малое внимание.

Как представляется, такой подход ориентирован на достижение в первую очередь краткосрочных задач и существенно ограничивает потенциал ДКП как важнейшего инструмента экономической политики. По сути, из Документа «выводится» его долгосрочная роль и уменьшается его системообразующее значение.

СПЕЦИФИКА ТРАНСМИССИОННОГО МЕХАНИЗМА ДКП

Адаптация российской экономики к новым условиям требует значительных по времени усилий, поскольку действие сигналов в трансмиссионном механизме ДКП было нарушено из-за резкого изменения внешних и внутренних условий.

Каналы реализации ДКП не всегда корректно отражали импульсы, передаваемые органами денежно-кредитного регулирования в экономику, а сам трансмиссионный механизм отличался сложностью, нелинейностью и изменчивостью. С точки зрения проведения экспертизы материала Документа, следует положительно оценить приводимое в прило-

жении 1 «Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики» разъяснение и развитие теории трансмиссионного механизма ДКП.

Своевременным и заслуживающим одобрения считаем корректирование Банком России модельного аппарата для подготовки прогноза по ДКП с учетом введения ограничений на движение капитала, что делает прогноз более понятным не только для специалистов — исследователей денежно-кредитной сферы, но и всего населения и бизнеса как активных субъектов финансового рынка.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ СОВРЕМЕННОЙ ДКП

Влияние *ключевой ставки* как основного инструмента ДКП на ставки кредитного и депозитного рынков происходит опосредованно *через механизм предоставления ликвидности*. С 16 октября 2023 г. Банк России трансформирует стандартный механизм в основной и дополнительный. Если цель основного механизма совпадает с целью действовавшего ранее стандартного механизма и заключается в обеспечении формирования ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки, то целью дополнительного механизма станет выполнение Банком России функции «кредитора последней инстанции».

В рамках основного механизма (далее — ОМ) будут применяться как операции постоянного действия (однодневные операции РЕПО, внутридневные кредиты, кредиты овернайт, кредиты под залог ценных бумаг из Ломбардного списка и нерыночных активов сроком до 30 дней), так и аукционы при проведении операций РЕПО (сроком от 1–6 дней, неделя, месяц, год), предоставлении кредитов под залог нерыночных активов (сроком 3 месяца). Существенного изменения стоимости рефинансирования не произойдет. Стоимость рефинансирования в рамках основного механизма будет изменяться и равняться ключевой ставке, увеличенной на 1 процентный пункт по операциям постоянного действия.

В рамках дополнительного механизма (далее — ДМ) будут проводиться операции РЕПО и предоставляться кредиты под залог нерыночных активов сроком от 1 до 180 дней. Процентная ставка по операциям ДМ будет выше и равняться ключевой ставке, увеличенной на 1,75 процентного пункта.

Отличия операций рефинансирования в рамках основного и дополнительного механизмов будут проявляться не только в различной стоимости

и сроках. Регулятор предполагает разделить все обеспечение на две группы, в каждую из которых войдут рыночные и нерыночные активы. Ценные бумаги из Ломбардного списка Банка России и нерыночные активы, имеющие наиболее высокое качество, будут применяться в рамках операций ОМ. В то же время в части остальных ценных бумаг при проведении операций рефинансирования ДМ Банк России не планирует менять существенно требования, предъявляемые к ценным бумагам и нерыночным активам, принимаемым в залог при предоставлении ликвидности.

Признавая значимость внутрисуточных кредитов, Банк России предусмотрел, что обеспечением при проведении платежей станут активы, входящие как в группу ОМ, так и в группу ДМ.

Критерий доступа кредитных организаций к операциям Банка России (наличие кредитного рейтинга не ниже установленного) не изменится и будет единым для ОМ и ДМ.

Положительно оценивая совершенствование механизмов предоставления ликвидности, нельзя не обратить внимания на важность прогноза влияния введения ДМ на рынок межбанковского кредитования.

Документ содержит также анализ нововведений, касающихся применения механизма обязательного резервирования. С одной стороны, совершенствуется процесс передачи кредитными организациями данных для расчета обязательных резервов путем использования личных кабинетов. С другой стороны, Банк России вводит новый порядок штрафов за несоблюдение требований к обязательным резервам. Нововведения подразумевают расчет штрафа исходя из ключевой ставки, действующей на момент нарушения, а не на момент предъявления штрафа. Эксперты положительно оценивают данные нововведения, так как они способствуют снижению издержек кредитных организаций по взаимодействию с регулятором, а также повышают предсказуемость мер ответственности за несоблюдение порядка резервирования.

Положительной оценкой также заслуживает планируемое исключение средств в цифровой валюте из списка резервируемых обязательств, наряду с наличными денежными средствами. Ввиду того, что цифровой рубль по природе близок к наличным рублям, средства в цифровой валюте не будут мультиплицироваться и создавать дополнительный объем денежной массы. Поэтому применение к циф-

ровым рублям норматива обязательных резервов нецелесообразно ввиду низкой эффективности данного инструмента для сдерживания роста цифровой денежной массы в обращении.

Важно обратить внимание на то, что Банк России продолжает корректировать *нормативы обязательных резервов* по всем видам обязательств с целью снижения профицита ликвидности. Максимального значения достигает норматив обязательных резервов по обязательствам в валюте недружественных стран (8,5%), в то время как данный норматив по обязательствам в валюте дружественных стран составляет 6%. При этом статистика, приведенная в Документе, показывает, что доля обязательств в валюте дружественных стран составляет только 5%, а недружественных стран — 10%. Данная структура нормативов обусловлена множеством факторов, включая внешнеэкономические и геополитические обстоятельства, однако считаем, что дальнейшее повышение норматива обязательных резервов по обязательствам в валюте недружественных стран способствовало бы более эффективному выведению из оборота данного рода обязательств и соответственно снижению зависимости российской экономики от экономик недружественных стран.

Регулятор предполагает, что отмеченные нововведения позволят более эффективно управлять ликвидностью банковского сектора, изменяя условия предоставления денежных средств (стоимость, сроки), пула обеспечения для операций основного и дополнительного механизмов рефинансирования. В случае дефицита ликвидности банковского сектора доступ к рефинансированию будет обеспечиваться благодаря широкому перечню активов, входящих в общий пул обеспечения.

Прогнозируя ликвидность банковского сектора на предстоящий период, регулятор справедливо учитывает бюджетные операции, рост спроса на наличные деньги, увеличение остатков на корреспондентских счетах банков выше уровня, необходимого для равномерного усреднения обязательных резервов.

ДКП И ИНЫЕ ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА

Место и роль валютного курса в системе мер и направлений единой ДКП на 2024 г. и период 2025–2026 гг. важно оценивать в контексте его взаимосвязей с происходящими структурными трансфор-

мациями в модели управления и финансирования российской экономики под влиянием санкционного режима и экономической значимости сбалансированного торгового баланса для поддержания равновесного курса российского рубля по отношению к доллару США [2; 3; 4].

В Документе режиму плавающего валютного курса отведена роль инструмента подстройки под меняющуюся внешнюю среду, сглаживающего воздействие внешних факторов на экономику (с. 4). Вместе с тем в экстраординарных условиях допустимо временное введение валютных ограничений с их последующим смягчением по мере снижения рисков. В частности, установленные Банком России в начале 2022 г. ограничения на свободное трансграничное движение рассматриваются как временная мера по нейтрализации рисков финансовой стабильности в результате блокировки валютных счетов Банка России и введения санкций.

В новых условиях, несмотря на действие мер по контролю за движением капитала, курс рубля остается плавающим. В Документе отмечается совместимость временного использования ограничений на свободу движения капитала для снижения рисков для финансовой стабильности со стратегией таргетирования инфляции и режимом плавающего валютного курса. (с. 13–14). Такая совместимость представляется дискуссионной с учетом того, что вводимые валютные ограничения по счету движения капитала платежного баланса, наряду с ограничениями на использование резервных валют для расчетов по экспортно-импортным операциям, усиливают в условиях плавающего валютного курса волатильность национальной валюты, а необходимость поддержания ценовой устойчивости требует значительного повышения процентных ставок.

В результате возникает эрозия действующего валютного канала трансмиссионного механизма (канала валютного курса), роль которого определяется влиянием ДКП на инфляцию, опосредованным изменением курса национальной валюты. Под влиянием изменившихся внутренних и внешних условий функционирования российской экономики происходят существенные трансформации в механизмах влияния валютного канала на инфляцию.

Традиционно валютный канал воздействует на инфляцию непосредственно через цены на импортируемые товары, а также через рублевую оценку стоимости экспорта и импорта, на которую существенно влияет ослабление или укрепление курса

национальной денежной единицы по отношению к иностранным валютам. В новых условиях изменение роли и влияния валютного канала на финансовую устойчивость обусловлено несколькими причинами. В Документе обоснованно выделяются два важных фактора снижения значимости в последние годы канала валютного курса в процессе ценообразования:

1) шоки, связанные с дезорганизацией глобального товарного рынка в период пандемии 2020–2021 гг. и изменениями логистики, расчетов и ценообразования по внешнеторговым сделкам в условиях санкционных ограничений;

2) ослабление связи между российским и иностранными финансовыми рынками и соответственно снижение влияния рублевых процентных ставок на валютный курс (с. 103).

Кроме того, в новых условиях эрозия канала валютного курса обусловлена следующими причинами.

Во-первых, базисным фактором нарушения нормального функционирования валютного канала является нерепрезентативность традиционного метода курсообразования рубля к доллару США как объективному индикатору оценки эффективности внешнеэкономической деятельности и экономики страны в целом. Курсовая волатильность самого доллара на международном валютном рынке и его преимущественно долговое обеспечение в сочетании с отключением российских банков от системы перевода финансовых сообщений SWIFT и доступа к валютной ликвидности на международных финансовых рынках не позволяют объективно оценивать внешнюю стоимость рубля и соответственно достоверно определять влияние канала валютного курса на инфляцию.

Во-вторых, деформацией в объективной оценке курса рубля, во многом обусловленной «мозаичностью» валютной структуры платежей и расчетов по экспортно-импортным операциям (доллары, евро, китайские юани, индийские рупии, российские рубли, другие валюты). Стоимостная основа и надежность обеспеченности этих валют существенно различаются, влияя в конечном счете на динамику валютного курса рубля. Одновременно значительная волатильность курса рубля в течение последних 1,5 лет вследствие чередования жестких валютных ограничений весной 2022 г. и позднее их сжатого во времени смягчения снижает доверие к действующей модели оценки влияния валютного канала на инфляцию. По сути, нарушается

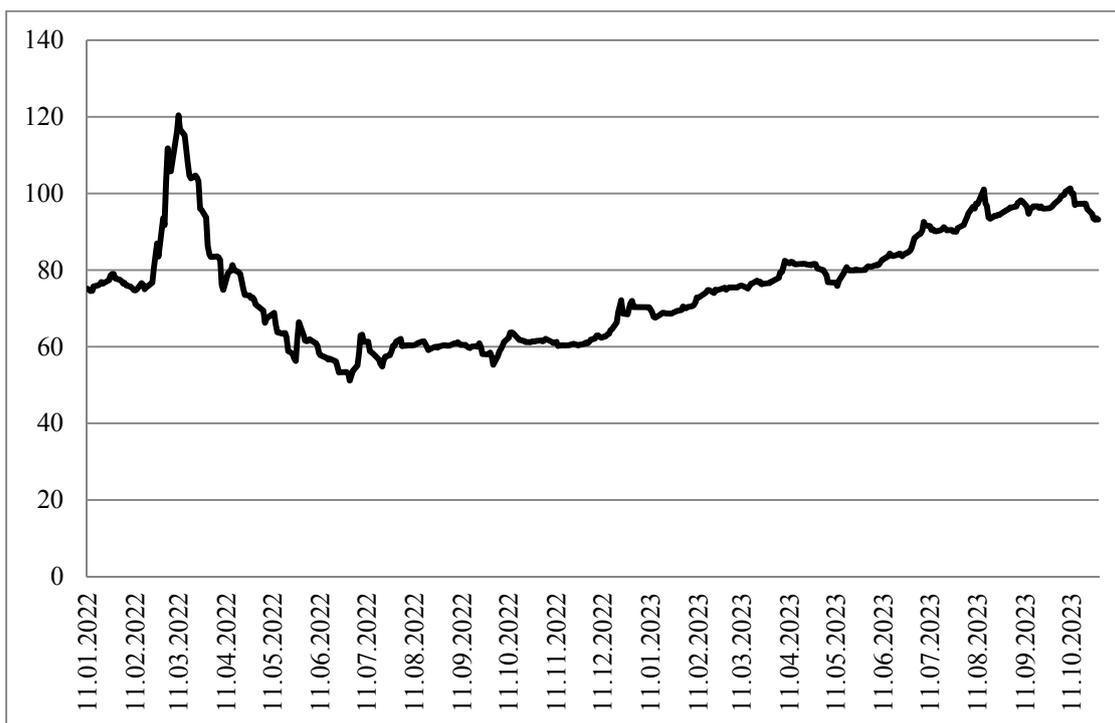

Рис 1. / Fig. 1. Динамика курса российского рубля к доллару США в 2022–2023 гг. / Dynamics of the exchange rate of the Russian ruble against the US dollar in 2022–2023

Источник / Source: построено авторами по данным Банка России / compiled by the authors according to the Bank of Russia.

взаимосвязь валютного и процентного каналов ДКП Банка России.

Так, ситуация в курсовой динамике рубля существенно не изменилась после трехкратного значительного повышения процентной ставки Банка России 21 июля, 15 августа и 15 сентября 2023 г. в целом с 7,5 до 13%. Это подтверждает слабое влияние канала процентной политики на валютный курс (рис. 1).

При этом наметившаяся весной-летом текущего года тенденция к снижению инфляции была нарушена существенным ростом цен в сентябре (табл.).

Банк России повысил 27 октября 2023 г. ключевую ставку до 15%, поскольку, как отмечается в пресс-релизе, «текущее инфляционное давление значительно усилилось и складывается выше ожиданий Банка России»³.

Согласно обновленному прогнозу Банка России «по итогам 2023 г. годовая инфляция сложится в диапазоне 7,0–7,5%»⁴.

³ Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 200 б.п., до 15,00% годовых. Пресс-релиз Банка России. 27 октября 2023 г. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=27102023_133000key.htm.

⁴ Там же.

Снижение влияния валютного канала на инфляцию обусловлено также резким сокращением долларовой ликвидности на денежном рынке Мосбиржи вследствие девальютации пассивов российского банковского сектора, возросшего перевода физическими лицами и компаниями валютных депозитов в «токсичных» валютах в рубли и роста дефицита ликвидности своп-рынка «токсичных» валют.

В Документе оцениваются перспективы развития трансмиссионного механизма ДКП и отмечается, что происходящая структурная перестройка российской экономики под влиянием геополитических рисков в 2022–2023 гг. ослабляет зависимость внутреннего рынка от внешних рынков и динамики курса рубля, способствуя снижению значимости валютного канала трансмиссионного механизма и росту значимости остальных каналов (с. 106–107). Такой вывод представляется обоснованным лишь частично, учитывая по-прежнему активное участие России в международной торговле. Что касается участия России на внешних финансовых рынках, то оно традиционно невелико, например в использовании зарубежных кредитов и займов в качестве источника финансирования основного капитала

Таблица / Table

Динамика темпа инфляции в России в 2023 г. (по месяцам) / Dynamics of the inflation rate in Russia in 2023 (by month)*

Месяц / Month	Темп инфляции / Inflation rate
Январь / January	0,84
Февраль / February	0,46
Март / March	0,37
Апрель / April	0,38
Май / May	0,31
Июнь / June	0,37
Июль / July	0,63
Август / August	0,28
Сентябрь	0,87
Всего / Total:	4,57

Источник / Source: Цены, инфляция. Потребительские цены. Росстат / Prices, inflation. Consumer prices. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>.

* Уровень месячной инфляции, представленный в этой таблице, рассчитывается за период от первого до последнего числа месяца / The monthly inflation rate shown in this table is calculated for the period from the first to the last day of the month.

российских предприятий (примерно 8–9% в их общей структуре).

При оценке влияния валютного канала важно учитывать не только количественные показатели, но и изменения в его качественных характеристиках. Так, повышаются требования к качеству функционирования валютного канала, связанные с регулированием рисков расширения спектра используемых валют в качестве средства платежа и расчетов.

В среднесрочной перспективе действенным методическим инструментом страхования валютных рисков в условиях трансформации валютной структуры расчетов по внешнеторговым операциям является переход к модели экспортного паритета с поддержанием сбалансированности экспортно-импортных операций на основе сближения ценовых условий продажи товаров на внешнем и внутреннем рынках [6; 7; 8]. Такой подход находится в русле государственной политики обеспечения технологического и финансового суверенитетов страны в соответствии с концепцией Правительства РФ развития российской экономики по сценарию «Ускоренная адаптация», предусматривающему сокращение доли экспортных отраслей в структу-

ре ВВП России с 29,8% в 2021 г. до 22,6% в 2030 г. в пользу роста обрабатывающих производств, ориентированных на внутренний рынок⁵. В контексте жесткого санкционного режима в целях повышения прогнозируемости курса рубля актуальным является активное использование инструментария валютных ограничений, включая обязательную продажу экспортёрами валютной выручки и введение ограничений на вывоз за рубеж российских рублей.

ДКП И ИНЫЕ ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ И МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКИ

Следует признать, что ДКП, обеспечивая ценовую стабильность в рамках режима таргетирования инфляции, создает важные, но не *единственно необходимые* условия для успешной структурной перестройки экономики, что находит отражение

⁵ Власти прогнозируют перестройку экономики в пользу внутреннего рынка к 2030 г. Ведомости, 19.сентября 2022 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/20/941591-vlasti-prognoziryuyut-perestroiku-ekonomiki>.

и подтверждается в зарубежных исследованиях [9; 10].

Сегодня можно констатировать, что на развитие инфляции существенное влияние оказывают именно немонетарные факторы инфляции, не зависящие от действий, мер и инструментов, применяемых Банком России при денежно-кредитном регулировании экономики. Купирование этих негативных факторов, лежащих, как верно отмечается в Документе (с. 27, 126), возможно при взаимодействии Банка России и Правительства РФ прежде всего в области бюджетно-налоговой политики, а также в части мер таможенного регулирования, ценообразования на отдельные товары и услуги [11].

В новой экономической реальности, обусловленной сохраняющимися рисками высокой неопределенности воздействия внешних факторов и глубины новых санкционных ограничений, их влияния на национальную экономику, финансовые рынки, финансовую и ценовую стабильность, возрастает необходимость координации взвешенной, сбалансированной ДКП с микропруденциальным регулированием и мерами макропруденциальной политики.

Банк России отмечает (в том числе в Документе), что он придерживается принципа разделения целей и инструментов ДКП и политики по поддержанию устойчивости финансового сектора, которая обеспечивается другими механизмами. Данное утверждение не вызывает возражения. Вместе с тем следует обратить внимание на тесную взаимообусловленность этого влияния. В этой связи полагаем, что трансмиссионный механизм ДКП целесообразно дополнить аналогичным механизмом макро- и микропруденциального регулирования, показать его влияние на формирование предложения денег в экономике и соответственно на ее структурную трансформацию. Так, считаем целесообразным совершенствование регулирования *процентной политики кредитных организаций* по следующим направлениям:

- установление безрисковой процентной ставки по кредитам сроком на один год (далее — БПС), что обеспечит предсказуемость и обоснованность процентной политики кредитных организаций;
- применение обеспеченного кредита системно значимыми кредитными организациями на срок один год (обеспечение — ценные бумаги из Ломбардного списка и права требования по кредитным договорам определенного качества), что позво-

лит усилить позитивное влияние на стабильность и предсказуемость процентной политики банков;

- регулирование процентной политики банков в рамках государственных программ развития соответствующих секторов экономики. Считаем целесообразным изменить подход к выделению ресурсов для реализации государственных программ поддержки приоритетных отраслей экономики и населения. Вместо прямого субсидирования процентных ставок целесообразно перейти к регламентированию порядка использования ресурсов на эти цели (остатки средств на счетах бюджетов всех уровней, целевые средства государственного бюджета, целевые облигационные займы, кредиты Банка России);
- обеспечение транспарентности риск-ориентированного ценообразования банковских кредитов.

Предложения по расширению спектра инструментов денежно-кредитного регулирования учитывают конструктивную критику со стороны академической науки⁶ и практиков, а также лучшие примеры из практики дружественных стран, в частности Китая. На финансовом рынке Китая⁷ используется *LPR* [базовая ставка по кредиту: среднесрочная (один год) и долгосрочная (пять лет)] как ориентир реальных кредитных ставок с тем, чтобы снизить ставки и сформировать трансмиссионный механизм от *MLF* (среднесрочной ставки кредитования) к *LPR*, а затем к кредитным ставкам. Это позволяет значительно сглаживать передаточный канал ДКП.

ДКП И ИНЫЕ ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕРЫ

Следует вновь, как и в прошлом году, высоко оценить стремление Банка России максимально использовать позитивный зарубежный опыт и в этой связи разъяснять возможности применения иностранными регуляторами нетрадиционных мер ДКП (с. 146), однако следует отметить, что Документ не содержит новых аспектов использования

⁶ Мешкова Е. И. Регулирование процентной политики кредитных организаций в контексте финансовой стабильности и экономического развития. *Банковские услуги*. 2023;(7):14–16. DOI: 10.36992/2075–1915_2023_7_14

⁷ Gang Yi. China's Interest Rate System and Market-based Interest Rate Reform. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4364384/2021102014082914468.pdf>.

зарубежного опыта. В нем, как и в аналогичном документе прошлого года, упоминается угроза ограничения смягчения ДКП эффективной нижней границей (*ELB*), которая считается пределом для ключевой ставки и при достижении которой снижение ставки не дает требуемого результата из-за уменьшения эффективности трансмиссионного механизма ДКП. Повторяется и вызвавший интерес экспертов в Документе прошлого года такой инструмент, как «покупки активов», применяемый в рамках программ количественного смягчения, позволяющий снижать средне- и долгосрочные процентные ставки, смягчая денежно-кредитные условия, а также нетрадиционный инструмент *Forward Guidance (FG)* — сигнал центрального банка о намерениях придерживаться определенной направленности ДКП, воздействующей на ожидания и решения субъектов экономической деятельности, в том числе для снижения неопределенности на рынке. Следует заметить, что для регулятора полезной видится его усиленная форма, в рамках которой центральный банк на достаточно длительном временном горизонте обозначает условия или сроки возможного начала повышения ключевой ставки или изменения параметров программ покупок активов. Как и в заключении прошлого года вынуждены признать, что формат предоставления указанного материала — врезка с описанием лишь механизма действия инструментов — представляется недостаточным для Документа. Если, по мнению регулятора, время для применения указанных инструментов пришло или близко, целесообразно было бы наметить контуры возможностей применения указанных нетрадиционных инструментов в рамках базового или альтернативных сценариев.

Банк России утверждает, что центральные банки других стран начинают применять механизмы покупки активов в условиях, когда процентные ставки снижены практически до нулевых значений и ставки снижать уже невозможно (с. 146). Однако напомним, что в США масштабные покупки американских казначейских облигаций со стороны ФРС применялись еще задолго до снижения учетной ставки до нулевой отметки — в 1980-х гг., когда ставки были сильно выше нуля⁸. Поэтому ситуация, когда процентная ставка существенно выше нуля, не

должна ограничивать возможности использования механизма покупки национальных гособлигаций. Поэтому применение данного механизма в России является крайне важным в условиях противодействия санкциям и стимулирования экономического роста. Более того, применение данного механизма:

- существенно расширяет внутренние основы финансовой системы, снижая в результате санкционные риски;
- расширяет возможности увеличения государственных расходов;
- увеличивает объемы длинных денег;
- способствует снижению процентной ставки.

Именно поэтому в настоящее время данный механизм применяется центральными банками большого числа стран. Использование аналогичных подходов было бы крайне важно в текущих условиях в Российской Федерации.

ДКП И ИНЫЕ ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И ВВЕДЕНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

В заключении на Документ 2021 г. и период 2022–2023 гг.⁹ мы поддержали регулятора в том, что при определении условий реализации ДКП должным образом должен быть учтен набор мер климатической политики, предпринимаемых при переходе к зеленой экономике. Приведенные выше эффекты находятся в поле зрения денежных властей, реализующих аналогичные зеленые инициативы, и рассматриваются в рамках нетрадиционных мер ДКП [10]. Указанные изменения наряду с последствиями пандемии коронавируса способны привнести изменения в мировую экономику и локально повлиять на экономику отдельных стран. При этом набор врезок Основных направления денежно-кредитной политики на 2022 г. и период 2023–2024 гг. содержал среди прочих врезку 5 «Влияние климатических изменений на условия проведения денежно-кредитной политики в России». В представленном Документе (как и в Документе прошлого года) аналогичная врезка отсутствует, а из текста неясно, как в приведенных сценариях ДКП скажется и скажется ли

⁹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024/#highlight=основные%7Снаправления%7Сденежно-кредитной%7Сполитики%7Сполитике.

⁸ Federal Reserve Statistical Release. Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.). 1996. 11 July.

в принципе климатическая повестка. На то, что климатическая повестка осталась в приоритетах регулятора, указывает анонсированный в декабре 2022 г. Банком России доклад «Климатические риски в меняющихся макроэкономических условиях»¹⁰. Видится, что соответствующие акценты или разъяснения относительно неактуальности учета указанных рисков, связанных с реализацией климатической повестки и упомянутых в соответствующих программных документах прошлых лет, должны содержаться в текущем Документе.

Следует отметить актуальность отражения в Документе проблем, связанных с введением цифрового рубля. Центральные банки ряда стран, в том числе Китая, внедряющего цифровую валюту, сегодня обращаются к указанной проблематике, пытаются дать оценку эффективности ДКП в условиях внедрения цифровой валюты [11].

Обращение регулятора к теме цифрового рубля, разработка Концепции цифрового рубля¹¹ и его намерение в соответствии со Стратегией развития финансового рынка России до 2030 г. внедрить к 2030 г. свою цифровую валюту как третью форму денег¹², а также заявление об ускоренном запуске в 2022 г. цифрового рубля ставят задачу отражения в Документе конкретных проблем и перспектив реализации Концепции.

Банк России повторил анализ прошлого года и вновь расставил акценты, связанные с влиянием цифрового рубля на ДКП: влияние на ликвидность банковского сектора, трансмиссионный механизм и операционную процедуру ДКП и финансовую

¹⁰ Климатические риски в меняющихся макроэкономических условиях. Доклад для общественных консультаций. Банк России. Декабрь 2022 г. Москва. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf.

¹¹ Концепция цифрового рубля. Центральный банк Российской Федерации. Апрель 2021 г. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

¹² Стратегия развития финансового рынка России до 2030 года. Проект Правительства РФ и Банка России. // https://docviewer.yandex.ru/view/88099111/?*=y9shu73jUB9Zw62BKoNsabJmTJF7InVybCl6lnhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVJMmlqV0RiRGRydnZyUGxTbV9PbDFyOF80NDI2ODVjUkZ4d1Jnb3pNRjJNcVA2VEEx6RGhhdWFMcTY5RnZpVVFtRmZzak1uRG1qQ3hCWTRhNFRVblZuclBodHNkZFdOUeZPQXBGaDVjejdMvjdIcWlIUWZuRG9TaFRrQ0VwNlIqQIE9PT9zaWduPV9ldG00R2-1qdWxvTHFIR0JlUFlPckpscFZaUGxUemhNX0FLWwtpew5oR009IiwidG10bGUiOiJkb2NfMjAyMTA5MTMuZG9jeCIsIm5vaWZyYW11IjpmYWxzZSwidWlkIjoiaOdGwOTkxMTEiLCJ0cyI6MTYzMiJmMjkyOTMwMywieXUiOiI4MTU5OTE1NTUxNjI3NDYwNjQ0In0%3D.

стабильность (с. 154–160). Согласимся с тем, что введение цифрового рубля снизит уязвимость российского банковского сектора и экономики в целом, учитывая стремительное развитие цифровых финансовых технологий и распространение цифровых валют центральных банков других стран. Важным считаем тот факт, что создание дополнительной платежной инфраструктуры для цифрового рубля будет способствовать формированию доверенного цифрового пространства на финансовом рынке, повысит устойчивость, надежность и бесперебойность работы платежной системы и денежных расчетов в целом, что будет способствовать поддержанию финансовой стабильности.

Следует согласиться с регулятором и принять тот факт, что реализуемая Банком России Концепция цифрового рубля не затронет фундаментальные основы функционирования банковской системы и принципы реализации ДКП. Целесообразно отметить, что в Документе текущего года большее, чем прежде, внимание уделено аспектам воздействия цифрового рубля на трансмиссионный механизм ДКП.

Банк России утверждает, что появление цифрового рубля не будет сопровождаться повышением спроса на деньги со стороны экономики (с. 155). Однако далее регулятор пишет, что профицит ликвидности вследствие введения цифрового рубля в банковском секторе может перейти в дефицит ликвидности (с. 156). Эти тезисы противоречат друг другу, так как с переходом в дефицит у банковского сектора очевидно возрастет спрос на деньги. Регулятор также утверждает, что риск формирования структурного дефицита ликвидности в результате введения цифрового рубля незначителен. Однако объемы перетоков средств из цифрового рубля в отдельные периоды могут быть масштабными и нестабильными и вызывать повышение волатильности на межбанковском рынке, способствуя росту процентных ставок.

Следует заметить, что цифровые технологии развиваются не только на рынке денег, эмитируемых Банком России, но и на рынке безналичных денег.

Токенизированные депозиты становятся объектом внимания Банка России. Их понятие, возможности и риски внедрения, влияние на финансовую систему были рассмотрены в Докладе ЦБ РФ¹³, где

¹³ Токенизированные безналичные деньги на счетах в банках. Информационно-аналитический доклад. Банк России. 2023. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=17048>.

также отмечается предварительно прогнозируемое положительное влияние токенизации депозитов на скорость обращения денег и проводимость трансмиссионного механизма ДКП. При этом мегарегулятор указывает на то, что внедрение инноваций в части применения смарт-контрактов в сфере безналичных денег существенно не отразится на уровне ликвидности банковской системы, хотя остается не ясно, как будет происходить процесс мультипликации безналичной денежной массы в условиях цифровизации. На наш взгляд, Банк России провел значительную работу в части анализа теории и практики токенизации безналичных денег, поэтому мог бы дополнить Документ врезкой о влиянии токенизированных депозитов на результативность ДКП с учетом вышеизложенного комментария.

ДКП И ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ РЕГУЛЯТОРА

В Документе справедливо ставится задача достижения еще большей информационной открытости регулятора в целях расширения и совершенствования коммуникаций как одного из значимых инструментов ДКП. В экспертных комментариях по ДКП мы не раз подчеркивали важность коммуникаций для эффективной реализации целей реализуемой политики, в связи с чем заслуживает одобрения реализуемая регулятором, несмотря на сложившиеся условия, политика информационной открытости. Действительно, формированию предсказуемой экономической среды, особенно в период существенного изменения экономической ситуации, помогает оперативное и полное раскрытие Банком России информации о реализуемой ДКП.

Информационная прозрачность позволяет сдерживать инфляционные ожидания населения, которые являются важным немонетарным фактором инфляции в России. Рис. 2 иллюстрирует, что в период геополитической нестабильности 2022 г. всплеск инфляции произошел на фоне роста инфляционных ожиданий населения, а дальнейшее снижение темпов роста цен происходило по мере снижения инфляционных ожиданий. С III квартала 2023 г. снова наблюдается рост инфляционных ожиданий населения на фоне ослабления национальной валюты, что в совокупности определяет рост фактической инфляции.

В этой связи следует поддержать намерения Банка России и далее совершенствовать коммуникации, увеличивая количество раскрываемой информации и повышая ее адресность, с целью привязки инфляционных ожиданий населения к уровню целевого значения инфляции. Заметим, что информационные эффекты ДКП не игнорируются зарубежными регуляторами, напротив, на них делают высокие ставки, прогнозируя инфляционные ожидания и темпы инфляции [12].

В ряду мер информационной открытости следует отметить и прямо прописанную в Документе основную функцию Банка России, закрепленную в Конституции Российской Федерации: *защита и обеспечение устойчивости рубля*. В соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» эта функция реализуется посредством поддержания ценовой стабильности, которая означает устойчиво низкую инфляцию, а не курса национальной валюты.

В 2023 г. Банк России сделал шаг в сторону раскрытия специфики коммуникации как инструмента ДКП, опубликовав Аналитическую записку, посвященную данному инструменту [13], где систематизированы данные накопленных исследований регулятора за период 2020–2023 гг. Соглашаемся с важностью публикации данного документа ввиду того, что коммуникация рассматривается как инструмент ДКП с 2020 г., но в ДКП не систематизируются каналы коммуникации, из-за чего затрудняется понимание данного инструмента. В связи с этим рекомендуем Банку России дополнить п. 1 Документа информацией из табл. 1 и рис. 1 указанной Аналитической записки, раскрывающей перечень каналов коммуникаций Банка России и динамику развития информационной открытости. Положительно оценивая данный материал, считаем, что его наличие в Документе упростило бы понимание коммуникации как инструмента ДКП и наглядно иллюстрировало бы развитие принципа информационной открытости.

Коммуникации Банка России с населением и бизнесом в сочетании с политикой повышения финансовой, правовой, цифровой грамотности субъектов рынка обеспечивают тот уровень доверия к регулятору, который в свою очередь становится фактором повышения эффективности реализуемой ДКП. В качестве успешно реализованного в апреле — мае 2023 г. проекта по развитию коммуникаций Банка России стало обсуждение отмеченного выше Обзора

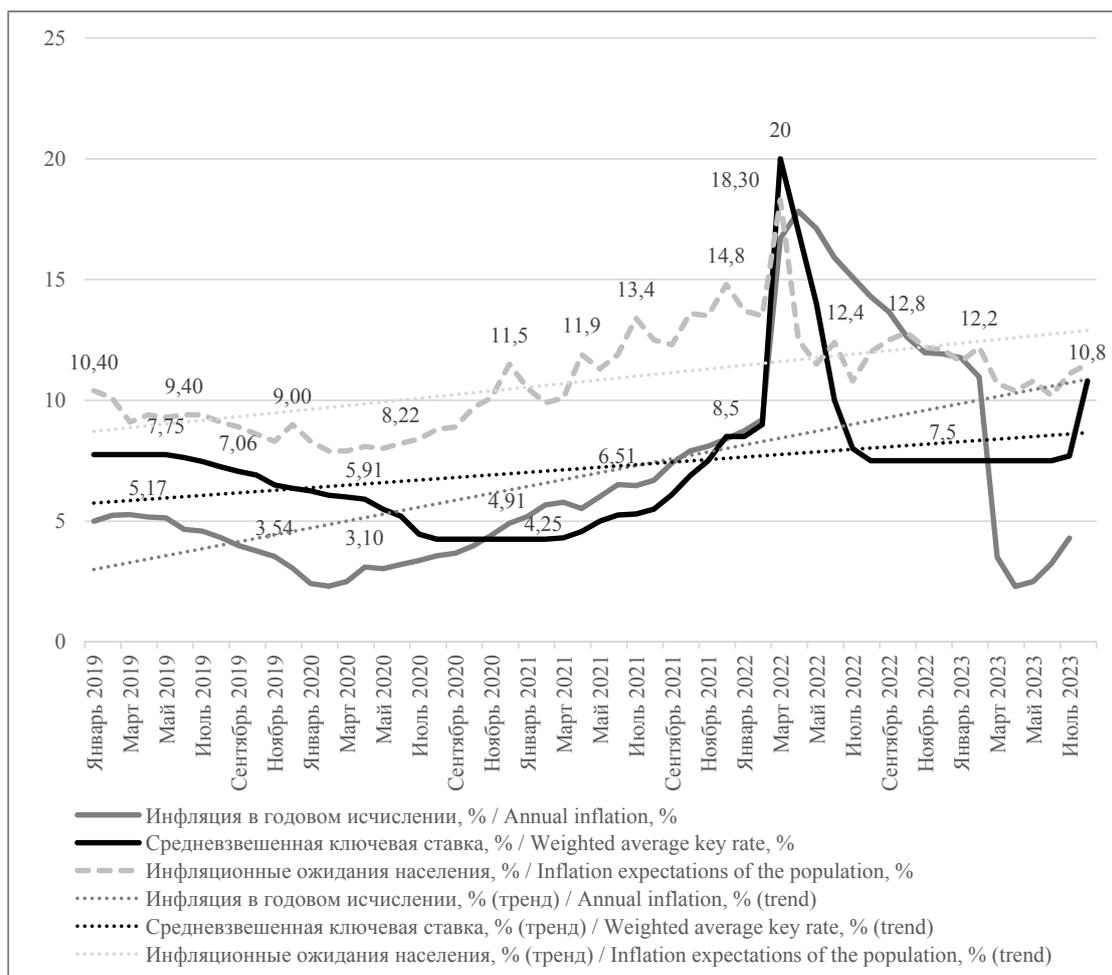

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика инфляции, ключевой ставки и инфляционных ожиданий в России / Dynamics of inflation, key rate and inflation expectations in Russia

Источник / Source: составлено авторами по данным Банка России / compiled by the authors*.

* Инфляционные ожидания. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/inflationary_expectations. Ключевая ставка Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate.

денежно-кредитной политики. Банк России провел встречи с экспертным сообществом, общественные консультации в регионах, обсуждение на Финансовом конгрессе Банка России, обеспечил общественное обсуждение на сайте. Следует констатировать, что результаты исследований и итоги общественной дискуссии, замечания и рекомендации, высказанные в ходе обсуждения, нашли отражение в материалах Документа. Считаем целесообразным продолжить данную практику встреч и консультаций, открыто выходя на обсуждение острых вопросов современной ДКП и прогнозов развития монетарной сферы в средне- и долгосрочной перспективе. Представляется целесообразным наряду с составлением Обзора ДКП провести анализ условий проведения валютной

политики и ее результатов для оценки эффективности режима плавающего валютного курса. Подготовка такого Обзора с последующим широким общественным обсуждением, несомненно, будет способствовать обеспечению прозрачности проводимой Банком России политики, повышению доверия к регулятору.

ВЫВОДЫ

Эксперты Финансового университета, несмотря на высказанные замечания, положительно оценивают Документ, но полагают, что приведенные в экспертном заключении рекомендации сделают более эффективной современную ДКП с точки зрения поставленной задачи системной трансформации российской экономики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Ларионова И.В., Ершов М.В., Захарова О.В., Зеленева Е.С., Пищик В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(1):6–21.
2. Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста. Цели и задачи экономической политики в новых условиях. *Эксперт*. 2022;1252(20):40–50. URL: <https://expert.ru/expert/2022/20/memorandum-suverennogo-rosta>.
3. Пищик В.Я., Алексеев П.В. Особенности и направления трансформации модели управления финансово-экономической системой России в условиях усиления глобальных вызовов. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(4):6–16. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-6-16
4. Ершов М.В. Как финансировать новые госрасходы: возможные механизмы в условиях санкций. *Экономические стратегии*. 2022;186(6): 26–29. DOI: 10.33917/es-6.186.2022.26-29
5. Мишина В.Ю., Хомякова Л.И. Дедолларизация и расчеты в национальных валютах: евроазиатский и латиноамериканский опыт. *Вопросы экономики*. 2020;(9):61–79. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-61-79
6. Винокуров Е.Ю., Гричик М.В. Новая концепция международных резервов: безопасность, диверсификация, неортодоксальные подходы. *Вопросы экономики*. 2022;(12):24–43. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-24-43
7. Кузнецов А.В. Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений. *Вопросы политической экономики*. 2023;(2):102–114. DOI: 10.5281/zenodo.7987853
8. Sonali Das, Wenting Song Monetary policy transmission and policy coordination in China. *China Economic Review*. 2023;82(December).
9. Nicolas Caramp, Dejanir H. Silva Fiscal policy and the monetary transmission mechanism. *Review of Economic Dynamics*, nicolasaramp.com/files/fiscal-policy.pdf. 18 august 2023.
10. Fang Fang, Deng-Kui Si, Debao Hu Green bond spread effect of unconventional monetary policy: Evidence from China. *Economic Analysis and Policy*. 2023;80(December):398–413.
11. Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения экономической стабильности и обеспечения экономического роста. Монография. Абрамова М.А., ред. М.: КноРус; 2021:69–74 с.
12. Cheng Zhou Evaluating the effectiveness of monetary policy for retail central bank digital currency. *Latin American journal of Central banking*, available 2023;100111(September).
13. Yusuke Tanahara, Kento Tango, Yoshiyuki Nakazono Information effects of monetary policy. *Journal of the Japanese and international economies*. 2023;70(December);101276.
14. Евстигнеева А. Коммуникация как инструмент денежно-кредитной политики. Аналитическая записка. URL: https://cbr.ru/statichhtml/file/146496/research_policy_notes_b_4_1.pdf.

REFERENCES

1. Abramova M. A., Dubova S. E., Ershov M. V., Zakharova O. V., Zeleneva E. S., Larionova I. V., Pishik V. Y. On the main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period 2024 and 2025: opinion of experts of the Financial University. *Ekononika. Nalugi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(1):6–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-6-21
2. Kryukov V., Porfiriev B., Shirov A. Memorandum of sovereign growth. goals and objectives of economic policy in the new conditions. *Expert*. 2022;1252(20):40–50. URL: <https://expert.ru/expert/2022/20/memorandum-suverennogo-rosta>. (In Russ.).

3. Pischik V. Ya., Alekseev P.V. Features and directions of transformation of the management model of the financial and economic system of Russia in the context of increasing global challenges. *Ekonomika. Na-logi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(4):6–16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X–2022–15–4–6–16
4. Ershov M. V. How to finance new government spending: possible mechanisms under sanctions. *Ekonomicheskie strategii = Economic strategies*. 2022;186(6):26–29. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-6.186.2022.26–29
5. Mishina V. Yu., Khomyakova L.I. Dedollarization and settlements in national currencies: Eurasian and Latin American experience. *Voprosy ehkonomiki = Economic issues*. 2020;(9):61–79. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2020–9–61–79
6. Vinokurov E. Yu., Grychik M.V. A new concept of international reserves: security, diversification, unorthodox approaches. *Voprosy ehkonomiki = Questions of Economics*. 2022;(12):24–43. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2022–12–24–43
7. Kuznetsov A.V. Transferable ruble as a unique project of international monetary relations. *Questions of political economy*. 2023;(2):102–114. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.7987853
8. Sonali Das, Wenting Song Monetary policy transmission and policy coordination in China. *China Economic Review*. 2023;82(Desember).
9. Nicolas Caramp, Dejanir H. Silva Fiscal policy and the monetary transmission mechanism. *Review of Economic Dynamics*, nicolasaramp.com›files/fiscal-policy.pdf. 18 august 2023.
10. Fang Fang, Deng-Kui Si, Debao Hu Green bond spread effect of unconventional monetary policy: Evidence from China. *Economic Analysis and Policy*. 2023;80(December):398–413.
11. Fiscal and monetary instruments for achieving financial stability and ensuring economic growth. Monograph. Abramova M.A., ed. Moscow: KnoRus; 2021:69–74.
12. Cheng Zhou Evaluating the effectiveness of monetary policy for retail central bank digital currency. *Latin American journal of Central banking*, available 2023;100111(September).
13. Yusuke Tanahara, Kento Tango, Yoshiyuki Nakazono Information effects of monetary policy. *Journal of the Japanese and international economies*. 2023;70(Desember),101276.
14. Evstigneeva A. Communication as a tool of monetary policy. Analytical note. URL: https://cbr.ru/statichhtml/file/146496/research_policy_notes_b_4_1.pdf. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Александровна Абрамова — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, главный научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina A. Abramova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Chief Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9338-8478>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MAbramova@fa.ru

Светлана Евгеньевна Дубова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Svetlana E. Dubova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Leading Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7033-1206>

sedubova@fa.ru

Валентина Юрьевна Диденко — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Valentina Yu. Didenko — Ph.D. (Econ.), Ass. Prof., Ass. Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4116-826X>

vydidenko@fa.ru

Михаил Владимирович Ершов — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Mikhail V. Ershov — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5811-9560>

mvershov@fa.ru

Ольга Владимировна Захарова — старший преподаватель кафедры банковского дела и монетарного регулирования, научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Olga V. Zakharova — Senior Lecturer, Deputy Head of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6377-3006>

ovzaharova@fa.ru

Елена Сергеевна Зеленева — кандидат экономических наук, ассистент кафедры банковского дела и монетарного регулирования, младший научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena S. Zeleneva — Ph.D. (Econ.), Assistant of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Junior Researcher at the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0892-6070>

ESZeleneva@fa.ru

Ирина Владимировна Ларионова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Irina V. Larionova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6550-2472>

ilarionova@fa.ru

Виктор Яковлевич Пищик — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Viktor Ya. Pischik — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of World economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9013-7670>

VPiwik@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М.А. Абрамова — научное обоснование и анализ принципов сформированной единой государственной денежно-кредитной политики, общее редактирование статьи.

С.Е. Дубова — научный анализ применяемых нетрадиционных инструментов денежно-кредитной политики, влияния цифрового рубля на денежно-кредитную политику.

В.Ю. Диденко — научный анализ предпочтений Банка России в достижении ценовой стабильности.

М.В. Ершов — научный анализ сценариев основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики и взаимосвязи денежно-кредитной и бюджетной политик.

О.В. Захарова — научный анализ влияния денежно-кредитной политики Банка России на ликвидность банковского сектора, эффективность применяемых регулятором инструментов регулирования ликвидности.

Е.С. Зеленева — научный анализ транспарентности денежно-кредитной политики и коммуникации как инструмента денежно-кредитной политики.

И.В. Ларионова — научный анализ сценариев основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики и взаимосвязи денежно-кредитной и макропруденциальной политик.

В.Я. Пищик — научное обоснование вопросов развития валютной политики и определения ее места в государственной экономической политике.

Authors' Contribution Statement:

Marina A. Abramova — scientific substantiation and analysis of the principles of the formed unified state monetary policy, general editing of the article.

Svetlana E. Dubova — scientific analysis of non-traditional monetary policy instruments used, the impact of the digital ruble on monetary policy.

Valentina Yu. Didenko — scientific analysis of the Bank of Russia preferences in ensuring price stability.

Mikhail V. Ershov — scientific analysis of scenarios of the main directions of the unified state monetary policy and the relationship of monetary and budgetary policy.

Olga V. Zakharova — scientific analysis of the impact of the monetary policy of the Bank of Russia on the liquidity of the banking sector, the effectiveness of the instruments used by the regulator to regulate liquidity.

Elena S. Zeleneva — scientific analysis of monetary policy transparency and communication as a monetary policy tool.

Irina V. Larionova — scientific analysis of scenarios of the main directions of the unified state monetary policy and the relationship of monetary and macroprudential policy.

Viktor Ya. Pischik — scientific substantiation of the issues of the development of monetary policy and determining its place in the state economic policy.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33

УДК 336.62,336.148(045)

JEL D24, L15, M11, O12

Основы координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик для обеспечения роста российской экономики

Н.Н. Парасоцкая^а, Н.Д. Яковлев^б^а Российский государственный социальный университет, Москва, Россия;^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политики, представляющие собой одни из базовых инструментов регулирования экономических процессов в российской экономической системе, координация которых является существенным фактором обеспечения успешности экономической политики. *Цель работы* — установление в условиях текущего санкционного давления со стороны стран Запада действенных мер реагирования на возникающие шоки без взаимной нейтрализации одного из видов государственной политики инструментами другой политики. В данной статье рассмотрены основные инструменты экономической политики государства с позиции их взаимовлияния и взаимодействия с целью достижения положительных для хозяйственной системы результатов. Установлена сущность налогового механизма. В части бюджетной политики обоснован механизм субсидирования предприятий. Определено понятие бюджетного правила. Выделены цели и задачи денежно-кредитной политики. *Сделаны выводы* о том, что вследствие опосредованного влияния через инструменты денежно-кредитной политики Центрального банка и бюджетно-налоговой политики Правительства РФ на макроэкономические процессы возникает проблема взаимовлияния принимаемых бюджетно-налоговых и денежно-кредитных мер с точки зрения оказания нейтрализующих или усиливающих друг друга эффектов, которые могут затруднять достижение конечной цели обоих направлений экономической политики — обеспечение условий устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: экономика; бюджетная политика; налоговая политика; денежно-кредитная политика; монетарные инструменты

Для цитирования: Парасоцкая Н.Н., Яковлев Н.Д. Основы координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик для обеспечения роста российской экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):23-33. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33

ORIGINAL PAPER

Fundamentals of Coordination of Monetary and Fiscal Policies to Ensure the Growth of the Russian Economy

N.N. Parasotskaya^а, N.D. Yakovlev^б^а Russian State Social University, Moscow, Russia; ^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is monetary and fiscal policy, which are one of the basic tools for regulating economic processes in the Russian economic system, the coordination of which is an essential factor in the success of ensuring the overall effects of economic policy. *The purpose of the work* is to establish effective measures to respond to emerging shocks in the context of current sanctions pressure from Western countries without mutually neutralizing one type of government policy with the tools of another policy. This article examines the main instruments of the state's economic policy from the perspective of their mutual influence and interaction in order to achieve positive results for the economic system. The essence of the tax mechanism has been established. In terms of budget policy, the mechanism of subsidizing enterprises is justified. The concept of a budget rule is defined. The goals and objectives of monetary policy are highlighted. *It is concluded* that since simultaneous indirect influence on macroeconomic processes is carried out through the instruments

© Парасоцкая Н.Н., Яковлев Н.Д., 2024

of the monetary policy of the central bank and the instruments of the fiscal policy of the Government, there is a problem of mutual influence of the adopted fiscal and monetary measures in terms of neutralizing or reinforcing each other effects that can have a negative impact on the achievement of The ultimate goal of both directions of economic policy is to ensure conditions for sustainable economic growth.

Keywords: economics; fiscal policy; tax policy; monetary policy; monetary instruments

For citation: Parasotskaya N.N., Yakovlev N.D. Fundamentals of coordination of monetary and fiscal policies to ensure the growth of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):23-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33

Важнейшими составляющими экономической политики государства являются денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политики, параметры инструментов которых настраиваются таким образом, чтобы обеспечивать наилучшее достижение поставленных целей и полное выполнение задач соответствующих направлений экономики. При этом не менее важным является координация действий монетарной и фискальной политик в процессе достижения общей цели экономической политики — обеспечение развития экономики и роста общественного благосостояния в условиях стабильных параметров инфляции и низкой безработицы, т.е. количественное увеличение и качественное совершенствование общественного продукта и факторов его производства.

БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

В современных условиях функционирования экономики на национальном уровне на фоне развития мировой финансовой, экономической и политической обстановки чрезвычайно важна роль государства в обеспечении устойчивых темпов экономического роста. Большую значимость приобретает экономическая политика в условиях финансовых шоков, вызываемых отчасти непредсказуемыми событиями, выходящими за рамки действия экономических моделей и затрагивающими фундаментальные основы построения национальной хозяйственной системы.

Известно, что экономический рост представляет собой долгосрочную тенденцию к увеличению национального богатства, создаваемого за единицу времени в рамках макроэкономической системы, которая выражается в оценке среднегодовых темпов роста валового внутреннего продукта государства (далее — ВВП) или региона (далее — ВРП), объемы которых в свою очередь зависят от множества объективных и субъективных факторов [1].

Однако оценке не подлежат субъективные факторы, оказывающие опосредованное и косвенное влияние на темпы и масштабы экономического роста ввиду того, что они чаще всего имеют хаотичное и непрогнозируемое воздействие на показатели системы национальных счетов, тогда как объективные финансово-экономические факторам имеют осязаемую форму, которую можно предугадать и рассчитать.

При формировании любых планов и стратегий развития хозяйственной системы органы управления стараются принимать во внимание наиболее значимые объективные факторы развития экономики и создавать финансовые механизмы реагирования на непредвиденные шоки, которые чаще всего случаются при срабатывании субъективных факторов и абсолютно непрогнозируемых шоковых событиях [2].

Регулирование экономического роста осуществляется посредством проведения бюджетно-налоговой политики государства — комплекса мероприятий, направленных на управление экономических процессов с помощью государственных расходов и налогового механизма. В рамках нее применяется широкий арсенал инструментов и методов воздействия как на отдельные производственные процессы, так и на ситуацию в целой отрасли, регионе или системе всей страны сразу [3].

При рассмотрении бюджетно-налоговой политики целесообразно подразделить ее на два больших сегмента: бюджетная политика и налоговая политика.

ДЕЙСТВИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ

Налоговая политика, базирующаяся на определении размеров изъятия части ВВП в пользу публично-правовых образований, представляет собой набор обязательных платежей и элементов налогообложения, которые оказывают непосредственное и (или) косвенное влияние на деятель-

ность хозяйствующих субъектов — юридических и физических лиц.

Теоретическое обоснование воздействия налоговой политики на экономику осуществляется со второй четверти XIX в. Так, ученый-экономист А. Маршал приходит в своих работах к выводу о том, что обязательные платежи не только выполняют очевидную фискальную функцию, но и одновременно являются весьма действенным инструментом управления экономикой. Налоги также рассматриваются в работах Дж. М. Кейнса в качестве регуляторного инструментария в рамках выдвинутой им концепции активного участия органов государственной власти экономического блока в управлении хозяйственной системой на макроуровне [4]. Так, он подчеркивает, что только за счет более активного манипулирования одними из элементов налогообложения — налоговыми ставками появляется весьма эффективная возможность повышения инвестиционной активности в отдельных сегментах национальной экономики.

При этом существует способ теоретической оценки общих размеров налогообложения, который выступает важным фактором развития национальной хозяйственной системы. Речь идет о модельной кривой, построенной американским ученым — экономистом Артуром Лаффером, который предположил, что между ставкой налога и налоговыми поступлениями существует нелинейная зависимость, изображаемая на графике кривой, которая демонстрирует существование предельного размера налоговой ставки или величины налоговой нагрузки, определяющей теоретический максимально возможный уровень налоговых доходов государства [5].

Так, при высоких налоговых ставках у предприятий остается мало возможностей для развития собственного производства, так как дополнительное налоговое бремя увеличивает их расходы, обуславливая в данном случае повышение деловой активности, что в итоге приводит к сокращению налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы [6].

Теория Артура Лаффера задает базовую модель работы налогового механизма государства без учета бюджетной составляющей. Рассматривая налоговую политику в отдельности при обеспечении прочих равных условий, важно оценивать не только общие уровни налоговой нагрузки, задаваемые налоговыми ставками, которые ограни-

чивают финансовые возможности хозяйствующих субъектов, но и отдельные элементы обязательных платежей и налоговых режимов. Через установление и корректировки их составляющих создаются стимулы для хозяйствующих субъектов, а также условия, которые побуждают их реализовывать инновационные решения и расширять деятельность в той или иной отрасли в зависимости от выбранной органами государственной власти стратегии развития национальной экономики.

Основным инструментом налогового регулирования являются размеры налоговых ставок, определяющие долю налоговой базы, которую должен уплатить экономический агент в пользу бюджета. Ее регулирование может осуществляться путем повышения налоговых ставок для отдельных категорий налогоплательщиков в целях сдерживания развития того или иного сектора экономики с тем, чтобы не допускать перегрева экономики и негативного влияния на взаимосвязанные рыночные механизмы и контрагенты [7].

Напротив, для оказания стимулирующего воздействия на отдельные сегменты рынка или на всю экономику в целом применяются такие налоговые инструменты, как понижение уровня налоговой ставки, налоговые вычеты, уменьшающие налоговую базу, или прямые налоговые вычеты, а также переход на специальные налоговые режимы и перенос деятельности в специальные экономические зоны, где обеспечиваются уникальные налоговые условия.

На практике очень часто применяются временные или условные меры по снижению налоговой нагрузки на предприятия, в результате которых определенные операции освобождаются от налогообложения или понижаются уровни налоговых ставок на постоянной или временной основе. Например, для стимулирования развития экспортной деятельности компаний могут предусматриваться нулевые ставки по косвенным налогам, а по перечню социально-значимых товаров — пониженные ставки налогообложения.

Косвенные налоги, такие как налог на добавленную стоимость или акциз, оказывают прямое влияние на темпы роста цен и создают определенный уровень инфляционного давления на экономику, поскольку они чаще всего закладываются в цену товара, работы или услуги, фактически перенося фискальную нагрузку по данным платежам на потребителей.

Теория влияния данного механизма является одной из наиболее важных при рассмотрении вопросов взаимодействия денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик, поскольку именно уровень инфляционного давления является одним из главных предметов монетарного регулирования.

При этом необходимо отметить, что ряд зарубежных и отечественных исследователей указывают на ограниченное влияние косвенных налогов (в частности НДС) на темпы инфляции, поскольку инфляционное давление зависит от степени эластичности спроса по цене на конкретное благо. Однако даже в этом случае кратковременное ускорение ценовой динамики будет наблюдаться только при условии, что косвенное налоговое бремя будет увеличено, а размер такого ускорения будет зависеть от эластичности спроса на каждую группу товаров в отдельности [8].

В налогообложении активно применяются освобождение от налогообложения или снижение его ставок по прямым налогам для отдельных видов деятельности — в развивающихся странах данная тенденция вызывается прежде всего необходимостью стимулирования сектора информационных технологий. Элементами регулирования также служат установление или изменение перечня операций, доходы/расходы по которым учитываются в налоговой базе прямых налогов.

Важным инструментом регулирования экономики через налоговые механизмы является создание особых экономических зон или территорий с особым режимом предпринимательской деятельности. В общем виде территории с особым предпринимательским режимом предполагают применение преференций для хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность на данной территории.

В рамках научного исследования роли государственных финансов в регулировании территориальных пропорций социально-экономического развития России нами были исследованы территории, на которых реализуются беспрецедентные меры налогового стимулирования компаний — участников таких зон, в соответствии с которыми бизнес получает возможность существенно сокращать издержки и направлять высвобождаемые финансовые ресурсы на собственное развитие, что оказывает положительное влияние на выпуск в той или иной продукции [10].

В различных юрисдикциях устанавливаются режимы, предлагающие существенное сокраще-

ние налоговой и административной нагрузок на предприятия сектора малого предпринимательства. Аналогичные преференции могут предоставляться сельхозпроизводителям или компаниям, работающим в сфере розничной торговли.

В России примерами таких режимов выступают упрощенная система налогообложения (далее — УСН), единая система налогообложения для сельхозпроизводителей (далее — ЕСХН), а также относительно недавно отмененный режим налогообложения вмененного дохода (далее — ЕНВД).

Помимо тривиальных мер, определяющих свое влияние через налоговую нагрузку, активно применяются меры по усилению или ослаблению административной нагрузки на бизнес. Так, для стимулирования деловой активности государство прибегает к сокращению числа налоговых проверок компаний и введению моратория на проведение таких проверок на начальных этапах развития малого бизнеса.

Данные меры позволяют ограждать предприятия отдельной отрасли или малые предприятия от использования дополнительных ресурсов на реагирование на предписания и проверочные мероприятия контрольных органов, которые не только увеличивают общие издержки производства, но и усложняют работу экономических агентов путем выстраивания дополнительных административных барьеров, отвлекающих налогоплательщиков от основной деятельности и целей развития [9].

Все описанные инструменты оказывают воздействие на производительность отдельных компаний на микроуровне, однако, поскольку такие инструменты имеют массовый характер и обычно применяются в рамках отраслей, видов экономической деятельности, секторов экономики или повсеместно, их конечные эффекты в агрегированном виде воздействуют на деятельность предприятий на макроуровне. Так, повышение ставок косвенных налогов в зависимости от ценовой эластичности по той или иной товарной группе, а также через канал инфляционных ожиданий стимулирует рост общего уровня цен в экономике, что отражается прежде всего на благосостоянии граждан и их покупательной способности. При этом такие стимулирующие меры, как создание особых экономических зон, введение новых налоговых режимов, расширение льготимых видов деятельности в рамках отдельных обязательных платежей, отмена таких платежей позволяют компаниям, пользующимся данными

преференциями, расширять свою деятельность, что положительно отражается на показателях макроуровня, а именно на росте ВВП, уровне заработных плат и (или) сокращении уровня безработицы.

ДЕЙСТВИЕ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ

Набор инструментов регулирования бюджетной политики довольно разнообразен и применим в зависимости от характера экономической конъюнктуры рынка [11]. Среди наиболее значимых можно выделить такие инструменты, как бюджетные трансферты, предоставление государственных гарантий, государственное инвестирование, а также субсидирование процентных ставок по кредитам.

Бюджетные трансферты представляют собой на сегодняшний день одну из наиболее действенных мер поддержки компаний, удовлетворяющих требованиям, отражаемым в нормативных документах, регламентирующих предоставление таких субсидий.

Данный инструмент бюджетной политики является точечным методом поддержки и стимулирования деятельности хозяйствующих субъектов. Так, посредством предоставления бюджетных средств на условиях их целевого использования стимулируется развитие отдельных отраслей экономики.

Примером такой поддержки служат экспортные субсидии, которые в России предоставляются в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт», давая, например, возможность организациям, несущим существенные затраты на транспортировку своей продукции, но имеющим конкурентные качественные преимущества продукта и экспортный потенциал, реализовывать свои возможности и повышать производительность отрасли благодаря уменьшению логистических издержек.

Через бюджетный канал, представляющий собой отдельные специальные счета, осуществляется инвестирование государством денежных средств в повышение производственного потенциала отраслей экономики с последующим запуском смежных процессов, необходимых для обслуживания конкретных производств или проектов.

Государственные инвестиции чаще всего принимаются на условиях государственно-частного партнерства (далее — ГЧП), при котором доля бюджетных средств в проекте ограничена и в конечном счете нацелена на то, чтобы государство могло в дальнейшем выйти из указанного проекта после

создания необходимых предпосылок для расширения производства. При этом посредством бюджетного инвестирования в конкретные проекты создается не только материально-техническая база для построения нового производственного комплекса, но и в целом задается направление деятельности хозяйствующих субъектов, в которое могут активно включаться частные компании, поскольку именно бюджетные средства в проектах демонстрируют прямую заинтересованность государства в росте той или иной отрасли. При положительных результатах работы и окупаемости вложенных средств при помощи такого инструмента можно добиваться увеличения количества рабочих мест, роста спроса на ресурсы и стимулирования инновационной деятельности, что по своей сути призвано создавать новую стоимость в экономике и вносить вклад в рост ВВП.

Среди прочего в настоящее время также активно применяются инструменты субсидирования процентных ставок по кредитам для отдельных категорий граждан и предприятий. Для стимулирования развития сектора малого предпринимательства бюджетные средства предоставляются кредитным организациям, которые в последующем формируют специальные предложения для отдельных категорий юридических лиц, являющихся, как правило, малыми предприятиями — субъектами экономической деятельности, которые особо нуждаются в более дешевых по сравнению со средними ставками денежных ресурсов. Возмещая часть упущенной выгоды за счет бюджетных средств, государство создает условия для привлечения компаниями более дешевых финансовых ресурсов для развития и расширения своей деятельности, что не может не оказывать положительного долгосрочного влияния на выпуск продукции. Примером весьма действенной программы субсидирования процентных ставок для граждан является воздействие бюджетных средств на сектор ипотечного кредитования. В России такие программы, как «Доступное жилье для граждан», позволяют не только населению улучшать свое благосостояние и направлять сэкономленные на процентах по такому крупному кредиту средства на текущее потребление, стимулируя производство товаров, работ и услуг, но и, что более важно, — увеличивать спрос на жилье и соответственно поддерживать сектор жилищного строительства, требующий вложения больших объемов ресурсов, которые формируются в смежных отраслях экономики. В результате рост

спроса на готовое жилье создает мультипликативный эффект, стимулируя спрос на строительные материалы, технику и рабочую силу.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что любые вливания бюджетных средств в тот или иной сектор экономики часто создают тем или иным образом предпосылки расширения инфляционного давления. Так, стимулирование жилищного строительства через субсидирование процентных ставок и других инструментов льготного кредитования или прямое целевое предоставление бюджетных средств гражданам побуждает компании — застройщиков повышать цены на жилье в связи с ростом спроса на него. В таком сегменте, как жилищное строительство, проинфляционное воздействие стимулирования спроса проявляется наиболее быстро, поскольку производственный цикл постройки жилого дома весьма длительный, из-за чего при превышении спроса на такие объекты возникают сложности в быстром запуске строительства новых объектов, обуславливая увеличение цен на строящиеся объекты.

Важным инструментом бюджетной политики является применение бюджетного правила, под которым подразумевается в широком смысле лимитирование каких-либо бюджетных показателей для поддержания стабильности государственного бюджета таким образом, чтобы расходы не превышали доходы и государственный долг не увеличивался слишком быстро. При этом понятие бюджетного правила допускает обширный спектр толкования, одним из которых является набор регуляторных практик, в соответствии с которыми осуществляется подготовка, принятие и имплементация бюджета.

В узком смысле под бюджетным правилом понимаются ограничения на такие фискальные индикаторы определенного вида, как уровень долговых обязательств и величина дефицита бюджета [12].

При условии правильного формирования бюджетные правила должны способствовать своевременному осуществлению превентивных мероприятий для минимизации рисков ухудшения устойчивости бюджета, важным аспектом которой является обеспечение расширения адаптационных возможностей бюджета для удовлетворения потребностей хозяйственной системы с учетом цикличности развития и совокупности конъюнктурных факторов.

Более того, специфика бюджетных правил позволяет им сдерживать политически мотивированные

решения, дестабилизирующие или препятствующие стабилизации и росту экономики. Таким образом, можно сформулировать ряд основных целей применения бюджетных правил:

- обеспечение макроэкономической стабильности;
- повышение уровня доверия к бюджетной политике;
- обеспечение сбалансированности бюджетной политики в долгосрочном периоде [13];
- снижение ее процикличности.

При рассмотрении различных сторон российского бюджетного правила в работе сделан вывод о том, что фискальные правила обеспечивают бюджетную сбалансированность и устойчивость государственных финансов в долгосрочной перспективе и при этом имеют потенциал стимулирующего влияния, который может быть реализован для введения новаций в конструкцию бюджетного правила.

Однако бюджетное правило является не только инструментом обеспечения сбалансированности и устойчивости бюджетной системы. При осуществлении бюджетного правила Центральный банк осуществляет инвестиционные вложения аккумулированных по фискальному правилу средств и их последующее управление в рамках своих золотовалютных резервов. В данном случае необходима скоординированность работы Центрального банка и Правительства РФ, поскольку управление большими объемами резервов денежных средств, аккумулированных за годы благоприятной экономической конъюнктуры на соответствующих рынках, необходимо осуществлять с учетом действий в рамках не только бюджетно-налоговой [14], но и таможенно-тарифной политики, а также с учетом геополитических рисков, о которых более подробно будет сказано в аналитической части работы. Учет данных факторов необходим для обеспечения сохранности резервов и недопущения нивелирования стабилизирующей и стимулирующей функций механизма бюджетного правила на экономику и финансовую систему государства.

Одним из инструментов бюджетной политики является осуществление государственных заимствований. В работе, посвященной оценке преимуществ и недостатков государственных заимствований [15], утверждается, что наращивание государственного долга несет в себе весьма существенные риски, однако в случае, если указанное наращивание, представляющее собой фактиче-

ский перенос будущих расходов, осуществляется по состоянию на настоящее время, а текущих обязательств — на будущее для стимулирования повышения базовых налоговых доходов, такой инструмент может считаться обоснованным. При этом с учетом того, что в современных экономических условиях государства редко прибегают к прямым кредитам, а используют для этого долговые финансовые инструменты, еще более значимыми становятся глубина и стабильность национального финансового рынка, а также доступность внешних финансовых рынков, где важную организационную и регуляторную роль играет центральный банк, его надзорная деятельность и инструменты монетарной политики.

Наравне с бюджетно-налоговыми инструментами не меньшей значимостью обладают монетарные инструменты Центрального банка, которые также оказывают влияние на основные макроэкономические показатели, но каналы такого воздействия отличаются от бюджетно-налоговых механизмов.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ КАНАЛЫ ДЕНЕЖНО- КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Инструментарий денежно-кредитной политики государства (далее — ДКП) представляет собой сложный комплекс мер косвенного и прямого воздействия на экономику через банковский сектор и финансовые рынки.

Базовым вопросом для проведения эффективной ДКП является решение так называемой политической трилеммы или проблемы «невозможной троицы» ввиду нереальности одновременной реализации сразу трех следующих элементов: установление фиксированного валютного (обменного) курса; поддержание автономии денежно-кредитной политики; обеспечение полной мобильности капитала, что обуславливается объективными макроэкономическими причинами и мотивацией экономических агентов при их участии в операциях на финансовом и нефинансовом рынках [16].

Так, при регулировании валютного курса и проведении независимого регулирования объемов денежного обращения в экономике становится невозможным обеспечение свободы движения капитала, поскольку возникает необходимость в разрешении противоречия между ограниченными или фиксированными ставками внутри юрисдикции и за ее пределами, что нивелирует эффекты монетарной

политики и не позволяет достигать поставленной цели без изменения принципов ее проведения [17].

При осуществлении монетарной политики необходимо решать, следует ли сохранять автономию ДКП, какой механизм обменных валютных курсов использовать и необходимо ли контролировать движение капитала [18].

В настоящее время Банк России делает выбор в пользу полной мобильности капитала, независимости монетарных властей, что предполагает наличие у него инструментов для активного изменения денежно-кредитных условий с целью достижения плавающего обменного валютного курса, когда регулятор не использует обменный курс в качестве номинального якоря и не таргетирует его.

Как правило, основной целью ДКП является обеспечение стабильно низких темпов роста индекса потребительских цен и ценовой стабильности в целом, под которой понимается прогнозируемый, близкий к целевому показателю уровень инфляции, благодаря чему обеспечиваются такие макроэкономические условия, которые создают предпосылки к росту сбережений и инвестиций в экономике, что само по себе является фундаментальным драйвером ее роста.

Будучи важным элементом благосостояния граждан страны и обеспечения финансово-экономической стабильности предприятий и организаций, ценовая стабильность позволяет защищать доходы и сбережения граждан в национальной валюте, способствуя тем самым обеспечению определенного уровня жизни людей и, как следствие, стабильному возрастанию объема спроса на товары и услуги внутри хозяйственной системы [19].

В отношении бизнеса стабильные уровни инфляции позволяют повышать доступность заемных источников фондирования для всех секторов предпринимательства, поскольку дают возможность кредитным организациям закладывать в процентные ставки по кредитам меньшую инфляционную премию.

Важной целью ДКП является обеспечение роста доверия физических и юридических лиц к национальной валюте, что снижает влияние внешних факторов на экономику ввиду уменьшения ее валютизации, т.е. перевода денежных средств, платежей и расчетов на иностранную валюту, и обеспечивает благоприятную среду для роста и развития компаний при осуществлении среднесрочного и долгосрочного бизнес-планирования [20].

Среди основных инструментов монетарных властей при проведении ДКП можно выделить:

1) установление ключевой ставки как макроэкономического финансового индикатора по операциям взаимодействия Центрального банка и коммерческих банков;

2) установление и изменение обязательных резервных требований для кредитных организаций банковской системы страны;

3) проведение операций на открытом финансовом рынке с доступными на нем финансовыми инструментами;

4) осуществление рефинансирования кредитных организаций со стороны Центрального банка на рынке межбанковского кредитования;

5) проведение валютных интервенций для поддержания стабильной динамики соотношения национальной денежной единицы и других валют;

6) установление прямых количественных ограничений для кредитных организаций на проведение ими тех или иных банковских операций и операций с ценными бумагами;

7) эмиссия облигаций Центрального банка как инструмент регулирования ликвидности банковского сектора.

Каждый из указанных инструментов ДКП воздействует на отдельные направления деятельности кредитных организаций и участников финансового рынка, а в последующем — на протекание макроэкономических процессов, что в конечном счете содействует выполнению главной цели ДКП — обеспечению ценовой стабильности.

Банк России является регулятором, который применяет наиболее актуальные и эффективные практики формирования и реализации ДКП, включая таргетирование инфляции и монетарные инструменты. Влияние базовых инструментов на обеспечение ценовой стабильности осуществляется регулятором не напрямую, а через каналы трансмиссионного механизма ДКП.

Трансмиссионный механизм — это система взаимосвязанных элементов в экономике, через которые осуществляется передача импульса от инструментов ДКП к экономическим агентам — участникам национального финансово-хозяйственного оборота.

Основными каналами, запускающими цепочку воздействия инструментов ДКП на макроэкономические показатели, являются процентный канал и канал ожиданий.

Инфляционные ожидания представляют собой предполагаемые на основе объективных и субъективных предпосылок экономическими агентами уровни инфляции в ближайшем будущем, на основе чего ими формируется ценовая и потребительская политики, а также определяется соотношение склонности к потреблению и сбережению.

В настоящее время ожидания субъектов экономики по инфляции являются одним из существенных факторов, напрямую воздействующих на поведение потребителей, инвесторов и на уровень инфляционного давления на экономику. При этом сам уровень инфляционных ожиданий определяется, с одной стороны, текущей ценовой динамикой, а с другой стороны, сигналами Центрального банка по ключевой ставке, которые формируют диапазон значения ключевой ставки, которая в свою очередь является пусковым механизмом для работы процентного канала трансмиссионного механизма, имеющего опосредованное, но весьма широкое воздействие как на банковский, так и на реальный сектора экономики (в т.ч. на непроизводственные сектора).

Решения по ключевой ставке обычно сопровождаются широкой информационной кампанией по объяснению логики принятого решения, предпосылок и ожиданий по воздействию данного решения на банковский, финансовый, реальный сектора экономики и инфляцию. Проводимая информационная деятельность влияет на существенную часть инфляционных ожиданий и запускает действие этого канала, активизируя или дестимулируя описанные выше направления хозяйственной деятельности экономических агентов и определяя их поведение.

Важную роль здесь играет степень привязки ожиданий экономических агентов по инфляции к выбранному регулятором таргету (от англ. *target* — цель), поскольку это определяет эффективность и результативность проводимых мер монетарной политики. Такая привязка характеризуется спредом между инфляционными ожиданиями на период и выбранным целевым уровнем. При этом определяющее значение в данном случае имеют степень доверия хозяйствующих субъектов к действиям регулятора и понимание предпосылок и причин их реализации, что особенно актуально во время воздействия на экономическую систему макроэкономических шоков.

Операционной целью Центрального банка при проведении ДКП выступает сближение уровня ставок на межбанковском рынке овернайт с уровнем установленной регулятором ключевой ставки, так как одной из важнейших частей передачи общего импульса является денежный рынок или рынок межбанковского кредитования. Фактически инструментами ДКП осуществляется регулирование объемов ликвидности банковского сектора.

В контексте реализации мер ДКП Банка России ликвидность банковского сектора представляет собой объем средств коммерческих банков, аккумулирующихся на корреспондентских счетах, открываемых ими в Центральном банке, что свидетельствует о том, что объемы совокупных средств на всех корреспондентских счетах определяются Банком России.

При этом нельзя не отметить роль обязательных резервных требований в проведении ДКП, размер которых зависит от проводимых кредитной организацией операций. Так, необходимость резервирования средств возникает по обязательствам банков перед зарубежными организациями и индивидуальными предпринимателями — нерезидентами, обязательствам перед всеми физическими лицами (в том числе в иностранной валюте) по вкладам или счетам, открытым этими лицами в кредитной организации. При этом существует ряд исключаящих

операций, таких как обязательства перед другим банком или обязательства, выраженные в драгоценных металлах или ценных бумагах.

Сочетание норм обязательных резервов и значения ключевой ставки вместе с механизмами абсорбирования ликвидности и операциями рефинансирования позволяет обеспечивать выполнение операционной цели монетарной политики — ограничение волатильности ставок рынка межбанковского кредитования в определенных пределах.

ВЫВОДЫ

Посредством ДКП реализуются механизмы, которые опосредовано воздействуют на большинство макроэкономических показателей, служащих для измерения важнейших процессов в хозяйственной системе страны.

Ввиду того, что возникает проблема взаимозависимости и взаимовлияния инструментов бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политик не только в случае отдельно взятого показателя, например, инфляции, но и на уровне структурных элементов механизмов, вышеуказанную проблему целесообразно продолжать рассматривать в научном сообществе как с фундаментальной теоретической стороны, так и со стороны непосредственного принятия и трансляции соответствующих решений в экономику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения финансовой стабильности и обеспечения экономического роста. Монография. Абрамова М.А., ред. М.: КноРус; 2021: 69–74 с.
2. Гергова З.Х., Ягумова З.Н. Проблемы реализации бюджетно-налоговой политики в период пандемии. *Управленческий учет*. 2021;(8–2):258–265.
3. Минаков А.В. Влияние государственной бюджетной политики на национальную экономику в условиях рецессии. *Modern Economy Success*. 2020;(2):21–28.
4. Mian A. et al. A goldilocks theory of fiscal policy. NBER Working Paper. 2021;29351.
5. Kassouri Y., Altıntaş H. Cyclical drivers of fiscal policy in sub-Saharan Africa: New insights from the time-varying heterogeneity approach. *Economic Analysis and Policy*. 2021;70:51–67.
6. Яковлев Н.Д. Оптимизация налоговой нагрузки как фактор роста экономики региона на примере Чувашской Республики. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2017;206(4):40–59.
7. Парасоцкая Н.Н. Выбор оптимального режима налогообложения как фактор повышения рентабельности субъектов малого предпринимательства. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(6):134–143. DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–6–134–143
8. Совершенствование механизма косвенного налогообложения в целях обеспечения финансовой устойчивости при соблюдении баланса интересов бюджета, бизнеса и населения. Монография. Гончаренко Л.И., ред. М.: Русайнс; 2020. 175 с.
9. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России. Монография. Гончаренко Л.И., Вишневикий В.П., Гурнак А.В., ред. М.: КноРус; 2023. 486 с.

10. Парасоцкая Н.Н. Особенности регулирования территориальных пропорций социально-экономического развития через сферу государственных финансов как стратегический аспект бюджетно-налоговой политики. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(1):99–107. DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–1–99–107
11. Чернякова Т.М., Донников И.Ю. Инструменты бюджетно-налогового регулирования экономики регионов. *Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика*. 2021;22: 96–101.
12. Яковлев, Н.Д. Роль бюджетных правил в регулировании экономического роста. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019;217(3):322–333.
13. Тюрина, Ю.Г. Инструментарий обеспечения сбалансированности бюджета и управления финансами государственного сектора в условиях высокого уровня макроэкономической неопределенности. *Финансовый бизнес*. 2021;219(9):170–174.
14. Пансков В.Г. Налоговое регулирование как инструмент подъема экономики. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2019;(3):86–99.
15. Парасоцкая Н.Н. Плюсы и минусы государственных заимствований и государственного долга для бюджетной системы России. *Учет. Анализ. Аудит*. 2019;6(4):61–69. DOI: 10.26794/2408–9303–2019–6–4–61–69
16. Бажан А.И. Нестандартная монетарная политика Европейского центрального банка. *Современная Европа*. 2019;(4):37–49.
17. Partachi I., Mija S. Monetary policy – instrument for macroeconomic stabilization. *Procedia Economics and Finance*. 2015;20:485–493.
18. Dossche M. et al. Monetary policy and inequality. *Economic Bulletin Articles*. 2021;2.
19. Кашапова Д.Р. Денежно-кредитная политика банка России. *Символ науки*. 2022;(2–2):20–23.
20. Кроливецкая В.Э., Леонтьева И.П. Трансформация инструментария и риски монетарной политики в период пандемического кризиса. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2021;(3):7–15.

REFERENCES

1. Fiscal and monetary instruments for achieving financial stability and ensuring economic growth. Monograph. Abramova M.A., ed. Moscow: KnoRus; 2021:69–74.
2. Gergova Z. H., Yagumova Z. N. Problems of implementation of fiscal policy during the pandemic. *Upravlencheskij uchet. = Management accounting*. 2021;(8–2):258–265. (In Russ.).
3. Minakov A. V. The influence of state budget policy on the national economy in conditions of recession. *Modern Economy Success*. 2020;(2):21–28. (In Russ.).
4. Mian A. et al. A goldilocks theory of fiscal policy. *NBER Working Paper*. 2021;29351.
5. Kassouri Y., Altıntaş H. Cyclical drivers of fiscal policy in sub-Saharan Africa: New insights from the time-varying heterogeneity approach. *Economic Analysis and Policy*. 2021;70:51–67.
6. Yakovlev N. D. Optimization of the tax burden as a factor in the growth of the regional economy using the example of the Chuvash Republic. *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2017;206(4):40–59. (In Russ.).
7. Parasotskaya N. N. Choosing the optimal taxation regime as a factor in increasing the profitability of small businesses. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2019;12(6):134–143. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–6–134–143
8. Improving the mechanism of indirect taxation in order to ensure financial stability while maintaining a balance of interests of the budget, business and the public. Monograph. Goncharenko L. I., ed. Moscow: Rusains; 2020. 175 p.
9. Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring the new industrial revolution in Russia. Monograph. Goncharenko L. I., Vishnevsky V. P., Gurnak A. V., eds. Moscow: KnoRus; 2023. 486 p. (In Russ.).
10. Parasotskaya N. N. Features of regulation of territorial proportions of socio-economic development through the sphere of public finance as a strategic aspect of fiscal policy. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):99–107. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–1–99–107

11. Chernyakova T.M., Donnikov I. Yu. Tools for budgetary and tax regulation of the regional economy. *Aktual'nye problemy pravovogo, ehkonomicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya: teoriya i praktika*. = *Current problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice*. 2021;22:96–101. (In Russ.).
12. Yakovlev N. D. The role of fiscal rules in regulating economic growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. = *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2019;217(3):322–333.
13. Tyurina Yu. G. Toolkit for ensuring budget balance and public sector financial management in conditions of high levels of macroeconomic uncertainty. *Finansovyi biznes*. = *Financial business*. 2021;219(9):170–174. (In Russ.).
14. Panskov V. G. Tax regulation as a tool for economic recovery. *EHTAP: ehkonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. = *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2019;(3):86–99 (In Russ.).
15. Parasotskaya N. N. Pros and cons of government borrowing and public debt for the Russian budget system. *Uchet. Analiz. Audit* = *Accounting. Analysis. Audit*. 2019;6(4):61–69. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408–9303–2019–6–4–61–69
16. Bazhan A. I. Non-standard monetary policy of the European central bank. *Sovremennaya Evropa* = *Modern Europe*. 2019;(4):37–49. (In Russ.).
17. Partachi I., Mija S. Monetary policy — instrument for macroeconomic stabilization. *Procedia Economics and Finance*. 2015;20:485–493.
18. Dossche M. et al. Monetary policy and inequality. *Economic Bulletin Articles*. 2021;2.
19. Kashapova D. R. Monetary policy of the Bank of Russia. *Simvol nauki*. = *Symbol of science*. 2022;(2–2):20–23. (In Russ.).
20. Krolivetskaya V. E., Leontyeva I. P. Transformation of tools and risks of monetary policy during the pandemic crisis. *Zhurnal pravovykh i ehkonomicheskikh issledovaniy*. = *Journal of Legal and Economic Research*. 2021;(3):7–15. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Николаевна Парасоцкая — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, финансы и капитал», Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Natalia N. Parasotskaya — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Economics, Finance and Capital, Russian State Social University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0094-4485>

nataly@mmti.ru

Никита Дмитриевич Яковлев — младший научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikita D. Yakovlev — Junior research assistant, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8600-3397>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

ndyakovlev@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.09.2023; принята к публикации 15.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.09.2023; accepted for publication 15.12.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-34-43
УДК 336.02(045)
JEL E63, H21, H24, H71, H87

Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов

В.Г. Пансков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования – политика федерального центра в отношении регионов и ее влияние на обеспечение устойчивого развития и экономического роста России.

Цель работы – выявление причин недостаточной эффективности региональной налоговой политики в выработке и обосновании мер, способствующих решению имеющихся проблем в обеспечении устойчивого развития экономики. Проанализирована сущность двух терминологически близких понятий: «налоговая политика регионов» и «региональная налоговая политика» – и обосновано, что они обладают принципиально содержательным отличием. Приведены обоснования, свидетельствующие о том, что проводимая в настоящее время региональная налоговая политика не в полной мере способствует повышению экономической активности, укреплению ответственности органов власти регионов и муниципалитетов, обеспечению устойчивого развития соответствующих территорий и порождает иждивенчество. Установлено, что устойчивое развитие территории может быть обеспечено при условии повышения уровня самостоятельности региональных и местных бюджетов и увеличения доходов. Выявлено, что требуется смещение акцентов с финансовой помощи регионам и муниципалитетам в сторону повышения доли собственных налоговых поступлений, а также децентрализации налоговых полномочий органов власти путем наделения регионов и муниципалитетов правами по налоговому администрированию и управлению элементами федеральных налогов, поступающих в соответствующие бюджеты. *Сделаны выводы* о том, что дальнейшее совершенствование региональной налоговой политики должно осуществляться путем практического решения проблемы повышения бюджетной самостоятельности региональных и местных органов власти, повышения эффективности их деятельности, ответственности и заинтересованности в целях устойчивого развития экономики территорий и ускорения темпов развития российской экономики в целом.

Ключевые слова: бюджетная самостоятельность; налоговая политика; налоговое регулирование; региональная налоговая политика; устойчивое развитие

Для цитирования: Пансков В.Г. Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):34-43. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-34-43

Problems and Prospects of Tax Policy for the Sustainable Development of Regions

V.G. Panskov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subjects of the research are the policy of the federal center in relation to the regions and its impact on ensuring sustainable development and economic growth in Russia.

The purpose of the work is to identify the reasons for the insufficient effectiveness of regional tax policy, in the development and justification of measures that contribute to solving existing problems in ensuring sustainable economic development. The essence of two terminologically similar concepts is analyzed: “regional tax policy” and “regional tax policy” – and it is proved that they have a fundamentally meaningful difference. The substantiations are given, indicating that the current regional tax policy does not fully contribute to increasing economic activity, strengthening the responsibility of regional and municipal authorities, ensuring the sustainable development of the relevant territories and generates dependency. It has been established that the achievement of sustainable development of the territory can be ensured on condition of increasing the level of independence of regional and local budgets and increasing the share of their own, and primarily tax, revenues. It is proved that a shift in emphasis is required from financial assistance to regions

© Пансков В.Г., 2024

and municipalities towards increasing the share of their own tax revenues, as well as decentralizing the tax powers of government authorities by giving regions and municipalities their rights to tax administration and management of elements of federal taxes received by the relevant budgets. *Conclusions are drawn* that further improvement of regional tax policy should be carried out by practical solutions to the problem of increasing the budgetary independence of regional and local authorities, increasing the efficiency of their activities, responsibility and interest in the sustainable development of the economy of the territories and accelerating the pace of development of the Russian economy as a whole.

Keywords: budgetary independence; tax policy; tax regulation; regional tax policy; sustainable development

For citation: Panskov V.G. Problems and prospects of tax policy for the sustainable development of regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):34-43. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-34-43

В обеспечении постоянного поступательного развития экономики и решении социальных проблем общества государство использует все имеющиеся у него методы экономического регулирования. Роль государства в данном процессе важна не только для стран с развитыми рыночными отношениями, но и в период их формирования и развития. Одним из основных инструментов государственного регулирования является налоговая политика. Посредством использования различных моделей, типов и методов ее осуществления государство целенаправленно стремится обеспечить повышение эффективности производства и на этой основе улучшение материального уровня жизни населения страны.

СУЩНОСТЬ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Налоговая политика имеет подобно другим видам государственной политики собственное внутреннее содержание, характеризующееся последовательностью действий по выработке концепции развития, совершенствованию налоговой системы, определению наиболее эффективных направлений применения налоговых инструментов в целях выполнения стоящих перед налоговой системой задач.

Мировая и российская научная мысль практически едина в определении сущностного содержания понятия «налоговая политика». Если и имеют место разночтения, то они не настолько существенны, чтобы носить принципиальный характер. Обобщенное определение данного понятия дано в наиболее авторитетном научном труде российских ученых-налоговедов под названием «Энциклопедия теоретических основ налогообложения», в соответствии с которым «налоговая политика как часть социально-экономической политики представляет собой комплекс правовых норм и организационно-экономических

действий, определяющих целенаправленное применение налогового законодательства» [1, с. 344]. Поскольку данная трактовка относится как к государственной, так и к корпоративной налоговой политике, российская теория налогообложения определяет государственную налоговую политику как совокупность экономических, финансовых и правовых мер государства по формированию налоговой системы страны. Вполне понятно, что в условиях федеративного государства данное положение относится также к деятельности субъектов Российской Федерации, которые в пределах своей компетенции также осуществляют подобные меры. Излишне высказываться о том, что муниципалитеты также проводят соответствующую налоговую политику. Таким образом, в данном случае речь идет о налоговой политике, проводимой регионами и муниципалитетами, и поэтому терминологически ее следует определять как налоговую политику регионов и муниципалитетов соответственно.

РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ «РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА» И «НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА»

Понятия «региональная налоговая политика» и «налоговая политика региона» терминологически близки, но по содержанию разные.

Из общепринятого определения понятия «налоговая политика» следует, что ее осуществление охватывает отношения, складывающиеся в процессе налогообложения между налогоплательщиками и государством. В ходе ее проведения федеральное правительство, органы власти субъектов Российской Федерации и муниципалитетов решают задачу обеспечения финансовыми ресурсами своих потребностей для выполнения возложенных на них задач. Одновременно с этим имеет место осуществление Российской Федерацией и ее субъектами налоговой политики

иного рода, которая охватывает отношения в области налогов и налогообложения между федеральным центром, регионами и муниципалитетами, а также между регионами и муниципалитетами.

В ходе ее осуществления вышестоящие органы власти, используя свои властные полномочия, определяют перечень налогов и сборов, закрепляемых за бюджетом соответствующего уровня, механизм их исчисления и уплаты, распределяют налоговые доходы между бюджетами разных уровней, а также устанавливают права соответствующих органов власти и их полномочия в области налогов и налогового администрирования.

Указанный вид налоговой политики следует определять как соответственно региональная и муниципальная налоговая политика. Между тем, как справедливо указывает Л. И. Гончаренко, «в научной литературе не встретились публикации, в которых ставился бы вопрос о разнице этих двух понятий, более того даже в одной публикации встречаются оба термина без разницы в их содержании» [1, с. 336]. Действительно, ознакомление с многочисленными публикациями, включая защищенные диссертации ВАК, в абсолютном большинстве названий которых стоит термин «региональная налоговая политика», речь идет о политике, проводимой регионами, а отнюдь не федеральным центром по отношению к регионам. В частности, С. П. Колчин и Т. В. Бушинская, разрабатывая концепцию региональной налоговой политики, затрагивают в своем исследовании одновременно вопросы налоговой политики регионов [2]. Д. С. Саркарова, А. А. Абакарова, С. И. Назарова в статье, посвященной исследованию особенностей реализации региональной налоговой политики, рассматривают вопросы налоговой политики регионов по направлениям и видам хозяйственной деятельности [3]. То же самое наблюдается в работах Л. А. Колбягиной [4], М. В. Панкратовой [5]. О. Н. Савиной [6] В то же время в незначительном числе научных публикаций, посвященных исследованию проблем налоговой политики регионов, авторы используют в текстах статей термин «региональная налоговая политика» [7].

Подобное смещение различных по своей сути понятий ведет не только к терминологической путанице, но и искажает саму их суть. В этих условиях достаточно сложно согласиться с мнением Л. И. Гончаренко о том, что налоговая политика регионов и региональная налоговая политика имеют всего лишь некоторое содержательное отличие [1]. На наш

взгляд, это совершенно самостоятельные, принципиально различные виды налоговой политики, одна из которых проводится федеральным центром, а другая — субъектом Российской Федерации. По нашему мнению, было бы более корректным говорить об их существенной взаимосвязи.

В процессе проведения региональной налоговой политики федеральный центр устанавливает, с одной стороны, порядок, условия и соответственно возможности для проведения регионами самостоятельной и эффективной налоговой политики. С другой стороны, уровень эффективности налоговой политики регионов в значительной степени влияет не только на региональную, но и в целом на налоговую политику федерального центра.

В ходе проведения региональной налоговой политики федеральный центр не может обеспечить дифференцированный подход к решению поставленных задач, учитывающий существенные различия в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Учет этих особенностей осуществляется региональными органами власти в процессе разработки и реализации собственной налоговой политики, руководствуясь установленным федеральным центром единым подходом к регионам в области налогообложения и налогового администрирования, а также предоставленными им правами в данной области. Тем самым обеспечивается дифференцированный подход к формированию в каждом регионе системы налогового регулирования и стимулирования в целях формирования у них реальной заинтересованности в наращивании налогового потенциала и решении с помощью налоговых механизмов экономических и социальных проблем региона.

БЮДЖЕТНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И СОБСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ: ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ

На основании вышеприведенного эффективность налоговой политики регионов зависит не только от инициативы, предприимчивости и заинтересованности их органов власти и управления, но в существенной мере от предоставленных им полномочий в налоговом администрировании и управлении элементами налогов и сборов. Иными словами, речь идет о размере собственных налоговых доходов, поступающих в бюджет соответствующего региона, который обеспечивает его подлинную бюджетную самостоятельность.

Между тем вопрос о том, что собственно представляют собой понятия «бюджетная самостоятельность» и «собственные налоговые доходы», до настоящего времени остается в российской теории и практике предметом дискуссии. При этом следует отметить, что, в отличие от некоторых других терминов, экономическое содержание понятия «собственные доходы, в том числе налоговые» определено ст. 47 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ). В соответствии с этой статьей Кодекса в перечень собственных доходов в части бюджетов регионов отнесены все поступающие в них налоговые и неналоговые доходы, а также суммы полученных из бюджета вышестоящего уровня трансфертов, не имеющих целевого назначения.

Одновременно с этим в ст. 31 БК РФ закреплены восемь признаков, характеризующих самостоятельность бюджетов. Однако, несмотря на законодательное закрепление указанных понятий, вопрос об их содержании остается, на наш взгляд, до конца не завершенным и достаточно дискуссионным. В частности, анализ совокупности признаков самостоятельности бюджетов показывает, что безусловное соблюдение каждого из них не обеспечивает бюджетам полной финансовой самостоятельности, поскольку в указанном перечне отсутствует такой важнейший признак, как преобладание в источниках формирования их доходной базы собственных, в том числе налоговых, доходов.

Действительно, может ли считаться самостоятельным, т.е. финансово независимым, бюджет, основную долю в доходной части которого занимают поступления безвозмездной финансовой помощи из бюджета вышестоящего уровня? На наш взгляд, ответ на данный вопрос достаточно очевиден. В этой связи представляется целесообразным дополнить закрепленный в БК РФ перечень признаков самостоятельности бюджетов еще одним, девятым признаком — преобладание в источниках формирования их доходной базы собственных и в первую очередь собственных налоговых доходов.

Еще более дискуссионной является официальная трактовка понятия «собственные, в том числе собственные налоговые доходы бюджетов». Необходимо при этом отметить, что в БК РФ определения данного понятия не дается, приведен лишь закрытый перечень налогов и доходов, причисленных к категории «собственные», включающий не только все налоговые и неналоговые доходы, но и дотации

и другие виды финансовой помощи из вышестоящего бюджета, не носящие целевого характера.

Отсутствуют в этом законодательном акте и пояснения, на основе каких критериев тот или иной вид дохода бюджета отнесен к собственным, а какой таковым не является. Столь широкая трактовка понятия «собственные доходы» вызывает достаточно серьезные сомнения. В первую очередь следует отметить, что исходя из установленного в законодательстве перечня собственных доходов получается, что доходная часть практически абсолютного большинства региональных и местных бюджетов в нашей стране формируется за счет собственных средств, и потому данные бюджеты являются финансово независимыми, что далеко от истины. Еще более важен и тот факт, что вытекающая из положений БК РФ трактовка понятия «собственные средства» охватывает только одну расходную часть процесса формирования бюджета, не затрагивая его доходную составляющую.

Действительно, органы власти регионов и местного самоуправления имеют право в ходе составления и исполнения соответствующего бюджета самостоятельно устанавливать условия, порядок использования, а также направления расходования зачисляемых в бюджет доходов, за исключением той их части, которая имеет целевое назначение. Причем только в действующих условиях межбюджетных субсидий и субвенций.

Если же рассматривать данный вопрос с позиции полномочий органов власти регионов и местного самоуправления влиять на процесс формирования и рост доходной части бюджетов, то вряд ли будет корректным причислять к числу собственных финансовых ресурсов большинство из отнесенных к разряду таковых российским законодательством доходов. В данном случае речь идет не только о дотациях и других видах безвозмездной финансовой помощи из вышестоящего бюджета, но в первую очередь о налогах и налоговых доходах, поступающих в бюджеты регионов и муниципалитетов.

ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: ПРЕОБЛАДАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ДОХОДОВ И ПОЛНОМОЧИЯ ПО НАЛОГОВОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ И РЕГУЛИРОВАНИЮ

Отсутствие полномочий или их наличие в незначительном размере в установлении объема предо-

ставленных органам власти регионов и муниципалитетов полномочий по налоговому администрированию и управлению элементами закрепленных за ними региональных и местных налогов, а также федеральных налогов, доходы от которых поступают в бюджеты данного уровня, снижая возможности регионов и муниципалитетов по использованию фискальных механизмов налогового регулирования и экономического стимулирования, созданию и развитию в отношении налогоплательщиков побуждающих мотивов для внедрения инвестиционных и инновационных проектов.

В условиях, когда основная доля поступающих в бюджеты регионов и муниципалитетов доходов в незначительной мере зависит от эффективности деятельности соответствующих органов власти, снижается уровень их самостоятельности и ответственности за расширение налоговой базы и обеспечение устойчивого развития экономики регионов, а также способствует возникновению и расширению синдрома иждивенчества. Для укрепления самостоятельности региональных и местных бюджетов не менее важно сохранение долговременности законодательно установленных нормативов, по которым доходы от федеральных налогов зачисляются в региональные и местные бюджеты, а доходы от региональных налогов — в местные бюджеты. Важно, чтобы нормативы отчислений от соответствующих налогов были закреплены законодательно за конкретным бюджетом на постоянной основе. Необходимость соблюдения данного условия вызывается тем обстоятельством, что власти регионов и муниципалитетов должны иметь возможность обоснованно планировать размеры их поступлений на ближайшую и длительную перспективу, что практически невозможно в условиях ежегодно меняющихся нормативов отчислений от налогов и сборов. Соответственно и право самостоятельного распоряжения указанными финансовыми ресурсами данные органы получают практически только на средства одного финансового года в процессе составления, утверждения и исполнения бюджета.

В этих условиях отсутствие в доходной части региональных и местных бюджетов преобладающей доли собственных доходов, поступления по которым зависят от проводимой регионами и муниципалитетами экономической и налоговой политики, препятствует процессу непрерывности бюджетного планирования, что не позволяет соответствующим

органам власти и управления обоснованно регулировать экономические и социальные процессы на длительную перспективу в целях устойчивого развития регионов.

Создавшееся положение в определенной мере противоречит принятому в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» курсу на многолетнее бюджетное планирование. В настоящее время согласно БК РФ бюджетные прогнозы относятся к документам долгосрочного бюджетного планирования в качестве документов стратегического планирования.

ВЛИЯНИЕ ПРОВОДИМОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Уровень самостоятельности региональных и муниципальных бюджетов должен определяться двумя параметрами.

Во-первых, удельным весом собственных доходных источников в общем объеме доходов. При этом к числу собственных могут относиться налоговые и неналоговые доходы при преобладающей роли первых. В части налогов это закрепленные за региональными и местными бюджетами налоги и сборы, а также зачисляемые в эти бюджеты по долгосрочным нормативам отчисления от регулируемых налогов.

Во-вторых, наличием у региональных органов власти реальных полномочий по управлению элементами налогов, обеспечивающих им возможность влияния на экономическое развитие.

Предложенное нами выше уточнение признаков отнесения налоговых доходов к разряду собственных доходов, а также более широкое толкование понятия самостоятельности региональных и муниципальных бюджетов имеют, на наш взгляд, не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Их реализация позволяет обеспечивать снижение уровня иждивенчества соответствующих органов власти и, самое главное, — увеличение ответственности за укрепление и расширение налоговой базы.

На основе сформулированных выше выводов проанализируем, как проводимая региональная налоговая политика отражается на наделении региональных и местных бюджетов собственными доходами и обеспечении их самостоятельности

в целях устойчивого развития соответствующей территории.

Из всех видов средств, зачисляемых в бюджеты указанного уровня, полностью собственными могут считаться только неналоговые доходы, основную долю в которых составляют доходы от использования, закрепленного за регионами и муниципалитетами имущества.

Что же касается налогов и сборов, играющих решающую роль в формировании доходной базы консолидированных бюджетов регионов, особенно региональных бюджетов, то в полной мере нельзя назвать собственными региональные и местные налоги, которые согласно федеральному законодательству устанавливаются и вводятся на соответствующей территории региональными и муниципальными органами из-за того, что права указанных органов по налоговому администрированию и управлению элементами данных налогов существенно ограничены. В первую очередь речь в данном случае идет о таком элементе налогообложения, как налоговая льгота, которая является важнейшим инструментом налогового регулирования и стимулирования экономического развития. В процессе применения данного инструмента региональные и муниципальные органы практически лишены как стратегического, так и тактического маневра по причине того, что федеральным законодательством по этим налогам уже предусмотрено значительное число налоговых льгот и преференций.

Иллюстрацией сложившегося положения в области прав соответствующих органов по установлению налоговых льгот может служить уплата земельного налога. Согласно данным отчета ФНС за 2022 г. налоговые льготы по его уплате были предоставлены 19,0 млн физическим лицам на общую сумму 12 857,6 тыс. руб. При этом количество налогоплательщиков, воспользовавшихся льготами, установленными Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ), составило 18,5 млн чел. на общую сумму 11 948,7 тыс. руб., или соответственно 97,4 и 92,9% от общего числа получивших льготу плательщиков и суммы выпадающих доходов местных бюджетов. В этих условиях органы власти муниципальных образований, включая города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь), смогли предоставить налоговые льготы только 1,1 млн чел. на общую сумму 893,6 млн руб.

Федеральным законодательством установлены также ограничения прав регионов и муниципалитетов

в части ставок региональных и местных налогов: они не могут превышать предусмотренные НК РФ пределы. Также в порядке и пределах, установленных настоящим Кодексом, региональные и местные органы власти могут предусматривать особенности определения налоговой базы по данным налогам. Что же касается порядка и сроков уплаты региональных и местных налогов, то указанные органы могут их устанавливать опять же в порядке, предусмотренном НК РФ.

Еще более сложное положение складывается в отношении федеральных налогов. В частности, по ряду данных налогов, в том числе бюджетообразующим, органы власти регионов, включая муниципалитеты, практически лишены полномочий по формированию налоговой базы и использованию их элементов в целях регулирования и стимулирования экономической деятельности на соответствующей территории. Это относится, в частности, к налогу на доходы физических лиц (далее — НДФЛ), налогам и платежам за пользование природными ресурсами, акцизам. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении бюджетов муниципалитетов. Если принять во внимание, что доля НДФЛ составляет почти две трети в общей сумме налоговых доходов, то будет не совсем корректным говорить о преобладании в источниках их доходов собственных средств.

В качестве наиболее стабильного после неналоговых доходов и при этом самого крупного источника собственных доходов консолидированных бюджетов регионов можно определить федеральный налог на прибыль организаций. Действительно, данный налог зачисляется в эти бюджеты по законодательно установленной ставке в 17%, и у регионов (как у региональных, так и у муниципальных органов власти) имеются определенные, но при этом несколько ограниченные права по управлению одним, но наиболее важным элементом данного налога — льготой. В случаях, предусмотренных в НК РФ, регионы могут снижать для отдельных категорий налогоплательщиков ставку данного налога, подлежащего зачислению в их бюджеты. Но при этом доходы по данному налогу поступают в основной своей массе в региональные бюджеты, а основным налоговым источником местных бюджетов является НДФЛ. При этом необходимо обратить внимание на четко прослеживаемую в последние годы тенденцию к замещению в бюджетах муниципальных образований налоговых и неналоговых доходов средствами финансовой помощи из бюджетов вышестоящего уровня.

Как показывают данные ежегодно проводимого Минфином России мониторинга исполнения местных бюджетов, за период 2019–2022 гг. удельный вес межбюджетных трансфертов в общей сумме доходов местных бюджетов увеличился с 59,2 до 67,7%¹. В результате более двух третей доходной части местных бюджетов формируется за счет источников, размер которых находится в зависимости от волеизлияния вышестоящих властных структур. В этой связи власти муниципалитетов обладают существенно более низким уровнем финансовой самостоятельности по сравнению с региональными властями и имеют поэтому ограниченные возможности по использованию налоговых инструментов для регулирования экономических процессов на соответствующих территориях.

Не случайно данная проблема стала предметом специального рассмотрения на состоявшемся в апреле 2023 г. заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления. По его результатам Президентом Российской Федерации дано поручение Правительству РФ «разработать предложения по переходу от предоставления дотаций местным бюджетам из федерального или региональных бюджетов к внедрению дополнительных нормативов отчислений в эти бюджеты от федеральных и региональных налогов и сборов, в том числе уплачиваемых в связи с применением специальных налоговых режимов»². В данном поручении указано также на необходимость разработки этих предложений на основе анализа и расширения применения наиболее зарекомендовавших себя эффективных практик стимулирования органов местного самоуправления.

НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ БЮДЖЕТНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Мировая практика налогообложения и формирования межбюджетных отношений накопила до-

¹ Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за соответствующие годы. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results.

² Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71296>.

статочно богатый опыт распределения налоговых полномочий внутри бюджетной системы, а также укрепления самостоятельности субфедеральных и местных бюджетов. Этот опыт свидетельствует о том, что решение проблемы повышения ответственности и заинтересованности регионов и муниципалитетов в развитии экономики территорий и укрепления на этой основе налоговой базы необходимо искать не только в увеличении размера отчислений от федеральных налогов и сборов, но и в расширении прав органов власти регионов по управлению поступающими в их бюджеты налогами и использованию стимулирующих и регулирующих налоговых инструментов развития экономики на соответствующей территории.

Основу налоговой составляющей доходов региональных и местных бюджетов формируют два федеральных налога — НДФЛ и налог на прибыль организаций, по налоговому администрированию и управлению элементами которых у региональных и муниципальных органов имеются весьма ограниченные права.

В этой связи следует, на наш взгляд, в первую очередь рассмотреть вопрос о возможности существенного их расширения. Для создания на соответствующей территории благоприятного налогового климата, стимулирования инвестиционной активности предпринимательского сообщества представляется целесообразным предоставление региональным и муниципальным органам права на снижение в отношении отдельных категорий налогоплательщиков ставки налога на прибыль организаций, поступающего в их бюджеты, вплоть до полного освобождения от его уплаты.

Указанными правами субфедеральные органы пользовались в течение более десяти лет до того, как они были отменены в 2001 г. в связи с принятием главы 25 НК РФ. Возможность восстановления утраченных регионами полномочий появилась благодаря тому, что к настоящему времени практически решена существовавшая достаточно длительное время проблема внутрироссийской офшоризации, суть которой состояла в предоставлении регионами права на применение льготного режима налогообложения прибыли организациям, вставшим на налоговый учет на данной территории и продолжавшим осуществлять свою деятельность в других регионах страны.

Тем не менее риск возникновения на территории новых незаконных офшорных зон после восстано-

ления утраченных регионами полномочий все же существует. Для его минимизации предлагается принять ряд мер, направленных на профилактику возможных правонарушений в данной области, совершаемых регионами и налогоплательщиками для удовлетворения своих корпоративных интересов благодаря восстановленным налоговым привилегиям. В этих целях необходимо установить определенные условия, соблюдение которых должно быть обязательным для получения налогоплательщиком права на применения налоговой льготы в виде пониженной ставки по налогу на прибыль организаций.

В частности, подобная налоговая преференция должна предоставляться исключительно налогоплательщикам, зарегистрированным, стоящим на налоговом учете и осуществляющим производственную деятельность в данном регионе. Кроме этого, законом субъекта Российской Федерации о введении пониженной ставки налога на прибыль организаций должно быть предусмотрено в качестве обязательного условия применения льготы использование налогоплательщиком части полученной им налоговой выгоды на финансирование инвестиционных и инновационных проектов.

Принимая во внимание серьезные проблемы, возникающие с обеспечением самостоятельности местных бюджетов, необходимо, на наш взгляд, повышать роль налога на прибыль организаций в формировании доходной базы местных бюджетов. Важность решения этого вопроса проистекает прежде всего из того факта, что данный налог является основным инструментом налогового стимулирования и регулирования экономической деятельности. При этом повышение доли налога на прибыль организаций в доходах местных бюджетов должно одновременно сопровождаться принятием мер по созданию муниципалитетам возможностей активного использования налогового механизма для привлечения на их территорию инвестиций. В этих целях предлагается установить в НК РФ дополнительную ставку, по которой налог на прибыль организаций должен зачисляться в местные бюджеты.

Соответственно должна быть снижена ставка данного налога, по которой он зачисляется в федеральный и региональные бюджеты. Одновременно следует предоставить право органам местного самоуправления предусматривать для отдельных категорий налогопла-

тельщиков пониженную вплоть до нулевой ставку данного налога, по которой он зачисляется в их бюджеты.

Повышению финансовой самостоятельности органов власти регионов и их заинтересованности в развитии и расширении на соответствующей территории производства товаров с высокой долей добавленной стоимости, снижении числа дотационных бюджетов, а также в сокращении встречных финансовых потоков способствовало бы восстановление действовавшего до 2001 г. механизма отчислений в бюджеты регионов части налога на добавленную стоимость.

Кроме этого, благодаря принятию данной меры могла бы компенсироваться часть потерь региональных бюджетов от предлагаемого снижения ставки налога на прибыль организаций.

Возможно, потребуются установление дифференцированных нормативов отчислений (в зависимости от размера дотации из федерального бюджета) во избежание получения отдельными бюджетами излишних средств, в частности бюджетами-донорами.

Предлагаемый принцип дифференциации при распределении налоговых доходов между бюджетами не является чем-то новым для практики российской системы межбюджетных отношений. В настоящее время дифференцированные нормативы применяются при зачислении в местные бюджеты доходов по акцизам на автомобильный бензин и другие виды моторного топлива, а также по единому налогу, взимаемому при упрощенной системе налогообложения.

Предложенные выше меры могут сыграть позитивную роль в укреплении самостоятельности региональных бюджетов. Что же касается местных бюджетов, то решение проблемы повышения уровня их самостоятельности требует, на наш взгляд, принятия ряда дополнительных мер, направленных на укрепление их финансовой базы и расширение полномочий в налоговой сфере. Действительно, почти две трети всех налоговых доходов местных бюджетов в настоящее время формируется за счет отчислений от НДС. При этом в соответствии с российским законодательством органы власти субъектов Российской Федерации обязаны устанавливать по данному налогу единые и (или) дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты.

Данная норма, безусловно, способствует повышению уровня стабильности нормативов и представляет местным администрациям возможность осуществления перспективного бюджетного планирования. В то же время указанная обязанность

субъектов Российской Федерации вступает в действие только в случае, если в соответствующем муниципалитете законодательно установлен порядок утверждения бюджета на трехлетний период. Но не это главное. Основная проблема муниципалитетов в части НДФЛ состоит в отсутствии у них прав на управление элементами этого налога, что существенно снижает его роль в формировании у местного самоуправления собственной финансовой базы.

Решение указанной проблемы видится в использовании богатого опыта других государств, имеющих федеративное устройство. Во многих из них экономическую и бюджетную эффективность показала практика совместного использования всеми уровнями бюджетной системы налоговой базы индивидуального подоходного налога. В российской налоговой системе НДФЛ, будучи на протяжении всего своего существования федеральным налогом, всегда зачислялся в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации.

При этом региональные и местные органы никогда не имели и в настоящее время не имеют возможности использовать такие важнейшие элементы этого налога, как ставка и льгота для совершенствования производства в целях устойчивого развития, сокращения на этой основе миграции населения за пределы региона, а также стимулирования притока трудоспособного населения. В целях расширения полномочий органов власти регионов в формировании налоговой базы на соответствующей территории представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разделении ныне действующей ставки НДФЛ на федеральную, региональную и муниципальную. Соответственно региональные

и муниципальные органы власти должны в этом случае обладать всеми необходимыми правами в области налогового администрирования и управления элементами данного налога.

ВЫВОДЫ

Основной целью проводимой региональной налоговой политики должно быть создание условий, обеспечивающих повышение заинтересованности и ответственности региональных и местных органов власти в развитии и укреплении налоговой базы, а также в обеспечении подъема экономики соответствующей территории в отдельности и страны в целом.

Важнейшими направлениями в обеспечении достижения поставленной цели являются повышение уровня самостоятельности региональных и местных бюджетов за счет смещения акцентов с финансовой помощи регионам и муниципалитетам на налоговые поступления, а также децентрализация налоговых полномочий путем наделения органов власти регионов и муниципалитетов полномочиями по налоговому администрированию элементами федеральных налогов, поступающих в соответствующие бюджеты, и расширению прав по управлению закрепленными за этими бюджетами региональными и местными налогами. Только при условии решения указанных проблем, на наш взгляд, станет возможным существенное повышение экономической активности на территориях, укрепление ответственности органов власти регионов и муниципалитетов за развитие и расширение налоговой базы и обеспечение устойчивого развития соответствующей территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майбуров И. А., Иванов Ю. Б. и др. Энциклопедия теоретических основ налогообложения. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2016. 503 с..
2. Колчин С. П., Бушинская Т. В., Концепция региональной налоговой политики. *Экономика. Налоги. Право.* 2013;(6):102–107.
3. Саркарова Д. С., Абакарова А. А., Назарова С. И. Особенности реализации региональной налоговой политики. *Экономика и предпринимательство.* 2019;113(12):1287–1290.
4. Колбягина Л. А. Теоретические аспекты региональной налоговой политики. *Baikal Research Journal.* 2023;14(1):51–61.
5. Панкратова М. В. Оценка современного состояния региональной налоговой политики. *Вектор экономики.* 2019;35(5):64–72.
6. Савина О. Н. Региональная налоговая политика в условиях развития инновационной экономики. *Налоги и налогообложение.* 2013;(12):897–905.
7. Саплина А. С. Проблемы и перспективы развития налоговой политики региона. *Теория и практика современной науки.* 2016;11(5):864–867.

REFERENCES

1. Maiburov I.A. Ivanov Yu.B. and others. Encyclopedia of the theoretical foundations of taxation. Moscow: UNITY-DANA; 2023. 503 p. (In Russ.).
2. Kolchin S.P., Bushinskaya T.V. Concept of regional tax policy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2013;(6):102–107. (In Russ.).
3. Sarkarova D. S., Abakarova A. A., Nazarova S.I. Features of the implementation of regional tax policy. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2019;113(12):1287–1290. (In Russ.).
4. Kolbyagina L. A. Theoretical aspects of regional tax policy. *Baikal Research Journal*. 2023;14(1):51–61. (In Russ.).
5. Pankratova M.V. Evaluation of the current state of regional tax policy. *Vektor ehkonomik = Vector of Economics*. 2019;35(5):64–72. (In Russ.).
6. Savina O.N. Regional tax policy in the conditions of innovative economy development. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2013;(12):897–905. (In Russ.).
7. Saplina A. S. Problems and prospects of development of tax policy of the region. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki = Theory and practice of modern science*. 2016;11(5):864–867. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Георгиевич Пансков — доктор экономических наук, профессор, профессор-исследователь Финансового университета, заслуженный экономист Российской Федерации, государственный советник налоговой службы I ранга, Москва Россия

Vladimir G. Panskov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Research Professor at the Financial University, Honored Economist of the Russian Federation, State Advisor to the Tax Service of the first rank, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7645-2092>
5868116@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 14.11.2023; accepted for publication 15.01.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-44-55
УДК 330.354(045)
JEL C01, C22

Анализ влияния монетарной и экономической политики на рост ВВП Российской Федерации в 2024–2025 годах

И.В. Трегуб, Д.В. Фунтова, Я.С. Етерскова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – влияние монетарной и экономической политик, проводимых Правительством РФ для обеспечения экономической стабильности страны. *Цель работы* – прогнозирование роста реального ВВП благодаря регулированию оплаты труда, увеличению сбережений населения и поддержке других факторов спроса на основе коррекционно-регрессионного анализа, позволяющего выявлять связи между несколькими факторами производства и, если они есть, устанавливать степень их взаимозависимости посредством математических инструментов. Для этого предлагается на первом этапе создавать эконометрическую модель, связывающую рост уровня потребления и экономический рост Российской Федерации, на втором этапе – составлять и обрисовывать модель, позволяющую устанавливать влияние средней номинальной заработной платы, объема кредитования населения, величины сбережений и уровня инфляции на уровень потребления в Российской Федерации. *Научная новизна* исследования заключается в получении актуальных данных, способствующих выявлению необходимого уровня вышеперечисленных факторов для обеспечения роста реального ВВП. В результате исследования *сделан вывод* о незначимости такого фактора, как уровень инфляции, для анализа текущей экономической ситуации в России. При разработке эффективных мер достижения желаемого уровня экономического роста большее значение имеют согласно построенной модели уровень средней номинальной заработной платы и объем депозитов домохозяйств. Подтверждена эффективность использования монетарных мер, применяемых Банком России для стабилизации экономики.

Ключевые слова: ВВП; эконометрика; макроэкономическое моделирование; потребление

Для цитирования: Трегуб И.В., Фунтова Д.В., Етерскова Я.С. Анализ влияния монетарной и экономической политики на рост ВВП Российской Федерации в 2024–2025 годах. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):44-55. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-44-55

ORIGINAL PAPER

Economy of the Russian Federation for 2024–2025 and Factors of Its Growth

I.V. Tregub, D.V. Funtova, Ya.S. Eterskova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the influence of monetary and economic policies pursued by the Government of the Russian Federation on ensuring the economic stability of the country. The purpose of the work is to forecast real GDP growth due to the current wage policy, increasing household savings and supporting other demand factors based on correction and regression analysis, which makes it possible to find out between the characteristics under consideration and, if there is one, to calculate the measure of dependence using mathematical tools. To do this, it is proposed at the first stage to create an econometric model linking the growth of consumption and economic growth of the Russian Federation, at the second stage – to create and describe a model that allows us to consider the influence of the average nominal wage, the volume of lending to the population, the volume of savings and the level of inflation on the level of consumption in Russian Federation. The scientific novelty of the study lies in obtaining current data that allows us to identify the necessary level of the above factors to achieve the economic development planned by the Russian Ministry of Economic Development and growth of real GDP. As a result of the study, it was concluded that such a factor as the inflation rate is insignificant for analyzing the current economic situation in Russia. When developing effective measures to achieve the desired level of economic growth, according to the constructed model, the level of average nominal wages and the

© Трегуб И.В., Фунтова Д.В., Етерскова Я.С., 2024

volume of household deposits are of greater importance. The effectiveness of the use of monetary measures used by the Bank of Russia to stabilize the economy has been confirmed.

Keywords: GDP; econometrics; macroeconomic modeling; consumption

For citation: Tregub I.V., Funtova D.V., Eterskova Ya.S. Economy of the Russian Federation for 2024–2025 and factors of its growth. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):44–55. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-44-55

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях экономика Российской Федерации преодолевает ряд трудностей. Так, кризис, связанный с пандемией COVID-19, оказал негативное влияние на экономическое развитие России, затронув как производство, так и потребление. Несмотря на то что экономике России удалось справиться со спадом производства и замедлением темпов экономического роста, показав существенный рост в 2021 г. (5,61%), определенные последствия пандемии коронавируса продолжают до сих пор отражаться на экономических процессах внутри страны. Состояние экономики России также ухудшилось в силу сложившейся геополитической ситуации в мире в 2022–2023 гг. Введенные санкции, массовый уход иностранных компаний из страны, нестабильность политической обстановки в мире оказывали негативное влияние на экономическое развитие России в 2022 г. Согласно исследованию [1] темп прироста потенциального ВВП Российской Федерации замедлился по причине введенных санкций до 0,7–1,3% в сравнении с ожидаемым значением 1,5%. В данных условиях вопрос об экономическом росте России в 2024 и 2025 гг. стоит особенно остро ввиду того, что от его решения зависит не только повышение благосостояния населения, но и решение социальных вопросов. Так, научный центр «Эффективные государства и инклюзивное развитие» провел исследование, результаты которого можно выразить следующей цитатой: «большинство стран, добившихся успеха в сокращении бедности и расширении доступа к общественным благам, основывают этот прогресс на сильном экономическом росте» [2]. Такой вывод указывает на то, что экономический рост является важнейшим фактором если не решения, то по крайней мере уменьшения негативных последствий социальных проблем.

Целью настоящего исследования является выявление влияния таких факторов роста экономики России, как уровень потребления, зависящий от средней номинальной заработной платы, объема кредитования населения, размера сбережений и уровня инфляции в рассматриваемом периоде с целью прогнозирова-

ния реального ВВП на 2024 и 2025 гг. В рамках данной работы предоставлен анализ текущего состояния экономики Российской Федерации, рассмотрены существующие макроэкономические эконометрические модели, а также произведено моделирование состояния экономики страны.

ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Исследования развития как глобальной экономики, так и экономик отдельных стран, являются особенно актуальными в периоды кризисов, когда анализ ведущих факторов способствует разработке и принятию мер проведения эффективной государственной политики.

Так, в статье [3] рассмотрено состояние макроэкономического моделирования экономики Российской Федерации в 1990–2000 гг. на основе регрессионных и коинтеграционных эконометрических моделей, позволяющих анализировать внешние и внутренние макроэкономические шоки в финансовой политике от колебаний мировых цен на нефть. Авторы работ [4; 5] рассматривают динамику показателей социальной сферы в России и отдельных регионов при помощи макроэконометрических моделей секторов экономики с учетом основных социальных индикаторов России. К их числу они относят реальную заработную плату, реальные денежные доходы и другие показатели.

Следует выделить исследование [6], в котором автор разработал стратегию территориально социально-экономического развития Российской Федерации. Научные предположения, выдвинутые в данной работе, стали основой для исследований многих российских ученых.

Темпы экономического роста России рассматривались в статьях [7–9], в которых авторы указывают на необходимость повышения эффективности производства, развития человеческого фактора и улучшения рационального использования ресурсов для достижения оптимального качества жизни населения и обращают внимание ученых на проблемы основного капитала в современных

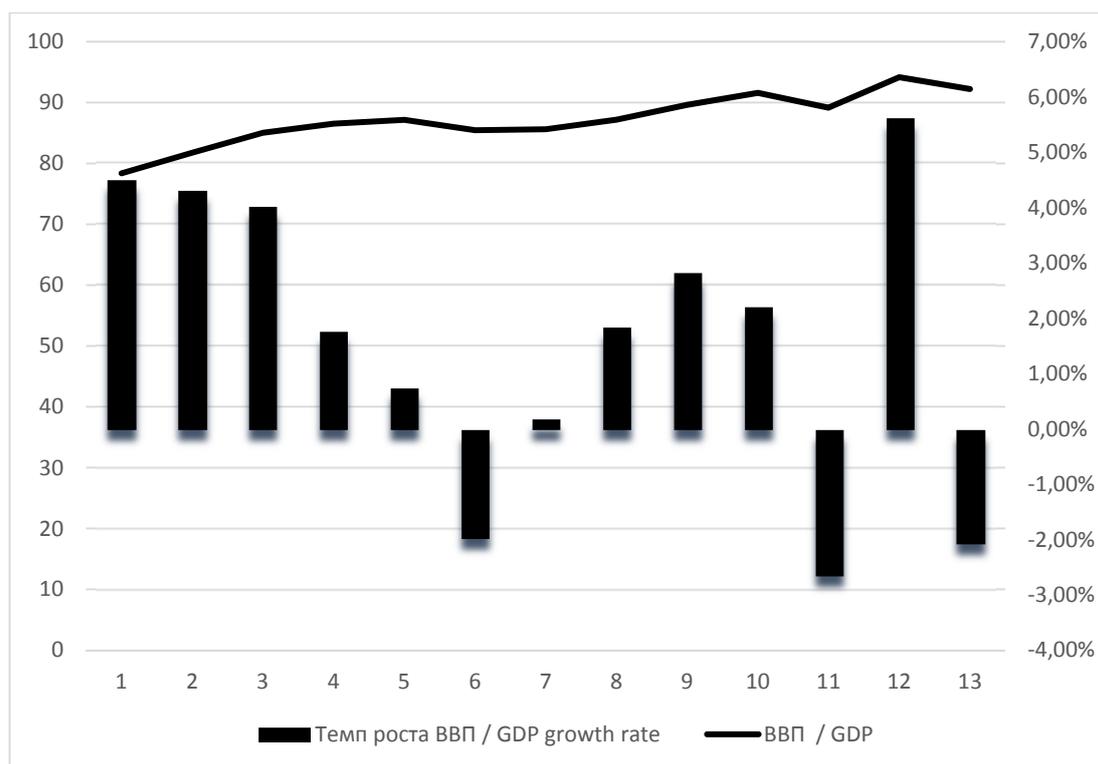

Рис. 1 / Fig. 1. Реальный ВВП Российской Федерации в 2010–2022 гг. /
Real GDP of the Russian Federation in the period from 2010 to 2022

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

условиях и слабый рынок труда, характерный для Российской Федерации. Как показано в работе [9], норма накопления в российской экономике, т.е. доля средств в общем объеме полученного дохода, замерла на отметке около 20%, что явно недостаточно для роста экономики.

Фактором восстановления темпов роста ВВП Российской Федерации, по мнению авторов работы [10; 11], является стимулирование как совокупного спроса, так и совокупного предложения.

Уровни потребления домохозяйств были исследованы в работах [12–14], в которых делается вывод о сохранении тенденции к снижению темпов роста ВВП в силу уменьшения уровня доходов населения из-за наличия долгосрочной зависимости потребления домохозяйств от уровня их дохода.

Мнения исследователей о влиянии инфляции на экономический рост расходятся. Так, Ф. Картаев [15] отмечает, что для создания благоприятных условий для долгосрочного экономического роста в развитых странах пороговый уровень инфляции должен составлять 3%, а в развивающихся странах — 10–12%. Он также утверждает, что часто подавление

инфляции не приносит ожидаемых результатов, вызывая больше негативных последствий.

Взаимосвязь инфляции и ВВП в отношении России рассмотрена в работе [16], где говорится о том, что с 2014 г. Банк России перешел к режиму инфляционного таргетирования. Однако принятое им решение вызывает сомнения.

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Исследование степени экономической стабильности Российской Федерации требует учета динамики реального ВВП — на это особо указывается в докладе министра экономического развития Российской Федерации, М.Г. Решетникова, заявившего о достижении положительного показателя, равного двум и более процентам роста за 2023 г.¹ Прогноз социально-экономического развития на 2023 и плановые 2024–2025 гг. основывается на трех основных факторах: существенном укреплении рубля по отношению к иностранным валютам, дефляции на потребительском рынке, наблюдаю-

¹ URL: <http://government.ru/news/48256>.

щейся с июня, и более позитивным, чем ожидалось ранее, ростом реального ВПП за II квартал текущего года.

Представленный на рис. 1 график демонстрирует динамику реального ВВП в абсолютном выражении в трлн руб. в ценах 2016 г. (сплошная линия) и в относительном выражении в % к предыдущему году (гистограмма) за период 2010–2022 гг.

За последние десять лет российская экономика пережила ряд периодов своего развития, характеризующихся различными предпосылками для ее роста. Так, в 2010–2012 гг. рост реального ВВП Российской Федерации оставался стабильным в условиях высоких цен на нефть и иных энергоносителей, наблюдались высокие темпы прироста реального ВВП, сопровождающиеся притоком прямых иностранных инвестиций, повышением экономической активности населения и расширением капитализации банковского сектора.

В период 2013–2015 гг. происходило замедление экономики вследствие усиления политической напряженности в мире. Происходил отрицательный экономический рост, который можно объяснить переживаемым валютным кризисом и введением санкций на нефть.

Тем не менее в 2016 г. экономика вновь начала расти, хотя темпы роста в последующих годах будут меньше, чем в период 2010–2012 гг. (в среднем на 2 п.п.), что можно объяснить последствиями кризиса 2014 г.

В 2020 г. наблюдалось резкое снижение реального ВВП страны из-за пандемии COVID-19. Уменьшение благосостояния населения, вызванное как снижением деловой активности в стране, так и необходимостью соблюдения ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса, привело к уменьшению потребления домохозяйств, что негативно воздействовало на экономический рост. Замедление в сфере производства также повлияло на снижение роста реального ВВП страны в данный период [17].

В 2021 г. экономика начала восстанавливаться. Рост реального ВВП Российской Федерации достиг 5,61%, что стало наивысшим показателем в рассматриваемый период. К концу 2021 г. значения инфляции в России начинают стремительно расти, после чего ЦБ РФ принимает меры по ужесточению монетарной политики за счет сокращения размера баланса и повышения процентных ставок.

В 2022 г. ситуация изменилась. Реальный ВВП страны вновь показал негативную динамику в силу

напряженной политической ситуации в ряде стран, а также вследствие санкций, введенных против России рядом западных стран.

Следует отметить, что в начале 2023 г. ситуация начала стабилизироваться, что подтверждают основные макроэкономические прогнозы на 2023 и 2024 гг. Так, в апреле 2023 г. состоялось совместное расширенное заседание коллегий Минфина России и Минэкономразвития России², на котором М.Г. Решетников отметил, что экономика продолжает восстанавливаться, подчеркнув, что в 2023 г. прогнозируется рост экономики на 1,2%. Одной из причин такого восстановления стал рост потребления домохозяйств, на который в свою очередь повлияли такие факторы, как величина средней номинальной заработной платы, объем кредитования населения и сбережений, уровень инфляции. В III квартале 2023 г. прогноз по росту ВВП улучшился. Глава Минэкономразвития России отметил, что в 2023 г. рост реального ВВП России должен составить более 2%, а на 2024 г. — более 2,3%. Однако уже в конце ноября 2023 г. в опубликованном Аналитическим кредитным рейтинговым агентством (АКРА) прогнозе положительная динамика экономики России не превысила 0,5–1,5%. В свою очередь Банк России в июле 2023 г. скорректировал свой прогноз в лучшую сторону: рост от 1,5% до 2,5% реального ВВП на конец 2023 г., тогда как в апреле он прогнозировал рост в диапазоне от 0,5 до 2%. Прогноз Центробанка по ВВП на 2024 г. составил 0,5–2,5%.

Необходимо отметить, что согласно прогнозу [9] рост ВВП ожидается именно за счет потребления, которое будет расти вследствие мер, предпринимаемых руководством страны по увеличению оплаты труда. Потребительский спрос по оценке Минэкономразвития России уже прошел нижнюю точку спада во II квартале 2022 г. Дальнейшее восстановление в краткосрочной перспективе должно поддерживаться возобновлением роста потребительского кредитования и оттоком средств с депозитов по мере снижения процентных ставок в экономике, а с 2023 г. — восстановлением реальных располагаемых денежных доходов населения. В результате уже с I квартала 2023 г. начался восстановительный рост ВВП (к уровню 2021 г. с устранением сезонности). Ожидаемая отрицательная динамика по итогам 2023 г. (–0,8%), как отмечается в докладе Минэко-

² URL: <https://www.economy.gov.ru/mat>.

номразвития России³, обусловлена преимущественно эффектом высокой базы I квартала 2022 г. По предварительной оценке Минэкономразвития России за 9 месяцев 2023 г. реальный ВВП Российской Федерации должен был увеличиться на 2,8%.

СОСТАВЛЕНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Разные оценки реального ВВП побудили авторов настоящей статьи разработать две эконометрические модели, позволяющие, с одной стороны, количественно оценивать меру влияния уровней потребления на ВВП страны, а с другой стороны, исследовать степень воздействия управляющих переменных, указанных в докладе главы Минэкономразвития России (средняя номинальная заработная плата, объем кредитования населения, объем сбережений) с учетом уровня инфляции на величину потребления домохозяйств для достижения прогнозируемых уровней роста ВВП.

Таким образом, в настоящей работе на первом этапе описывается влияние потребления на уровень реального ВВП, а на втором этапе рассматривается влияние вышеперечисленных факторов на уровень потребления в Российской Федерации.

При составлении первой модели предполагалось, что реальный ВВП Российской Федерации напрямую зависит от уровня потребления населения, причем чем выше потребление, тем выше реальный ВВП страны.

На основании предварительного анализа было выявлено, что коэффициент корреляции между текущими значениями ВВП и функцией потребления равен 0,938, что свидетельствует о наличии сильной линейной связи между реальным ВВП и потреблением домохозяйств, которая позволяет перейти к написанию структурной формы модели, которая выглядит как уравнение (1):

$$\begin{cases} Y_t = a_0 + a_1 \times C_t + \varepsilon_t \\ a_1 > 0. \\ E(\varepsilon_t) = 0; \sigma^2(\varepsilon_t) = const, \end{cases} \quad (1)$$

где: Y_t — текущий уровень ВВП России, C_t — текущее потребление, ε_t — случайное возмущение. Последняя строка в модели (1) соответствует предположениям о математическом ожидании и дисперсии

случайного возмущения в соответствии теоремой Гаусса-Маркова.

Для оценки коэффициентов модели была использована выборка с 2010 по 2021 г., при этом данные за 2022 г. были применены для проверки адекватности линейной модели. Расчет коэффициентов осуществлен методом наименьших квадратов в эконометрическом пакете *GRET*L посредством оцененной формы модели в виде уравнения (2):

$$\begin{cases} Y_t = 71,69 + 0,34C_t + \varepsilon_t \\ (1,42) \quad (0,03) \quad (1,21) \\ R^2 = 0,92 \quad F = 121,51, \end{cases} \quad (2)$$

где в круглых скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов.

Тестирование модели показало, что 92% изменений текущего значения реального ВВП в Российской Федерации можно объяснить текущим значением потребления домохозяйств с помощью модели линейной регрессии.

F-тест (статистический тест, который устанавливает, равны ли дисперсии двух нормальных совокупностей) подтвердил, что значение коэффициента детерминации не является случайным и качество спецификации модели высокое. Все предпосылки теоремы Гаусса-Маркова выполняются, коэффициенты уравнения по результатам t-теста, используемого для сравнения средних арифметических двух групп, являются значимыми.

После проведения теста на проверку адекватности выяснилось, что модель адекватна и может быть использована для прогнозирования уровня реального ВВП в Российской Федерации.

Убедившись в корректности предположения о прямой линейной зависимости ВВП и уровня спроса в России, дальнейший акцент в исследовании был сделан на поиске ключевых факторов, определяющих уровень потребления в России, с целью выявления, с одной стороны, эконометрических зависимостей для поиска управляющих переменных, значимо влияющих на уровни спроса, и для подтверждения, с другой стороны, действенности монетарной политики ЦБ РФ, направленной на сдерживание инфляции.

При составлении второй модели для функции потребления как фактора, влияющего на ВВП, предполагалось, что инфляция негативно влияет на уровни потребления, снижая покупательскую способность

³ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya.

домохозяйств. Таким образом, повышение ЦБ РФ ключевой процентной ставки, направленное на сдерживание инфляции, должно приводить к росту потребления, что в свою очередь согласно разработанной модели (1; 2) будет обуславливать рост ВВП.

В качестве второй экзогенной переменной, как указывалось выше, была выбрана средняя номинальная заработная плата.

Третьим рассматриваемым фактором в модели является объем кредитования домохозяйств. При этом можно предположить, что чем выше объем кредитов домохозяйств, тем выше потребление. В 2022–2023 гг. наблюдается тенденция к снижению уровня кредитования, причиной которого выступает решение ЦБ РФ о повышении ключевой ставки. Тем не менее можно предположить, что данный показатель не подвергнется значительным изменениям в прогнозируемых периодах в силу снижения ключевой ставки в будущем, вызванного ожидаемым снижением инфляционного давления. Тем более, что при составлении данной модели предполагалось, что колебание данного показателя не окажет значительного влияния на общий уровень потребления.

Последней независимой переменной, рассматриваемой в рамках данной модели, выступает объем вкладов домохозяйств. Ожидается повышение уровня данного показателя в 2024–2025 гг. в силу снижения ключевой ставки ЦБ РФ. Гипотетически существует обратная зависимость между данной переменной и уровнем потребления.

Посредством проведения предварительного корреляционного анализа данных было выявлено, что коэффициент корреляции между потреблением домохозяйства и номинальной средней зарплатой равен 0,989, коэффициент корреляции между потреблением домохозяйств и объемом кредитов домохозяйств — 0,926, коэффициент корреляции между потреблением домохозяйств и объемом вкладов населения — 0,988. Это указывает на существование выраженной линейной связи между потреблением и всеми перечисленными выше индикаторами.

В то же время коэффициент корреляции между потреблением домохозяйств и уровнем инфляции составил 0,054, что свидетельствует об отсутствии линейной связи между переменными. Уже на данном этапе можно выдвинуть предположение о незначимости уровня инфляции как фактора, оказывающего прямое влияние на спрос и в конечном счете на ВВП страны. Его действие хотя и имеет свое влияние в теории, на практике может сильно зави-

сеть от состояния других факторов, в конечном счете сводящих на минимум его прямое взаимодействие с результирующими переменными.

Благодаря обобщению результатов предварительного анализа данных и вышеизложенных гипотез эконометрическая модель для функции потребления приняла вид уравнения (3):

$$\begin{cases} C_t = b_0 + b_1 \times i_t + b_2 \times s_t + b_3 \times cr_t + b_4 \times d_t + \vartheta_t \\ b_1 < 0; b_2 > 0; b_3 > 0; b_4 < 0. \\ E(\vartheta_t) = 0; \sigma^2(\vartheta_t) = const, \end{cases} \quad (3)$$

где: нижний индекс t — текущее значение соответствующей переменной, C — потребление домохозяйств, i — инфляция, s — номинальная средняя заработная плата, cr — объем кредитования домохозяйств, d — объем депозитов домохозяйств.

Оценка коэффициентов была проведена при помощи метода наименьших квадратов. Выходные статистики представлены в таблице.

Оцененная форма модели выглядит следующим образом, уравнение (4):

$$\begin{cases} C_t = 6,096 + 0,083 \times i_t + 0,61 \times s_t - 0,424 \times cr_t + 1,05 \times d_t + \vartheta_t \\ (3,84) \quad (0,22) \quad (0,31) \quad (0,42) \quad (0,55) \quad (2,2) \\ R^2 = 0,966 \quad F = 80,05 \end{cases} \quad (4)$$

где в круглых скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов.

После проведения ряда тестов оценки качества линейной регрессионной модели R^2 -test показал, что 96,6% изменений текущего значения потребления домохозяйств в Российской Федерации можно объяснить значениями инфляции, номинальной средней заработной платы, объемом кредитов населения и объемом депозитов населения с помощью модели линейной регрессии. При этом следует отметить, что результаты t -теста при сравнении r -значений и трех уровней значимости продемонстрировали незначительность таких переменных, как уровень инфляции и объем кредитования домохозяйств. Такие же факторы, как номинальная заработная плата и объем депозитов, оказали более сильное воздействие на конечное потребление в стране. Таким образом, можно сделать вывод о незначимой роли уровня инфляции в стабилизации темпов роста ВВП России в рамках предложенной эконометрической модели.

Можно заметить, что коэффициент детерминации линейной модели слишком близок к единице.

Модель для функции потребления / Consumption function Model

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / Statistical error	t-статистика / t-statistics	p-значение / p-value	
const	6,09583	3,83540	1,589	0,1560	
S	0,610660	0,313042	1,951	0,0921	*
i	0,0827457	0,221743	0,3732	0,7201	
cr	-0,423618	0,417152	-1,015	0,3437	
d	1,04955	0,550941	1,905	0,0985	*

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

С одной стороны, это означает, что объясняющая способность модели высока. С другой стороны, существует риск возникновения проблемы мультиколлинеарности, когда все переменные созависимы и искажают представление о реальной работе модели. Проведенные тесты на наличие мультиколлинеарности показали ее несущественное влияние на результаты моделирования.

Значение коэффициента детерминации не является случайным и качество спецификации модели является высоким, что подтверждает проведенный F-тест. Тест на проверку адекватности показал, что модель адекватна, или, иными словами, она может быть использована для прогнозирования уровня потребления.

Для расчета прогнозных значений уровней потребления и ВВП по разработанным моделям (1–4) значения экзогенных переменных были взяты из докладов ЦБ РФ, Генерального совета Федерации независимых профсоюзов России, нормативных актов, документов Минэкономразвития России.

Так, по предварительной оценке ЦБ РФ в 2023–2025 гг. ожидается снижение уровня инфляции (в 2023 г. до отметки 7%). Согласно прогнозу, озвученному министром экономического развития Российской Федерации М.Г. Решетниковым в ходе заседания Правительства РФ, уровень роста инфляции в 2024 г. упадет до 4,5%, а в 2025 — до 4% (рис. 2).

Согласно докладу вице-премьера Российской Федерации Т.А. Голиковой на заседании Генерального совета Федерации⁴ среднемесячная номинальная

заработная плата выросла на 7,5% за восемь месяцев 2023 г. Причем тенденция увеличения данного показателя сохранится в 2024 г. Ожидается, что в силу увеличения минимального размера оплаты труда Федеральным законом от 27.11.2023 № 548-ФЗ средняя номинальная заработная плата вырастет на 18,5% в 2024 г., а также продолжит умеренный рост в 2025 г.

Допуская, что уменьшение объема средств на депозитах граждан при снижении ЦБ РФ ключевой процентной ставки в 2024 и 2025 гг. на фоне прогнозируемого уменьшения уровня инфляции и неизменном уровне объема кредитных средств потребителей, а также учитывая заявленный Государственной Думой рост заработной платы и прогнозируемый ЦБ РФ уровень инфляции по разработанной в статье модели, были составлены прогнозы уровней потребления домашних хозяйств в 2023–2025 гг. (рис. 3).

На рис. 3 представлены графики эмпирических значений функции потребления (сплошная линия) и модельных (пунктирная линия). 95%-ный доверительный интервал для расчета прогнозного среднего значения уровня потребления отмечен сплошными вертикальными отрезками.

В соответствии с прогнозными значениями функции потребления с использованием оцененной модели (2) были рассчитаны прогнозные значения ВВП России на период 2023–2025 гг.

Таким образом, авторам настоящей статьи удалось установить взаимосвязь в математическом выражении между выбранными для исследования факторами потребления и уровнем реального ВВП. Эти данные могут быть использованы для построения выводов при проверке поставленной гипотезы.

⁴ URL: <https://xn-90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/srednemesyachnaya-zarplata-velichilas-na-7-5-za-vosemmesyatsev-2023-goda>.

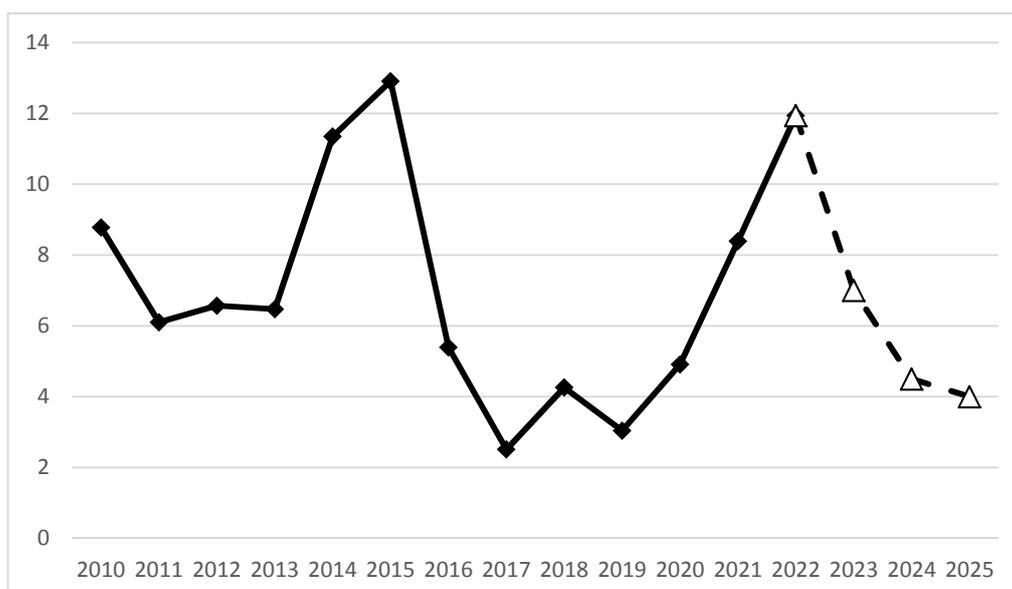

Рис. 2 / Fig. 2. Инфляция в Российской Федерации в период 2010–2022 гг. и в прогнозируемый период 2023–2025 гг. / Inflation in Russian Federation in the period from 2010 to 2022 and forecast for the period 2023–2025

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

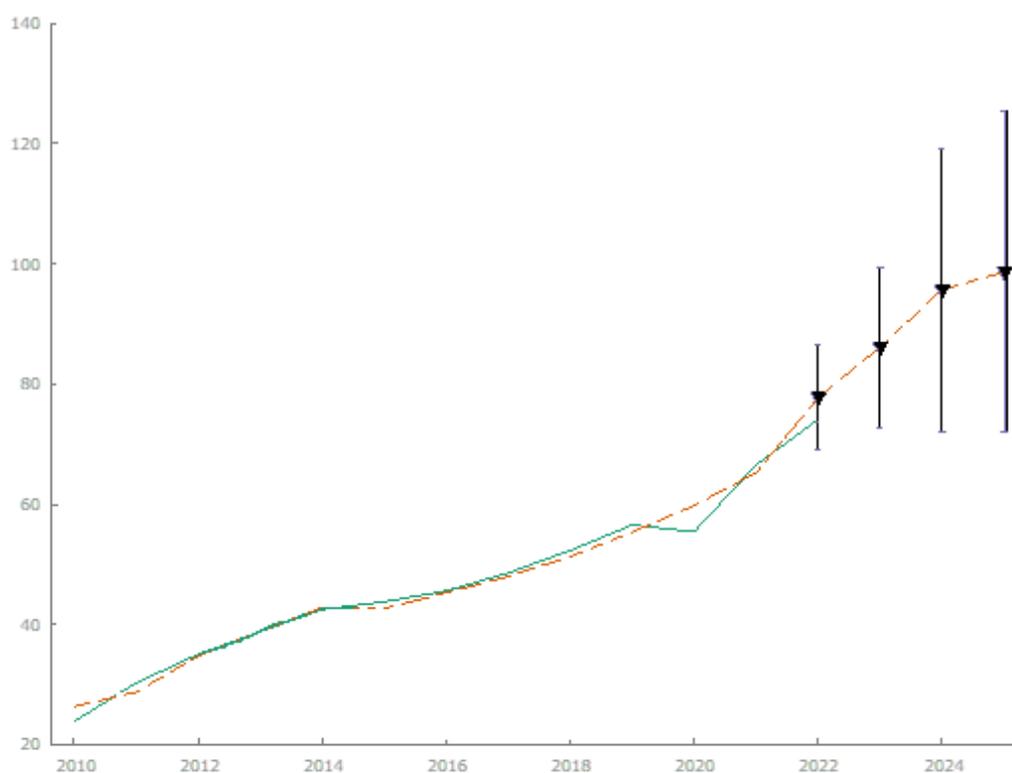

Рис. 3 / Fig. 3. Реальные и прогнозные значения уровня потребления / Real and forecast consumption levels

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

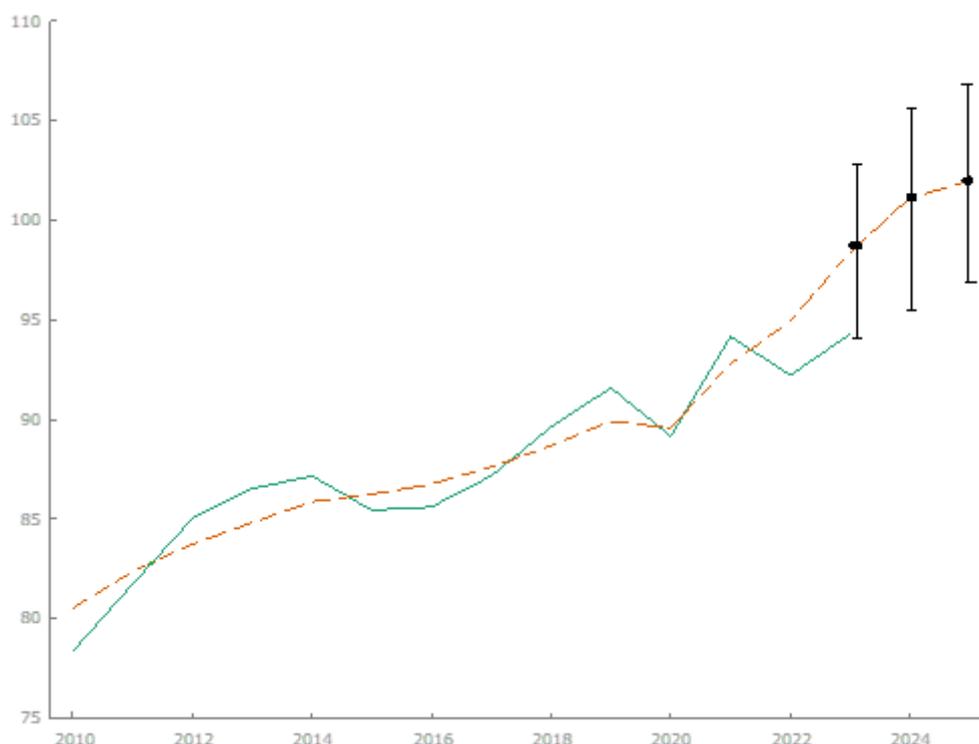

Рис. 4 / Fig. 4. Реальные и прогнозные значения ВВП / Real and forecast GDP levels

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ВЫВОДЫ

Посредством эконометрических моделей прогнозирования можно анализировать целевые значения ключевых факторов, способствующих достижению поставленной ЦБ РФ задачи по повышению темпов роста реального ВВП. Согласно проведенному исследованию для поднятия темпов экономического роста Российской Федерации, а именно такого показателя, как реальный ВВП, необходимо прежде всего обращать внимание на следующие факторы: уровень номинальной заработной платы и объем депозитов домохозяйств. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за первые три квартала 2023 г. уровень номинальный заработной платы в России вырос в среднем на 7,6%. Это означает, что уже сейчас, как и ожидалось, потребление увеличилось на 4,1%, а ВВП — на 1,12% соответственно за счет роста заработной платы. По оценке начальника управления «Сбережения» ВТБ, Натальи Тучковой, данной в ходе заседания Восточного экономического форума⁵, объем привле-

ченных средств граждан на текущих счетах и депозитах по итогам 2023 г. мог составить 41–43,5 трлн руб., что больше значения прошлого года на 19%. С учетом данного прогноза можно предположить рост потребления на 3,58% и ВВП — на 0,98% соответственно в 2023 г. за счет данного фактора. Более того, при учете экспертной оценки предполагаемого роста номинальной заработной платы на 18,5% в 2024 г. можно предположить, что согласно выведенным моделям за увеличением заработной платы последует эффект увеличения потребления на 9,94%. ВВП отреагирует в свою очередь на рост потребления домохозяйств увеличением на 2,8% по сравнению с прогнозируемыми результатами 2023 г. Однако следует учитывать, что предполагаемое понижение ключевой ставки в 2024 г. уменьшит объем депозитов домохозяйств, что соответствующим образом скажется на ВВП страны, снизив данный показатель.

Выявленные взаимосвязи как в функции спроса, так и в функции внутреннего валового продукта позволяют количественно оценивать влияние изменения экзогенных факторов на эндогенный показатель, становясь тем самым основой для прогноза роста благополучия страны.

⁵ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/09/12/994586-rinok-zhdet-rekorda-po-obemu-depozitov-grazhdan>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлова Н.В., Лаврова Н.А. Потенциальный рост как отражение перспектив российской экономики. *Вопросы экономики*. 2019;(4):5–20. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–4–5–20
2. Sen K. Why should I care about economic growth? The Effective States and Inclusive Development (ESID) Research Centre URL: <https://www.wider.unu.edu/publication/why-should-i-care-about-economic-growth>.
3. Айвазян С.А., Бродский Б.Е. Макроэкономическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики. *Прикладная эконометрика*. 2006;(2)85–111.
4. Айвазян С.А., Березняцкий А.Н., Бродский Б.Е. Модели социально-экономических показателей в России. *Прикладная эконометрика*. 2018;51:5–32.
5. Березняцкий А.Н., Бродский Б.Е. Моделирование макродинамики российского экономического региона. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019;13(3):1273–1286.
6. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России. Монография. Гончаренко Л.И., Вишневский В.П., Гурнак А.В., ред. М.: КноРус; 2023. 486 с.
7. Стрижкова Л.А., Куранов Г.О. Качество экономического роста как предпосылка повышения эффективности управления социально-экономическим развитием России. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):83–96. DOI: 10.26794/2220–6469–2020–14–3–83–96
8. Орлова Н.В., Егиев С.К. Структурные факторы замедления роста российской экономики. *Вопросы экономики*. 2015;12:69–84. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–12–69–84
9. Фальцман В.К. Россия: факторы роста в контексте мировой экономики. *Современная Европа*. 2020;(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-factory-rosta-v-kontekste-mirovoy-ekonomiki>.
10. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации и кризиса и переходе к устойчивому социально-экономическому росту в России. *Актуальные проблемы экономики и управления*. 2022;(4):4–34.
11. Савичева Е.Ю. Оценка потенциала экономического роста России в современных условиях. *Economy and Business*. 2020;3(11):38–41.
12. Антипов В.И. Прогноз темпов ВВП России до 2035 года. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44825573>.
13. Полбин А., Фокин Н. К вопросу о долгосрочной взаимосвязи реального потребления домохозяйств с реальным доходом в РФ. *Экономическое развитие России*. 2017;(10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dolgosrochnoy-vzaimosvyazi-realnogo-potrebleniya-domochozyaystv-s-realnym-dohodom-v-rf>.
14. Сухарев О.С. Некоторые проблемы теории экономического роста. *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. 2017;21(3):61–74. DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–3–61–74
15. Картаев Ф.С. Таргетирование инфляции и экономический рост. *Вестник Московского Университета*. 2015;(3):26–40.
16. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Синельникова-Мурылева Е.В., Макеева Н.В., Гребенкина А. м. Оптимальная инфляция в России: теория и практика. *Экономическая политика*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
17. Вишневский В.П., Гончаренко Л.И., Дементьев В.В., Гурнак А.В. Принципы налогообложения для цифровой экономики. *Terra Economicus*. 2022;20(2):59–71.
18. Рахаева В.В., Ливанова Р.В., Мырксина Ю.А. Влияние пандемии на экономический рост России. *Образование и Право*, 2020;(11):433–437.
19. Tregub I.V. Econometric analysis of influence of monetary policy on macroeconomic aggregates in Indian economy. *Journal of Physics: Conference Series*. 8. “2018 8th International Conference on Applied Physics and Mathematics, ICAPM 2018”. 2018.
20. Tregub I.V., De Iacob M. Econometric analysis of the effectiveness of government incentive measures for the development of the region. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):129–145.
21. Tregub I.V., Turkina S.N. Menges model applied to the economy of the USA. *Marketing and Management of Innovations*. 2014;(4):128–135.

REFERENCES

1. Orlova N.V., Lavrova N.A. Potential growth as a reflection of the prospects of the Russian economy. *Voprosy ehkonomiki = Economic issues*. 2019;(4):5–20. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2019–4–5–20
2. Sen K. Why should I care about economic growth? The Effective States and Inclusive Development (ESID) Research Center URL: <https://www.wider.unu.edu/publication/why-should-i-care-about-economic-growth>.
3. Ayvazyan S.A., Brodsky B.E. Macroeconomic modeling: approaches, problems, an example of an econometric model of the Russian economy. *Prikladnaya ehkonometrika = Applied econometrics*. 2006;(2):85–111. (In Russ.).
4. Ayvazyan S.A., Bereznyatsky A.N., Brodsky B.E. Models of socio-economic indicators in Russia. *Prikladnaya ehkonometrika = Applied econometrics*, 2018;51: 5–32. (In Russ.).
5. Bereznyatsky A.N., Brodsky B.E. Modeling the macrodynamics of the Russian economic region. *Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava = Current problems of economics and law*. 2019;13(3):1273–1286. (In Russ.).
6. Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring the new industrial revolution in Russia. Monograph. Goncharenko L.I., Vishnevsky V.P., Gurnak A.V., eds. Moscow: KnoRus; 2023. 486 p. (In Russ.).
7. Strizhkova L.A., Kuranov G.O. The quality of economic growth as a prerequisite for increasing the efficiency of managing the socio-economic development of Russia. *Mir novoy ekonomiki = World of New Economics*. 2020;14(3):83–96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2020–14–3–83–96
8. Orlova N.V., Egiev S.K. Structural factors of the slowdown in the growth of the Russian economy. *Voprosy ehkonomiki = Economic issues*. 2015;(12):69–84. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2015–12–69–84
9. Faltsman V.K. Russia: growth factors in the context of the global economy. *Sovremennay Evropa = Modern Europe*. 2020;(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-factory-rosta-v-kontekste-mirovoy-ekonomiki>. (In Russ.).
10. Aganbegyan A.G. On overcoming stagnation and crisis and the transition to sustainable socio-economic growth in Russia. *Aktual'nye problemy ehkonomiki i upravleniy = Current problems of economics and management*. 2022;(4):4–34. (In Russ.).
11. Savicheva E. Yu. Assessing the potential of Russia's economic growth in modern conditions. *Ekonomika i bisenes = Economy and Business*. 2020;3(11):38–41. (In Russ.).
12. Antipov V.I. Forecast of Russia's GDP rates until 2035. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44825573>. (In Russ.).
13. Polbin A., Fokin N. On the issue of the long-term relationship between real household consumption and real income in the Russian Federation. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii = Economic development of Russia*. 2017;(10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dolgosrochnoy-vzaimosvyazi-realnogo-potrebleniya-domohozhaystv-s-realnym-dohodom-v-rf>. (In Russ.).
14. Sukharev O.S. Some problems of the theory of economic growth. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;21(3):61–74. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–3–61–74
15. Kartayev F.S. Inflation targeting and economic growth. *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of Moscow University*. 2015;(3):26–40. (In Russ.).
16. Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Sinelnikova-Muryleva E.V., Makeeva N.V., Grebenkina A.M. Optimal inflation in Russia: theory and practice. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (In Russ.).
17. Vishnevsky V.P., Goncharenko L.I., Dementiev V.V., Gurnak A.V. Principles of taxation for the digital economy. *Terra Economicus*. 2022;20(2):59–71. (In Russ.).
18. Rakhaeva V.V., Livanova R.V., Myrksina Yu.A. The impact of the pandemic on Russia's economic growth. *Obrazovaniye i Pravo = Education and Law*. 2020;(11): 433–437. (In Russ.).
19. Tregub I.V. Econometric analysis of influence of monetary policy on macroeconomic aggregates in Indian economy. *Journal of Physics: Conference Series*. 8. “2018 8th International Conference on Applied Physics and Mathematics, ICAPM 2018”. 2018.
20. Tregub I.V., De Iacob M. Econometric analysis of the effectiveness of government incentive measures for the development of the region. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):129–145. (In Russ.).
21. Tregub I.V., Turkina S.N. Menges model applied to the economy of the USA *Marketing and Management of Innovations*. 2014;(4):128–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илона Владимировна Трегуб — доктор экономических наук, профессор кафедры математики, Финансовый университет, Москва, Россия

Iona V. Tregub — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Mathematics, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7329-8344>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

itregub@fa.ru

Дарья Викторовна Фунтова — бухгалтер ООО «Универсал», Москва, Россия

Daria V. Funtova — Accountant LLC “Universal”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0000-8731-1474>

funtovadaria@gmail.com

Яна Сергеевна Етерскова — стажер департамента аудита аудиторско-консалтинговой фирмы «Кепт», Москва, Россия

Yana S. Eterskova — trainee of the audit department of the audit-consulting company “Kept”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-0345-0755>

y.eterskova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

И. В. Трегуб — научное руководство исследованием, определение структуры изложения содержания статьи, обоснование направлений проводимой монетарной и экономической политики на основе разработанных моделей, анализ инфляционных процессов в России, верификация результатов моделирования, построение прогнозов.

Д. В. Фунтова — аннотация, научно-практический анализ, разработка эконометрической модели для динамики ВВП.

Я. С. Етерскова — поиск статистического материала для статьи, введение, заключение, разработка эконометрической модели для функции потребления.

Authors' Contribution Statement:

I. V. Tregub — scientific management of the research, definition of the structure of the presentation of the content of the article, justification of the directions of monetary and economic policy based on the developed models, analysis of inflationary processes in Russia, verification of modeling results, forecasting.

D. V. Funtova — abstract, scientific and practical analysis, development of an econometric model for GDP dynamics.

Ya. S. Eterskova — search for statistical material for the article, introduction, conclusion, development of an econometric model for the consumption function.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2023; принята к публикации 15.01.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.12.2023; accepted for publication 15.01.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-56-64
УДК 336.741.281.1(045)
JEL E52, E58

Проблемы имплементации цифровых денежных средств в современную денежно-банковскую систему

Ю.А. Кропин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью адекватной реакции банковской системы на появление в расчетах цифровой формы денежных средств. Ее появление обуславливает необходимость решения ряда вопросов, в частности как будет отражаться источник возрастания этих средств на счетах центрального банка, какими будут пути введения этих средств в рыночный оборот, как будут определяться соотношения между удельным весом трех форм денежных средств. Все эти вопросы имеют актуальный характер не только для рядовых участников рыночных отношений, но и для центрального банка. Между тем в научном публичном пространстве на первый план выдвигаются вопросы, имеющие скорее технический и потому второстепенный характер для экономической науки. *Предмет исследования статьи* – процесс имплементации цифровых денежных средств в современную денежно-банковскую систему. *Цель работы* – постановка в общетеоретическом плане вопросов, требующих соответствующего осмысления в контексте современной национально-рыночной денежной системы. В результате проведенного исследования был *сделан вывод*, что установление размера производства цифровых денежных средств, а также путей их введения в рыночный оборот должно происходить в соответствии с требованием закона денежного обращения, имманентного современной денежной системе. **Ключевые слова:** денежные средства; качественная определенность денег; денежная система; денежный оборот; цифровые рубли; центральный банк; национальная банковская система

Для цитирования: Кропин Ю.А. Проблемы имплементации цифровых денежных средств в современную денежно-банковскую систему. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):56-64. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-56-64

ORIGINAL PAPER

The Problems of Implementing Digital Money into the Modern Monetary and Banking System

Yu.A. Kropin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the article is due to the need for an adequate response of the banking system to the appearance of a new form of money in calculations – digital. Its appearance necessitates the solution of a number of issues, in particular, how the source of the increase in these funds will be reflected in the accounts of the central bank, what will be the ways of introducing these funds into market circulation, how the ratio between the specific gravity of the three forms of funds will be determined. All these issues are relevant not only for ordinary market participants, but also for the central bank. Meanwhile, in the scientific public space, issues that are rather technical and therefore of secondary importance for economic science come to the fore. *The subject of the article* is the process of implementing digital money into the modern monetary and banking system. *The purpose of the work* is to raise issues in general theoretical terms that require appropriate understanding in the context of the modern national market monetary system. As a result of the conducted research, *it was concluded* that the establishment of the size of the production of digital money, as well as the way of their introduction into market circulation, should be in accordance with the requirement of the law of monetary circulation, immanent in the modern monetary system.

Keywords: cash; qualitative certainty of money; monetary system; money turnover; digital rubles; central bank; national banking system

For citation: Kropin Yu.A. The problems of implementing digital money into the modern monetary and banking system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & Law.* 2024;17(1):56-64. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-56-64

© Кропин Ю.А., 2024

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время особенностью экономической науки, рассматривающей проблемы, связанные с функционированием монетарной сферы, стало акцентирование внимания ученых на проблемах введения в практику рыночных расчетов, предусматривающих расчеты посредством цифровых рублей. При этом внимание исследователей фокусируется в основном на вопросах, имеющих скорее технический, чем экономический характер. Так, отмечается, что счета, на которых будут размещаться цифровые рубли, будут находиться в ЦБ РФ; каждый рубль будет иметь свой идентификационный номер, по которому можно будет проследить движение денежных средств, а также регламентировать их целевое использование; проценты на счета в цифровых рублях начисляться не будут; простая конвертация цифровых рублей в другие формы денежных средств будет проблемной, если вообще возможной и т.д.

Безусловно, все эти аспекты имплементации цифровых денежных средств в современную денежную систему являются актуальными для проведения расчетов в цифровых рублях. Однако выдвигание этих вопросов на первый план скрывает за собой то, что является более существенным с точки зрения устройства и функционирования современной денежно-банковской системы. Один из них — обоснование эмиссии цифровых рублей Центральным банком. Банк России этот вопрос не ставит и дискуссий на его поводу не ведет, полагая по умолчанию, что он должен решаться по аналогии с эмиссией наличных денежных средств. Относительно последних в ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон № 86-ФЗ) говорится, что они обеспечены всеми активами Банка России. Между тем цифровой рубль, как указывает ЦБ РФ, является третьей формой денежных средств, занимающей как бы срединное место между безналичными и наличными средствами.

При этом следует заметить, что источник возрастания безналичных и наличных средств и соответственно отношение к ним со стороны ЦБ РФ принципиально разное. Так, если к возрастанию безналичных средств ЦБ РФ непосредственного отношения не имеет и в Законе № 86-ФЗ ничего не говорится, что они обеспечиваются активами банка России и являются его безусловным обязательством, то в отношении наличных средств такое указание

имеется. И если цифровые рубли будут выступать третьей формой денежных средств, то в законе необходимо прописать, будет или же не будет эта новая форма денежных средств являться обязательством Банка России, а если будет, то в какой именно части она будет обеспечена активами Банка России.

Повторим, сам ЦБ РФ такие вопросы не ставит и теоретические дискуссии по нему ни с кем не ведет. Однако оттого, что он уклоняется от прояснения этого вопроса, не следует, что данный вопрос не является актуальным и эмпирически может разрешиться сам собою. Его практическому разрешению, очевидно, должно предшествовать теоретическая «расстановка точек над *i*».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМИССИОННОЙ ФУНКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Для того, чтобы «расставить все точки над *i*», необходимо сначала прояснить, насколько обосновано осуществление самой эмиссионной функции центральным банком в условиях современной денежной системы. Отметим еще раз, что практически ЦБ РФ эмитирует только наличные денежные средства и считает только их своим долговым обязательством, в то время как безналичные средства не составляют пассивы Банка России.

Эмиссию наличных средств ЦБ РФ осуществляет под пополнение своих активов. Соответственно наличные средства выступают представителями активов Банка России. Так во всяком случае зафиксировано в Законе № 86-ФЗ.

Спрашивается, а за счет чего формируются активы ЦБ РФ? Ответ один — за счет имеющихся у него пассивов. А как формируются пассивы ЦБ РФ? Преимущественно за счет эмиссии наличных денежных средств. Из незамысловатого рассуждения нетрудно заметить, что наличные денежные средства, формально гарантированные активами ЦБ РФ, обеспечиваются на самом деле такими же средствами. Только одни наличные средства уже находятся в обращении и числятся в пассивах ЦБ РФ, а другие — в резервных кассах территориальных расчетно-кассовых центров Банка России или же на складах фабрики Гознака. Обеспечение наличных денежных средств такими же наличными средствами только более свежими по дате выпуска (из-под печатного станка) казначейскими знаками есть

тот вечный двигатель, благодаря которому живет и процветает Банк России в условиях современного устройства денежно-банковской системы.

Обоснованно ли существование такого порочного круга в устройстве ЦБ РФ и осуществлении им эмиссионной функции? На наш взгляд, не обосновано. Никакой субъект в нашем материальном мире, и тем более в системе рыночных отношений, не может возрастать сам из себя и быть самодостаточным образованием. В противном случае он становится институтом сверхматериального порядка, т.е. таким учреждением, которое не вполне вписывается в законы развития материального мира. Из этого следует простой вывод: центральный банк в рамках современного типа денежной системы не может выступать эмитентом наличных денежных средств, которые, повторим, «обеспечиваются» такими же наличными денежными средствами или в крайнем случае они «обеспечиваются» производственными мощностями типографской фабрики Гознака.

Правда, центральный банк мог бы возразить, что современная денежная система является не активной (от слова «активы» ЦБ), а фидуциарной [1; 2; 3], и что наличные денежные средства в современных условиях на самом деле являются фиатными [4; 5]. Так, во всяком случае декларируется неолиберальной школой экономической мысли, представленной, в частности, теорией монетаризма М. Фридмена [6].

Однако, если встать на позицию этой школы, то институт центрального банка (далее — ЦБ) тем более будет выступать органом полурелигиозного порядка, что по сути означает понятие «фидуциарная денежная система». Иными словами, оно означает, что участникам рыночных отношений вменяется обязанность безоговорочно верить в непогрешимость авторитета ЦБ как надежного контрагента рыночных отношений, осуществляющего свою деятельность в общественных интересах. Соответственно наличные денежные средства в рамках такого понимания сути современной денежной системы выступают некими представителями доверия к ЦБ. Проблема в восприятии всерьез таких положений теории монетаризма состоит в ответе на вопрос: каков именно объем доверия к ЦБ как надежному авторитетному контрагенту рыночных отношений приходится на одну национальную денежную единицу и можно ли конвертировать эту единицу на энную часть доверия к авторитету ЦБ? Понятно, что этот вопрос риторического порядка. Доверие есть то, что находится не просто в сознании каж-

дого лица, а составляет нечто трансцендентное, т.е. потустороннее, в то время как мы находимся все-таки в посюстороннем мире и оперируем вполне научными рыночными понятиями, в систему которых понятие «фидуциарная денежная система» не вписывается. Настаивание же неолиберальной школой на практическом существовании фидуциарной денежной системы означает, что институт ЦБ осуществляет эмиссионную функцию на основании бесконечного возрастания доверия к нему. ЦБ сам каким-то образом осуществляет замер роста доверия к самому себе и на этом основании проводит дополнительную эмиссию наличных денежных средств, которые зачисляет в свои пассивы и затем предоставляет в кредит банкам или же государству или же обменивает на валютную выручку отечественных экспортеров. В любом случае он тем самым увеличивает размер своих активов, которыми якобы обеспечиваются наличные денежные средства.

Повторим тезис о том, что учреждение, имеющее источник существования в самом себе, является организацией сверхъестественного порядка, которое вменяет участникам рыночных отношений обязанность верить в непогрешимость принимаемых им решений по регулированию рыночной конъюнктуры. В зависимости же от размера и качества применяемых мер политика ЦБ трактуется либо как «умеренно-жесткая» [7, с. 81–82; 8, с. 19–22], либо как «количественно смягченная» [9; 10], либо носит какое-то еще лукавое название, скрывающее действительную основу его эмиссионной деятельности.

Кстати, само понятие «фидуциарная денежная система» было предложено школой монетаризма именно тогда, когда ЦБ капиталистических стран отказались от выполнения своих долговых обязательств перед пользователями их ценных бумаг, т.е. банкнот.

Как известно, банкнота есть долговое обязательство ЦБ. До проведения Ямайской валютно-денежной конференции долговое обязательство ЦБ какой-либо страны состояло в конвертации числа денежных единиц, обозначенного на той или иной банкноте, на определенный вес монетарного золота. Этот вес определялся путем простого умножения числа денежных единиц, обозначенного на банкноте, на величину масштаба денежной единицы, которая была во всех странах разной; но в большинстве стран она не превышала одного грамма золота. И когда ЦБ на названной конференции приняли единогласное решение по отказу от выполнения своих долговых

обязательств, школа монетаризма предложила считать качественной определенностью денег вместо монетарного золота доверие к ним как честным контрагентам, которые в новых условиях уже точно добросовестно будут выполнять требование закона денежного обращения. Назвать такое предложение по позиционированию новой денежной системы обоснованным достаточно сложно даже по морально-этическим соображениям. Понятно, что оно имеет вполне ангажированный, откровенно лукавый характер, скрывающий действительную суть перемен в денежно-банковской системе.

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Если оставаться на почве рыночного реализма, то со всей определенностью следует сказать, что современная денежная система не является ни фидаучиарной, ни активной (от слова «активы» ЦБ) — она является просто другой системой, в рамках которой ЦБ не может выступать эмитентом не только наличных, но и цифровых денежных средств. Такую позицию занимает российская школа экономической мысли. Она основывается на том, что в условиях современной денежной системы у денег появились такие особенности сущности, которые явно отличают их от денег, использовавшихся в рамках золото-стандартной денежной системы.

Так, если в рамках денежной системы, существовавшей до Ямайской валютно-денежной конференции, качественной определенностью денег выступали запасы монетарного золота, которые ЦБ пополнял самостоятельно и потому на законном основании осуществлял эмиссионную функцию, то в современных условиях качественной определенностью денег вместо золота стало выступать не то, что имеется у ЦБ в наличии, а то, что составляет вещественное содержание рынка во всем многообразии его форм [11]. Иными словами, число денежных единиц, обозначенное на всех законных носителях, не выступает представителем ни монетарного золота, которое осталось в определенном объеме в хранилище ЦБ, ни доверия к этому монетарному органу, ни его активам, пополняющимся за счет простого типографского производства наличных денежных средств, а тем, что содержится во всем рыночном пространстве страны [12].

Правда, все это содержание рынка условно можно поделить на две основные части. Первую часть составляют товары, предлагаемые в текущее вре-

мя к продаже; а вторую часть содержания рынка составляет то, что имеется у резидентов страны, но в текущее время к продаже не предлагается. Ко второй части объектов содержания рынка можно отнести, например, объекты, принадлежащие государству, необходимые ему для выполнения своих имманентных функций в области здравоохранения, образования, культуры, безопасности и т.п.; эти объекты не предлагаются к продаже, но составляют часть качественной определенности денег. К таким же объектам можно отнести недвижимость, которой пользуются владельцы в текущее время и потому не выставляемой на продажу.

Все эти объекты составляют часть качественной определенности денег в рамках современной денежной системы. ЦБ не имеет непосредственного отношения не только ко всем этим объектам, но и к их созданию и возрастанию их объема на рынке. А поскольку увеличение объема качественной определенности денег является основой для возрастания их количественной определенности, постольку ЦБ в современных условиях не может выступать генератором дополнительного числа денежных единиц, обозначенного как на дензнаках, так и на цифровых платформах.

Кстати, в современных условиях традиционную платформу числа денежных единиц уже нельзя позиционировать как банкноту; ее следует позиционировать как денежный знак. Банкнота есть долговое обязательство ЦБ по конвертации на какую-либо часть качественной определенности денег, которой в период золото-стандартной денежной системы выступало монетарное золото. Теперь же золота в структуре элементов денежной системы страны нет. И если в рамках золото-стандартной денежной системы рыночная сделка была опосредованным обменом товаров на какой-либо вес золота, хранящегося в ЦБ, то теперь рыночная сделка является просто актом купли-продажи. Соответственно, получив денежные средства от продажи товаров, их новый владелец не может выставлять требование к ЦБ по обмену на золото; впрочем также он не может выставлять требование к ЦБ по конвертации какого-либо числа денежных единиц, обозначенного на имеющихся у него денежных знаках, на какую-либо часть доверия к ЦБ или же на какую-либо часть его активов. В действительности ЦБ в современных условиях не позиционирует традиционные носители числа денежных единиц своим долговым обязательством. Соответственно он вряд

ли будет позиционировать цифровые денежные средства своим безусловным обязательством по конвертации на то, что у него имеется «за душой». Размер «эмиссии» этих средств, так же как размер «эмиссии» наличных денежных средств, он на самом деле не увязывает с возрастанием доверия к своему авторитету и возрастанием размера своих активов. В определении объема «эмиссии» этих средств он имеет, собственно, неограниченную свободу. И чтобы она никем не оспаривалась и не подвергалась сомнению, он в своей информационной политике акцентирует внимание на различных технических моментах, связанных с выпуском в обращение цифровых рублей, но уводит внимание от сути вещей.

А суть состоит в том, что *ЦБ в условиях современной денежной системы не может выступать эмитентом денежных средств*. Он может быть только производителем законных платформ числа денежных единиц — денежных знаков, цифровых кошельков рядовых участников рыночных отношений, а также выдавать лицензии банкам на ведение их деятельности.

Счета физических и юридических лиц в банках являются такими же законными носителями числа денежных единиц как денежные знаки и цифровые кошельки. Законность всех этих носителей должна обуславливать возможность беспрепятственного обмена одних форм денежных средств на другие формы. Будет ли такая возможность у цифровых рублей? Как заявляет ЦБ РФ, такой возможности не будет. Из чего априори следует ущербность цифрового рубля.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ЦБ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Однако эту ущербность легко преодолеть, если признать тот факт, что ЦБ в условиях современной денежной системы не может выступать не только эмитентом цифровых рублей, но и банковским учреждением как таковым со свойственными ему атрибутами в виде наличия у него пассивов и активов.

С момента удаления золота из состава элементов денежной системы ЦБ должен был трансформироваться (преобразиться) в адекватный орган по монетарному регулированию рынка, рыночных процессов в сфере денежного обращения. Однако этого не произошло. ЦБ застыл в своем ста-

тусе банковского учреждения, сформированного в рамках золото-стандартной денежной системы. Банковская система возникла после образования денежной системы, которая выступает не только историческим и логическим предшественником банковской системы, но она является образованием более широкого порядка, чем банковская система. Точнее сказать, она включает банковскую систему. И как часть денежной системы банковская система должна была трансформироваться после решений, принятых на Ямайской валютно-денежной конференции. Однако этого не произошло. Соответственно теперь имеется явное противоречие между целым и его частью, т.е. между сутью современной денежной системы и устройством банковской системы, в рамках которой по-прежнему существует институт ЦБ, выполняющий эмиссионную функцию. В действительности, этот институт является анахронизмом, который должен быть преодолен *путем преобразования ЦБ в специальный орган по монетарному регулированию рынка в сфере денежного обращения*. И как таковой он не может (не должен) выступать эмитентом цифровых рублей. В своем новом качестве он должен заботиться о равновесном развитии всей денежной системы страны, а не только о «защите и обеспечении устойчивости» одного рубля, как это зафиксировано в ст. 3 Закона № 86-ФЗ.

Кстати сказать, Банк России на самом деле не воспринимает эмитируемые им банкноты как свое долговое обязательство несмотря на то, что он позиционирует их именно в таком качестве. Это следует из того обстоятельства, что на банкнотах отсутствует подпись Председателя Банка, а также подписи других соответствующих должностных лиц. И потому, если кто-то обратится к ЦБ РФ с требованием по конвертации банкнот на активы Банка или же на доверие к нему, сотрудники этого учреждения в лучшем случае укажут такому незадачливому лицу на дверь на том простом основании, что документ, вышедший из стен организации без подписи должностного лица, не является официальным документом: он является просто бумагой, которая ни к чему не обязывает организацию. Таким образом, банкноты Банка России являются не более, чем простыми бумагами, достаточно защищенными лишь от подделки. Подделывать такие бумаги действительно нельзя, но и предъявлять ими требование к ЦБ РФ, тоже нельзя. На наш взгляд, такое положение дел не является научно-обоснованным. Его следует преодолеть посредством трансформации

ЦБ из полурелигиозной организации в институт по монетарному регулированию рынка в сфере денежного обращения. И если этот институт будет озабочен ростом уровня денежных цен товаров, он должен будет строго на строго заказать себе выступить эмитентом цифровых рублей так же, как и наличных денежных средств.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫПУСКА В ОБРАЩЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Орган, созданный на базе ЦБ, должен будет выступать лишь производителем денежных знаков и соответствующей платформы для цифровых рублей. Очевидно, что при этом будут актуальными вопросы о:

1) размере выпуска наличных денежных средств и цифровых рублей;

2) путях введения этих средств в обращение.

Российская школа экономической мысли считает, что объем производства цифровых рублей ЦБ должен определяться таким же путем, как и объем производства наличных денежных средств в рамках современной денежной системы: а именно в соответствии с требованием закона денежного обращения. Этот закон указывает на то, что определение объема наличных денежных средств должно осуществляться по следующей формуле:

$$O_{\text{н.д.с.}} = V_{\text{н.в.д.}} \times \text{Уд.в.}_{\text{н.д.с.}},$$

где: $O_{\text{н.д.с.}}$ — объем наличных денежных средств, который должен быть произведен по итогам функционирования рынка за прошедший период времени;

$V_{\text{н.в.д.}}$ — величина национального валового дохода, созданная за этот период;

$\text{Уд.в.}_{\text{н.д.с.}}$ — удельный вес наличных денежных средств, существовавший в структуре денежного обращения на начало рассматриваемого периода [13].

Практическая реализация этой формулы позволит поддерживать необходимое соотношение между удельным весом наличных и безналичных денежных средств. Но поскольку цифровые рубли дополняют эти две формы денежных средств, постольку актуальным является определение соотношения между удельным весом уже трех форм денежных средств. При этом важно помнить, что дополнительный объем денег на рынке появляется не в результате механического производства наличных денежных средств

и теперь еще цифровых рублей, а вследствие получения прибыли участниками экономических отношений, создания рынком национального валового дохода (далее — НВД), которое приводит к увеличению удельного веса безналичных средств, что несет в себе объективный риск нехватки наличных денежных средств для бесперебойного протекания рыночного процесса. Чтобы этого не произошло, ЦБ должен систематически производить дополнительный объем наличных денежных средств и пускать их в обращение. Однако этот выпуск в обращение вновь произведенных средств должен происходить не на коммерческой основе, как это осуществляется в текущее время, а на компенсационной основе. Это означает, что ЦБ должен вновь произведенные наличные денежные средства конвертировать в безналичные средства, объем которых возрастает на счетах клиентов банков. Согласится ли ЦБ РФ с таким вариантом введения вновь произведенных им наличных денежных средств в обращение — вопрос риторический. ЦБ никогда не признает правомерность, а точнее сказать научную обоснованность такого варианта введения наличных денежных средств в обращение, поскольку он лишает его сеньоража — разницы между затратами на производство денежной единицы и ее реальным номиналом. Реализация эмиссионной функции ЦБ в современных условиях, повторим, делает его в плане возрастания самодостаточным учреждением, которое как таковое является учреждением квази-религиозного порядка.

Российская школа экономической мысли считает такое положение дел не обоснованным и предлагает его коренным образом трансформировать в соответствии с действительной сущностью современной денежной системы.

Аналогичное замечание следует сделать и в отношении выпуска цифровых рублей. В современных условиях ЦБ призван соблюдать пропорцию уже между тремя формами денежных средств. Вопрос же о том, каково должно быть изначально соотношение между удельным весом всех трех форм денежных средств, на наш взгляд, может решаться эмпирически, т. е. путем естественного формирования соответствующей пропорции в денежном обращении страны. И в зависимости от удельного веса расчетов контрагентами рыночных отношений в тех или иных формах денежных средств в различных регионах страны и отражая национальной экономики эта изначально установленная пропорция впоследствии должна будет поддерживаться сообразно изменяющимся

условиям. Принципиальным же положением здесь должно быть то, что основой дополнительного производства цифровых рублей должна выступать фактическая величина созданного национального валового дохода. А вопрос о том, каково должно быть соотношение между объемом производства наличных денежных средств и цифровых рублей, повторим, может быть решен эмпирическим путем. Главное, чтобы ЦБ не позиционировал эти вновь произведенные наличные денежные средства и цифровые рубли как свою собственность, которую он якобы сам создал и потому может пускать в оборот на коммерческой основе. Так не должно быть. ЦБ должен пускать в обращение вновь созданные цифровые рубли также на компенсационной основе, т.е. путем конвертации части безналичных средств коммерческих банков на эти рубли.

И здесь возникает важная проблема. Дело в том, что ЦБ заявляет, что на цифровые рубли не могут накладываться проценты, т.е. они не могут использоваться в коммерческих целях коммерческих банков. Вопрос о том, как разрешить эту проблему, имеет уже концептуальный характер, относящийся к устройству, а точнее сказать, к необходимости переустройства ныне существующей национальной банковской системы. Поскольку это отдельный большой и важный вопрос, постольку в настоящей статье мы ограничимся лишь его общей постановкой и рамочным рассмотрением.

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УСТРОЙСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Суть нашего взгляда на разрешение данного вопроса состоит в следующем. Устройство банковской системы в том виде, в котором оно существует в текущее время, было сформировано в период золото-стандартной денежной системы, в условиях которой качественной определенностью денег, повторим, выступало монетарное золото, депонированное в хранилище ЦБ; и потому он осуществлял эмиссионную функцию. В условиях же современной денежной системы качественная определенность денег теперь находится не в недрах ЦБ, а преимущественно в лоне национальной экономики и сфере семейных хозяйств.

Отсюда следует не только необходимость упразднения эмиссионной функции ЦБ и его преобразования в специальный государственный орган по монетарному регулированию рынка, но и создание системы государственных банковских предприятий, которые должны будут преследовать не свои коммерческие интересы, а обеспечивать условия для создания национального валового дохода участниками экономических отношений [14]. Такие государственные банковские предприятия могут спокойно конвертировать часть безналичных средств, находящихся на счетах их клиентов, на цифровые рубли, производимые специальным монетарным органом, созданным на основе ныне существующего института ЦБ. При этом сохранность средств вкладчиков банковских предприятий будет гарантирована на 100%.

Процент же по вкладам в таких предприятиях будет коррелироваться главным образом с уровнем инфляции. Такие банки, входящие в состав денежной системы страны, должны быть системой институтов развития рынка (страны)*.

Другая же часть банков, которые будут находиться (оставаться) в частной собственности и потому стремиться к получению собственной прибыли, должна будет составлять часть национальной экономики. Как таковые эти банки будут выступать финансовыми компаниями. Гарантии сохранности вкладов в таких учреждениях государство не должно брать на себя. Риски по сохранности вкладов в таких банках должны будут взять на себя сами вкладчики и распределять их с владельцами банков. Такие банки как коммерческие компании, входящие в состав национальной экономики одной из ее отраслей, будут свободно оперировать наличными и безналичными денежными средствами, а государственные банковские предприятия будут оперировать также цифровыми рублями, находящимися на счетах их клиентов. Процент по счетам, повторим, должен будет коррелироваться лишь с уровнем фактической инфляции. Более детальная аргументация такой трансформации ныне существующего устройства национальной банковской системы предполагает более глубокое рассмотрение сущности денег как таковых [15].

* В современных российских условиях таковым, как известно, выступает лишь ВЭБ.РФ.

ВЫВОДЫ

Появление цифровых денежных средств ставит перед экономической наукой и рыночной практикой вопросы, которые должны решаться не просто на основе внешней логики вещей или же раскрытия деталей технического порядка, а благодаря глубокому пониманию особенностей и аспектов сущности денег в современных условиях, действительной сути современной денежной системы,

в состав которой должна входить система государственных банковских предприятий. Такие предприятия должны будут в случае необходимости конвертировать часть имеющихся у них наличных или же безналичных средств на цифровые рубли и оперировать ими как банки развития в национальных интересах, т.е. в интересах создания национального валового дохода, укрепления налогооблагаемой базы государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Изд-во «Новости» при участии Изд-ва «Catallaxy»; 1991. 704 с.
2. Остальский А.В. Краткая история денег. СПб.: Амфора; 2015. 255 с.
3. Шаров А.Н. Эволюция денег при капитализме. М.: Финансы и статистика; 1990. 139 с.
4. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 1. М.: Республика; 1995. 400 с.
5. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Изд-во «Новости при участии изд-ва «Catallaxy»; 1992. 304 с.
6. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... 2-е изд. М.: Дело; 2002. 160 с.
7. Современные проблемы и перспективы развития финансовых рынков банков. Монография. Соколинская Н.Э., ред. М.: Кнорус; 2018. 242 с.
8. Банки, монетарное регулирование и финансовые рынки на пути к устойчивому росту экономики. Монография. Соколинская Н.Э., Шакер И.Е., Андрианова Л.Н., ред. М.: Русайнс; 2016. 438 с.
9. Саламова М.Т. Программы количественного смягчения в денежно-кредитной политике зарубежных стран. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021;78(8):152–161.
10. Виноградов А.А. Оценка влияния политики количественного смягчения на динамику курса EUR/USD в поведенческой модели равновесного курса. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(4):117–128.
11. Кропин Ю.А. Дискуссионные вопросы позиционирования современной денежной системы. *Сибирская финансовая школа*. 2021;144(4):64–68. DOI: 10.34020/1993–4386–2021–4–64–68
12. Кропин Ю.А. Проблемы экономического роста России в условиях современной единой государственной денежно-кредитной политики и использования ЦБ РФ ключевой ставки. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;(1):34–41.
13. Кропин Ю.А. Закон денежного обращения в исторической ретроспективе и в современных условиях. *Экономика. Налоги. Право*. 2015;(1):53–59.
14. Финансовые рынки в условиях цифровизации. Монография. Криничанский К.В.. М.: Русайнс; 2020. 372 с.
15. Кропин Ю.А. Основы теории денег (российская школа экономической мысли). Монография. М.: Русайнс; 2023. 172 с.

REFERENCES

1. Heine P. Economic way of thinking. Moscow: Novosti; 1991. 704 p. (In Russ.).
2. Ostalsky AV. Brief history of money. St. Petersburg: Amfora; 2015. 255 p. (In Russ.).
3. Sharov A.N. Evolution of money under capitalism. Moscow: Finance and Statistics; 1990. 139 p. (In Russ.).
4. McConnell C.R., Bruce S.L. Economics: principles, problems and politics. Vol. 1. Moscow: Respublika; 1995. 400 p. (In Russ.).
5. Hayek F. The fatal conceit: the errors of socialism. Moscow: Novosty, Catallaxy; 1992. 304 p. (In Russ.).
6. Friedman M. If money started talking. Moscow: Delo; 2002. 160 p. (In Russ.).
7. Modern problems and prospects of development of financial markets of banks. Monograph. Sokolinskaya N.E, ed, Moscow: Knorus; 2018. 242 p. (In Russ.).
8. Banks, monetary regulation and financial markets on the path to sustainable economic growth. Monograph. Sokolinskaya N.E., Shaker I.E., Andrianova L.N., eds. Moscow: Rusayns, 2016; 438 p. (In Russ.).

9. Salamova M. T. Quantitative easing programs in the monetary policy of foreign countries. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2021;(8):152–161. (In Russ.).
10. Vinogradov A. A. Assessment of the impact of quantitative easing policy on the dynamics of the EUR/USD exchange rate in the behavioral equilibrium exchange rate model. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2019;23(4):117–128. (In Russ.).
11. Kropin Yu. A. Debated issues of positioning the modern monetary system. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian Financial School*. 2021;4(144):64–68. (In Russ.). DOI: 10.34020/1993–4386–2021–4–64–68
12. Kropin Yu. A. Problems of economic growth in Russia under the conditions of modern unified state monetary policy and the use of the key rate of the Central Bank of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;(1):34–41. (In Russ.).
13. Kropin Yu. A. The law of currency circulation in historical retrospective and in modern conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2015;(1):53–59. (In Russ.).
14. Financial markets in the conditions of digitalization. Monograph. Krinichanski K. V., ed. Moscow: Rusayns; 2020. 372 p. (In Russ.).
15. Kropin Yu. A. Fundamentals of the theory of money (Russian school of economic thought). Moscow: Rusayns; 2023. 172 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Анатольевич Кропин — доктор экономических наук, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

Yuriy A. Kropin — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9478-9660>

YAKropin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.11.2023; принята к публикации 14.01.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.11.2023; accepted for publication 14.01.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-65-76
УДК 330.34(045)
JEL F02, F6, F63, D83

Возможности адаптации России к новым условиям глобального развития в период поликризиса мировой экономики

С.В. Щурина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – состояние мировой экономики, определяемое комплексом негативных тенденций, вызванных пандемией коронавируса; проведением специальной военной операции на Украине и связанным с ней энергетическим кризисом; военным конфликтом на Ближнем Востоке в секторе Газа; ростом инфляции; увеличением долгового бремени; последствиями изменения климата. *Цель работы* – определение возможностей России по адаптации к новым условиям глобального развития мировой экономики. Показано, что наступившее десятилетие будет уникальным по уровню неопределенности и турбулентности или «десятилетием поликризиса» из-за одновременного пересечения разных категорий рисков. Обосновано, что устойчивость российской экономики должна обеспечиваться регионализацией и переориентацией на другие мировые рынки вопреки санкционному давлению; участием России в формировании широкого евразийского партнерства на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества; освоением Северного морского пути, который сделает возможным обеспечение связи с логистическими узлами на юге Евразии. Определены глобальные риски мировой экономики по степени их значимости. Рассмотрен индекс цен на продовольствие, составленный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН. Обоснован способ уменьшения в России инвестиционного дисбаланса посредством более широкого применения стабилизационной оговорки.

Сделаны выводы о необходимости выстраивания государственной политики России в области международного сотрудничества без ценностно-политического давления на страны-партнеры.

Ключевые слова: глобализация; инклюзивная экономика; поликризис; инфляция; новый мировой порядок; стабилизационная оговорка

Для цитирования: Щурина С.В. Возможности адаптации России к новым условиям глобального развития в период поликризиса мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):65-76. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-65-76

ORIGINAL PAPER

The Possibilities of Russia's Adaptation to the New Conditions of Global Development During the Global Economic Crisis

S.V. Shchurina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the state of the global economy, determined by a set of negative trends caused by the coronavirus pandemic; the conduct of a special military operation in Ukraine and the related energy crisis; the military conflict in the Middle East in the Gaza Strip; rising inflation; an increase in the debt burden; the effects of climate change. *The purpose of the work* is to determine the possibilities of Russia to adapt to the new conditions of global development of the world economy. It is shown that the coming decade will be unique in terms of uncertainty and turbulence, or a “decade of polycrisis” due to the simultaneous intersection of different risk categories. It is proved that the stability of the Russian economy should be ensured by regionalization and reorientation to other world markets in spite of sanctions pressure; Russia's participation in the formation of a broad Eurasian partnership based on the principles of equal and mutually beneficial cooperation; the development of the Northern Sea Route, which will make it possible to ensure communication with logistics hubs in the south of Eurasia. The global risks of the world economy on the horizon of two and ten years have been identified according to their degree of importance. The food price index compiled by the Food and Agriculture Organization of the United Nations

© Щурина С.В., 2024

is considered. The method of reducing the investment imbalance in Russia through the wider application of the stabilization clause is substantiated.

Conclusions are drawn about the need to build Russia's state policy in the field of international cooperation without value-political pressure on partner countries.

Keywords: globalization; inclusive economy; political crisis; inflation; new world order; stabilization clause

For citation: Shchurina S.V. The possibilities of Russia's adaptation to the new conditions of global development during the global economic crisis. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):65-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-65-76

ВВЕДЕНИЕ

Мировую экономику ждут «самые медленные темпы роста за последние десятилетия, если не считать периода финансового кризиса 2007–2008 гг. и пика пандемии COVID-19»¹.

Основными потрясениями для большинства экономик мира за последние несколько лет стали пандемия коронавируса, рост инфляции, увеличение долгового бремени, последствия изменение климата.

Высокая инфляция в подавляющем большинстве экономик мира привела к снижению покупательной способности домохозяйств и увеличению производственных затрат для бизнеса. Ответом на инфляцию от регулирующих органов становится ужесточение денежно-кредитной политики, приводящее к повышению процентных ставок. В ситуации бюджетного дефицита и высокого государственного долга ограничиваются возможности правительств ведущих мировых экономик по оказанию дополнительной бюджетной поддержки собственной экономике.

Резкий рост процентных ставок центральных банков развитых экономик мира привел к оттоку капитала и обесцениванию национальной валюты в развивающихся странах, осложнив их доступ к импорту и повысив платежи по внешнему долгу.

По мнению экспертов ООН, ожидается дальнейший экономический спад в России, что негативно повлияет на другие страны региона². Согласно этим оценкам совокупный ВВП стран СНГ в 2023 г. должен был сократиться на 2,3%, а в 2024 г. — вырасти приблизительно до 2,3%. Отмечаются варьирующие значения экономической активности в регионе по причине перемещения бизнеса из Российской Федерации. На этом фоне высокий уровень товарных запасов у российских компаний позволил им продолжать производство, а политика Банка России обеспечила финансовую стабильность.

¹ Сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436972>.

² Сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436972>.

Китай демонстрирует стабильный рост экономики благодаря принятию мер «нулевой терпимости» к коронавирусу и снятию для этого ограничений, лояльной денежно-кредитной и бюджетной политики. Снижение ключевой ставки позволило ослабить кредитные ограничения в китайской экономике, обеспечив ее рост на 4,8% в 2023 г.

Торможение глобальной экономики отрицательно влияет на продвижение Целей устойчивого развития ООН (далее — ЦУР) — набора из 17 взаимосвязанных целей, разработанных в 2015 г. в качестве плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех. Эти цели были названы в резолюции Генассамблеи «Повесткой дня на период до 2030 года»³. В этой связи Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил, что «наступившие беспрецедентные времена требуют принятия беспрецедентных мер. Эти меры включают революционный пакет стимулов для достижения ЦУР, созданный благодаря коллективным и согласованным усилиям всех заинтересованных сторон»⁴.

Эксперты ООН предлагают странам найти правильное соотношение между поддержкой производства и торможением инфляции. Банкам-регуляторам надлежит осуществлять координацию денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики для предотвращения наступления глубокого экономического спада. В этой связи серьезной экономической ошибкой может стать чрезмерное ужесточение денежно-кредитной политики. Необходимо также предотвратить большую экономию бюджета, невзирая на бюджетный дефицит и высокий государственный долг в большинстве стран, поскольку жесткие бюджетные ограничения могут приводить к замедлению экономического роста и восстановления экономики.

³ United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017, Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/RES/71/313).

⁴ Сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436972>.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главными глобальными рисками ближайших лет должны стать кризис стоимости жизни, природные катаклизмы и геэкономическая конфронтация. Сочетание так называемых новых и старых рисков характеризует новое кризисное десятилетие 2023–2033 гг.

Всемирный экономический форум в Давосе, прошедший с 16 по 20 января 2023 г., состоялся под девизом: «Сотрудничество в условиях раздробленного мира». В представленном на нем Докладе о глобальных рисках предложен новый термин «поликризис», под которым надо понимать ситуацию, при которой различные риски пересекаются и их взаимозависимость ощущается очень сильно⁵.

Это десятилетие становится уникальным по уровню неопределенности и турбулентности или десятилетием поликризиса благодаря объединению в одном временном интервале разных категорий рисков. Мир ожидает возвращения старых рисков: инфляции; кризиса стоимости жизни; торговых войн; геополитической конфронтации; широкомасштабных социальных волнений; угроз ядерной войны, с которыми современные политические лидеры и руководители корпораций еще не сталкивались. К новым рискам можно отнести высокий уровень государственного долга; низкий рост экономики; маленькие инвестиции; деглобализацию; остановку в развитии человеческого потенциала, следующую за несколькими десятками лет прогресса; стремительный и ничем не сдерживаемый рост технологий двойного назначения; нарастающие последствия изменения климата при ограниченных возможностях их нивелирования.

Большая часть описанных рисков в настоящее время реализуется на практике, ведя мировую экономику к экономической и технологической фрагментации. В то же время геополитическая фрагментация мешает глобальному сотрудничеству, служащему защитой от глобальных рисков. По мнению управляющего директора Всемирного экономического форума Саадия Захиди, стремление государств «к национальной обороне стратегических секторов — от сельского хозяйства и финансов до фармацевтики — будет иметь свою цену, которую способны заплатить лишь немногие страны»⁶.

⁵ Сайт ЭКОНС. Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnyeriski-2023-2033>.

⁶ Там же.

На Всемирном экономическом форуме 2023 г. был представлен рейтинг 32 рисков, составленный на основе мнения экспертов в 2022 г. Эксперты включили в список два новых риска, характерных для современного состояния мировой экономики, — риск кризиса стоимости жизни и риск фейков и дезинформации. Составленные рейтинги рисков рассчитаны как на краткосрочный (два года), так и долгосрочный период (десять лет вплоть до 2033 г.). В экспертном опросе, состоявшемся на Всемирном экономическом форуме 2023 г. (далее — ВЭФ) в Давосе, приняли участие представители 121 страны. Россия в этом опросе не участвовала (табл. 1).

Рассмотрим основные глобальные риски мировой экономики на горизонте двух и десяти лет по степени их значимости (табл. 2).

Анализ современного состояния мировой экономики предполагает высокую волатильность в два ближайших года вследствие углубления кризисов, дестабилизирующих экономику и способных причинить вред всему обществу. Приблизительно половина представителей экспертного сообщества считает вероятным проявления постоянных кризисов, ведущих к катастрофическим последствиям на протяжении предстоящих десяти лет. В числе главных рисков 2023 г. первое место занимал риск кризиса стоимости жизни, подразумевавший риск энергетического кризиса; кризис снабжения продовольственными товарами; инфляцию.

Глобальный кризис, связанный с увеличением стоимости жизни, уже происходит. Рост стоимости предметов первой необходимости, в том числе продуктов питания и жилья, происходил до начала пандемии коронавируса. По причине сбоя поставок энерго-ресурсов и продовольственных товаров из России и Украины в 2022–2023 гг. произошел рост инфляции, и затраты домохозяйств выросли еще больше. В этой связи в 2022 г. 30 стран ввели ограничения на экспорт, чтобы удержать рост цен. Ограничения на экспорт продовольствия вызвали рост глобальной инфляции. Индекс цен на продовольствие ФАО⁷ остается на максимальных значениях с 1960-х гг.

Рассмотрим основные индексы цен ФАО на продовольствие (табл. 3).

⁷ ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН — Food and Agriculture Organization, FAO) — индекс продовольственных цен, который показывает ежемесячное движение международных цен корзины продовольственных товаров. Формируется на основе средних значений индексов цен на пять товарных групп, скорректированных с учетом средней доли каждой такой группы в объеме экспорта.

Таблица 1 / Table 1

Категории риска / Risk categories

№	Категория риска / Risk category	Виды рисков / Types of risks
1	Экономика / Economy	Долговой кризис; неспособность стабилизировать инфляцию; затяжной экономический спад
2	Окружающая среда / Environment	Стихийные бедствия и экстремальные погодные явления; неспособность ослабить изменение климата; происшествия с крупномасштабным экологическим ущербом; провал адаптации к изменению климата; кризис природных ресурсов; утрата биоразнообразия и коллапс экосистемы
3	Геополитика / Geopolitics	Геоэкономическая конфронтация; межгосударственный конфликт; неэффективность многосторонних институтов и международного сотрудничества
4	Общество / Society	Кризис стоимости жизни; социальная поляризация и разрушение социальной сплоченности; масштабная вынужденная миграция; фейки и дезинформация
5	Технологии / Technologies	Распространение киберпреступности

Источник / Source: составлено автором на основе / compiled by the author based on URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnye-riski-2023-2033>.

* Примечание / Note: последовательность расположения категорий рисков в таблице определена экспертами Всемирного экономического форума 2023 / The sequence of the risk categories in the table is determined by the experts of the World Economic Forum 2023.

Таблица 2 / Table 2

**Топ-15 глобальных рисков на горизонте двух и десяти лет /
Top 15 global risks on the horizon of two and ten years**

Место / Place	Краткосрочные риски (до 2025 г.) / Short-term risks (until 2025)	Долгосрочные риски (до 2033 г.) / Long-term risks (until 2033)
1	Кризис стоимости жизни	Неспособность ослабить изменение климата
2	Стихийные бедствия и экстремальные погодные явления	Провал адаптации к изменению климата
3	Геоэкономическая конфронтация	Стихийные бедствия и экстремальные погодные явления
4	Неспособность ослабить изменение климата	Утрата биоразнообразия и коллапс экосистемы
5	Социальная поляризация и разрушение социальной сплоченности	Масштабная вынужденная миграция
6	Происшествия с крупномасштабным экологическим ущербом	Кризис природных ресурсов
7	Провал адаптации к изменению климата	Социальная поляризация и разрушение социальной сплоченности
8	Распространение киберпреступности	Распространение киберпреступности
9	Кризис природных ресурсов	Геоэкономическая конфронтация
10	Масштабная вынужденная миграция	Происшествия с крупномасштабным экологическим ущербом
11	Долговой кризис	Фейки и дезинформация
12	Неспособность стабилизировать инфляцию	Неэффективность многосторонних институтов и международного сотрудничества
13	Затяжной экономический спад	Межгосударственный конфликт
14	Межгосударственный конфликт	Долговой кризис
15	Неэффективность многосторонних институтов и международного сотрудничества	Кризис стоимости жизни

Источник / Source: составлено автором на основе / compiled by the author based on URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnye-riski-2023-2033>.

Таблица 3 / Table 3

Индексы цен ФАО на продовольствие / FAO food price indices

Годы / Years	Индексы цен на продовольствие / Food price indices	Мясо / Meat	Молочные / Dairy products	Зерновые / Grain crops	Растительные масла / Vegetable oils	Сахар / Sugar
2005	67,4	71,8	77,2	60,8	64,4	61,2
2006	72,6	70,5	73,1	71,2	70,5	91,4
2007	94,3	76,9	122,4	100,9	107,3	62,4
2008	117,5	90,2	132,3	137,6	141,1	79,2
2009	91,7	81,2	91,4	97,2	94,4	112,2
2010	106,7	91,0	111,9	107,5	122,0	131,7
2011	131,9	105,3	129,9	142,2	156,5	160,9
2012	122,8	105,0	111,7	137,4	138,3	133,3
2013	120,1	106,2	140,9	129,1	119,5	109,5
2014	115,0	112,2	130,2	115,8	110,6	105,2
2015	93,0	96,7	87,1	95,9	89,9	83,2
2016	91,9	91,0	82,6	88,3	99,4	111,6
2017	98,0	97,7	108,0	91,0	101,9	99,1
2018	95,9	94,9	107,3	100,8	87,8	77,4
2019	95,1	100,0	102,8	96,6	83,2	78,6
2020	98,1	95,5	101,8	103,1	99,4	79,5
2021	125,7	107,7	119,1	131,2	164,9	109,3
2022	143,7	118,8	142,4	154,7	187,8	114,5
2023 Сентябрь / september	121,5	114,2	108,6	126,3	120,9	162,7

Источник / Source: сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru>.

Из табл. 3 следует, что в сентябре 2023 г. среднее значение индекса продовольственных цен ФАО (далее — ИПЦФ) существенно не изменилось по сравнению с августом и составило 121,5 пункта. Данные свидетельствуют о том, что рост индексов цен на сахар и зерновые был сглажен сокращением индексов цен на растительные масла, мясо и молочную продукцию. Такое значение индекса оказалось на 14,6 пункта ниже аналогичных значений прошлого года и на 38,3 пункта меньше его наиболее высокого значения в марте 2022 г.

Глобальные риски или «катастрофы завтрашнего дня»⁸ связаны с рисками окружающей среды. В этой связи становится актуальным риск масштабной вынужденной миграции по причине климатических изменений.

Экспертами ВЭФ сделана деструктивная оценка социальных рисков по следующим причинам: «серьезное ухудшение психического здоровья

⁸ Сайт ЭКОНС. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnye-riski-2023-2033>.

населения Земли», «разрушение или отсутствие общественной инфраструктуры и услуг в мире», «хронические заболевания и состояние здоровья граждан». Отмечено снижение актуальности экономических рисков в десятилетней перспективе, а именно: «продолжительный экономический спад», «неспособность стабилизировать инфляцию», «лопнувший пузырь активов»⁹. Имеет тенденцию к сокращению геополитический риск межгосударственных конфликтов. Одновременно с этим увеличивается риск распада государств.

Рассмотрим пять наиболее быстро растущих групп рисков, по мнению авторов доклада ВЭФ (табл. 4).

В период разветвления поликризиса в мировой экономике происходят бесконечные катаклизмы. В этой связи на ВЭФ выделены четыре принципа благополучного преодоления «эпохи поликризисов»¹⁰:

1) усиление идентификации рисков и прогнозирования;

2) перекалибровка текущей стоимости «будущих» рисков;

3) инвестирование в противодействие многолетним рискам;

4) укрепление сотрудничества и кооперация в реагировании на угрозы.

По мнению Клауса Шваба¹¹, «мир столкнулся со множеством вызовов одновременно и движется к усилению фрагментации и конфронтации»¹². Согласно его убеждениям катализаторами дезинтеграционных процессов стали «энергетический переход, последствия ковида и изменение формы цепочек поставок», поэтому важное значение приобретает «взаимное уважение и сотрудничество»¹³.

В мировой экономике происходит «глубокая трансформация», ведущая «к исчезновению значительной доли мирового населения». Основными экзистенциальными проблемами мировой экономики станут «изменение климата, возможные ядерные инциденты, крайняя нищета». К. Шваб предлагает разработать на основе сотрудничества «конструктивный подход»,

чтобы построить «более инклюзивный и устойчивый мир»¹⁴.

В новой модели капитализма концептуальной основой выступает «капитализм заинтересованных сторон» [2; 3]. Предлагается выстраивание системы отношений, в которой забота о людях и окружающей среде будут неотъемлемым условием экономического роста [2; 3]. В настоящее время возникает «новый мир» [4], а не «новая нормальность» [5]. Взаимозависимость экономик рассматривается как результат технического прогресса и глобализации и является определяющей чертой XXI в. [4], из чего можно сделать вывод о тяготении мировой экономики к фрагментации и регионализации.

Предлагается изменить взгляд на прогресс и дальнейший экономический рост, измеряемый в ВВП, вследствие того, что наращивание производства и потребления приводит к истощению природных и социальных ресурсов [5; 6]. Для этого необходимо обновить ВВП и сделать экономику инклюзивной¹⁵ для того, чтобы «отразить ценность, создаваемую в цифровой экономике, ценность, созданную за счет неоплачиваемого труда, а также ценность, потенциально уничтоженную в результате определенных видов экономической деятельности...» [5]. Признаками инклюзивной экономики являются участие, справедливость, рост, устойчивость и стабильность¹⁶. «Участие» означает возможности для всех людей быть включенными в экономику; «равенство» обеспечивает доступ для всех к общественным благам, услугам и инфраструктуре; «рост» предполагает замену показателя ВВП и других совокупных показателей иными индикаторами, характеризующими благополучие; «стабильность» предоставляет гарантии социальной направленности и обеспечивает предсказуемость решений властных структур; «устойчивость» предполагает учет долгосрочных издержек и выгод, в том числе концепции использования социального и человеческого капитала, а также природных ресурсов [7]. Таким образом, произойдет отказ от традиционной экономической системы, основой которой служило увеличение производства и потребления, и замена ее на «концепцию нулевого роста»¹⁷[2; 3; 8].

⁹ Там же.

¹⁰ Сайт ЭКОНС Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnyeriski-2023-2033>.

¹¹ Шваб Клаус — немецкий экономист, профессор, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе.

¹² Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16818365>.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Под инклюзивной экономикой понимается экономика, построенная с учетом созидательных особенностей каждого работника как личности.

¹⁶ Сайт Фонда Рокфеллера. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/>.

¹⁷ Концепция нулевого роста (Zero-growth theory), выдвигнутая в 1960–1970 гг. экономистами и социологами, вхо-

Таблица 4 / Table 4

**Пять быстро растущих глобальных рисков мировой экономики /
Five fast-growing global risks of the global economy**

№	Риск / Risk	Характеристика / Characteristic
1	Природные экосистемы / Natural ecosystems	Резкое сокращение биоразнообразия за всю историю человечества. В ближайшие десять лет потеря разнообразия, загрязнение окружающей среды Земли, изменение климата в сочетании с социально-экономическими факторами, нерациональное потребление природных ресурсов смогут создать опасную комбинацию. Следствием этого будет рост заболеваний, передающихся от животных человеку (зоонозы), дефицит питьевой воды и снижение урожайности, усиление природных катаклизмов
2	Здоровье человека / Human health	Расширение источников болезней в сочетании с ростом тяжести заболеваний. Как результат – рост инвалидности, а не смертности. Перераспределение госрасходов в сторону национальной обороны уменьшит качественные значения медицинской помощи и ее доступности, включая благополучные страны. Геополитическая конфронтация сократит совместную работу над медицинскими препаратами и научный обмен. Нужны инвестиции в устойчивость системы здравоохранения [1]
3	Безопасность людей / Human safety	Тенденция милитаризации и риск конфликта в более разрушительном масштабе в сравнении с прошлым десятилетием. Глобальная гонка вооружений. Вместо стратегии сдерживания оружия – стратегия разрушительных точечных атак и расширенных конфликтов. Рост многодоменных конфликтов, т.е. конфликтов во многих областях, с противостоянием на суше, море, воздухе, а также в космическом и киберпространстве. Стирание границ между гражданской и военной сферами, что подвергнет угрозам жизни гражданское население в сферах водоснабжения, энергетики, транспорта, финансовых системах и коммуникациях. Подрыв государственной «монополии на насилие» и повышение уязвимости государств от марионеточных и частных армий. Усиление влияния военных блоков, в которых страны-союзники повысят сотрудничество в инвестициях, инновациях, торговле и стандартах
4	Цифровые права / Digital rights	Усиление преследования и контроля за гражданами со стороны государственного и частного секторов, часто без надлежащей анонимности или согласия. Возможность для неправомерного использования «личной цифровой информации»
5	Экономическая стабильность / Economic stability	Быстрая повсеместная нормализация денежно-кредитной политики, укрепление доллара США. Вероятность долговых кризисов. Повышенный риск дефолта характерен для Аргентины, Египта, Ганы, Кении, Туниса, Пакистана, Турции. У стран с развитой экономикой больше возможностей для инвестиций в собственное экономическое развитие, вследствие чего разрыв между ними и развивающимися странами увеличится. Период низких темпов роста экономики вызовет у стран компромисс между безопасностью и финансированием социальных нужд и окружающей среды

Источник / Source: составлено автором на основании / compiled by the author based on URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/krizisnoe-desyatiletie-globalnye-riski-2023-2033>.

На глобальном уровне выдвигается идея трилеммы глобализации [5], означающая невозможность одновременного поддержания экономической глобализации, демократии и национального самоопределения. Поэтому предлагается оставить демократию и глобализацию, отказавшись от на-

дающими в Римский клуб, подразумевает необходимость отказа от расширенного воспроизводства для сохранения окружающей среды и достижения равновесия между обществом и природой. Римский клуб — это международная общественная организация, одной из главных задач которой является привлечение внимания мировой общественности к глобальным проблемам посредством своих докладов.

циональных государств как формы организации политической власти, функции которых будут выполнять транснациональные корпорации и мировое правительство. Дэни Родрик¹⁸ утверждает: «Если мы хотим сохранять и укреплять демократию, нам придется делать выбор между национальным государством и международной экономической интеграцией. Если нам нужна более глубокая глобализация, следует отказаться от национального

¹⁸ Родрик Дэни — турецкий экономист, профессор Правительственной школы Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете, специалист по экономике развивающихся стран и институциональным реформам.

государства или демократической политики, а если приоритет — национальное государство, то нужно выбирать между углублением демократии и «глобализации» [9]. В то же время Фрэнсис Фукуяма¹⁹ придерживается правых экономических взглядов и обосновывает выгоду для всего общества демократического капитализма в целях прекращения войн и достижения благополучия [10].

Поскольку при рыночной экономике принимается много несправедливых решений, ее следует трансформировать в иную систему. В противовес концепции государственного капитализма (*shareholder capitalism*, *state capitalism*)²⁰ продвигается необходимость перехода экономической и социальной системы к капитализму акционерного капитала или капитализму участия (*stakeholder capitalism*)²¹, где главными управляющими центрами являются крупные корпорации [2; 3].

При государственном капитализме государство играет роль партнера для частного бизнеса, занимающегося распределением ресурсов, регулированием экономики и финансированием крупномасштабных проектов. Государственный капитализм развивается в Китае, Сингапуре, Вьетнаме и отчасти в России.

«Обе системы привели к огромному экономическому прогрессу за последние несколько десятилетий. Они оставили нам мир, более процветающим, чем когда-либо» [2; 3].

На современном этапе глобального развития предлагается сделать выбор в сторону «капитализма участия», который не предполагает частной собственности и способен реализовывать принципы инклюзивной экономики [2; 3].

ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Для экономики России 2023 г. стал поворотом к росту после успешного преодоления «санкционного шока». Возможности перехода от посткризисной стабилизации к стагнации или росту определяются тем, как «развяжутся узлы напряженности» в российской экономике. К этим узлам относятся дисбаланс во

¹⁹ Фукуяма Ёсихиро Фрэнсис — американский философ, политолог и экономист японского происхождения, выпускник Гарвардского университета, приверженец учения Карла Маркса.

²⁰ Shareholder capitalism, «state capitalism» в переводе на русский язык означают государственный капитализм.

²¹ Stakeholder capitalism — капитализм акционерного капитала или капитализм участия, капитализм заинтересованных сторон.

внешней торговле и инвестициях, дефицит бюджета, инфляция. В этой связи говорить в полной мере об устойчивом выходе на траекторию роста пока рано.

Признаки улучшения макроэкономической ситуации в России наблюдаются практически во всех направлениях экономической активности. По оценкам экспертов ЦМАКП²², экономический рост российской экономики обеспечивается строительством, учитывая необходимость восстановления разрушенной инфраструктуры Донбасса, увеличения оборонного заказа со стороны государства и финансирования за счет бюджета потребления малообеспеченных категорий граждан. Однако возможности этих факторов исчерпаны, и ситуацию в современной российской экономике можно определить как неустойчивое равновесие. Таким образом, устойчивость нынешнего состояния экономики является балансирующей между развитием и стагнацией.

Дестабилизация системы внешнеэкономических связей России в 2022 г. стала причиной сжатия импорта и экспорта. В начале этого процесса импорт сокращался быстрее экспорта, а в 2023 г. ситуация изменилась в обратную сторону, когда экспорт продолжал ускоренно снижаться, а импорт увеличиваться.

Ускоренно набирает обороты импорт готовых потребительских товаров по сравнению с инвестиционными продуктами, к которым относятся машины, оборудование, электронные компоненты для ряда отраслей промышленности. Директор института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.А. Широв считает, что «происходит нормализация торгового и платежного баланса», при которой сложилась «уникальная ситуация», когда импорт является не сдерживающим, а поддерживающим экономику фактором. По его мнению, «импорт поддерживает и потребительский спрос, и производство, где используются импортные комплектующие, и в меньшей степени — инвестиционный спрос»²³. Скорое восстановление импорта при поддержке производителей из дружественных стран, таких как Белоруссия, Китай, Индия, Иран, несет риск для отечественных компаний не получить свободной ниши для отечественного производства. Нормализация торгового баланса может спровоцировать риск ослабления рубля²⁴.

²² ЦМАКП — Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, город Москва.

²³ Сайт Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/490535-oesr-predskazala-zamedlenie-rosta-mirovoj-ekonomiki-v-2023-godu>.

²⁴ Там же.

В 2022 г. в российской экономике сложился инвестиционный дисбаланс: ВВП сократился на 2,1%, а инвестиции в основной капитал выросли на 4,6%, что можно назвать инвестиционным парадоксом²⁵.

Инвестиционный процесс поддерживался строительной отраслью: льготная ипотека стимулировала спрос на новые квартиры; новые направления внешней торговли способствовали развитию транспортно-логистических маршрутов; возводилась военная инфраструктура. На этом фоне стагнировал инвестиционный импорт в машины и оборудование, который крайне необходим отечественной экономике в ситуации импортозамещения. Однако весной 2023 г. импорт оборудования начал восстанавливаться, о чем свидетельствовал перезапуск российского автопрома и закупки строительной техники из Китая и ряда других стран.

Эксперты отмечали, что рост инвестиций в основной капитал мог вырасти по итогам 2023 г. и в ближайшие несколько лет при условии, что иностранных партнеров не запугают вторичными санкциями²⁶.

Стимулировать российские компании к инвестициям в оборудование могут проекты по защите и поощрению капиталовложений (далее — СЗПК). Механизм СЗПК предоставляет гарантии неизменности условий реализации инвестиционных проектов, возмещения затрат на строительство обеспечивающей и сопутствующей инфраструктуры, уплаты процентов по кредитам и займам. Согласно ст. 9 Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» стабилизационная оговорка гарантирует неизменность налогового законодательства, таможенного регулирования, условий землепользования, а также градостроительной деятельности (табл. 5).

За последние несколько лет произошло наращивание государственных инвестиций в инфраструктуру, вызвавшее рост количества и объемов сделок с финансированием на основе государственно-частного партнерства (далее — ГЧП), а проектное финансирование показало устойчивость к рыночным изменениям. В то же время основной проблемой для рынка проектного финансирования стал повышенный риск роста стоимости уже запущенных проектов: у объектов, запланированных к введению в эксплуатацию к концу 2025 г., в 50% случаев возможен риск превышения пла-

новых капитальных затрат, а фактические расходы на строительство могут превзойти плановые значения на 20–40%²⁷. Для рефинансирования качественных проектов с высоким кредитным рейтингом необходимо диверсифицировать источники финансирования проектов с использованием «длинных» денег. Источником долгосрочных инвестиций могут стать сбережения населения, размещенные на банковских депозитах на длительный срок. Для этого необходимо развивать рынок проектных облигаций. В этой связи Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. поручил Правительству РФ стимулировать новые источники финансирования инвестиций за счет долгосрочных сбережений граждан на основе дополнительных гарантий подобных вложений²⁸. Облигации проектного финансирования, размещаемые особыми формами SPV-компаний²⁹ (эмитентами с ограниченным риском банкротства), — специальными финансовыми обществами (СФО) и специальными обществами проектного финансирования (СОПФ) с высоким уровнем кредитного рейтинга, должны стать надежным инструментом для инвестиций физических лиц и решить проблему их низкой ликвидности.

Важность расширения форм привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты подтверждается данными по росту сделок ГЧП (табл. 6).

Федеральный бюджет на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. рассчитан с дефицитом в 2,9 трлн руб. по причине высокой нагрузки³⁰.

Дефицит бюджета обусловлен сокращением нефтяных цен марки *Urals* и экспортом природного газа, возмещением НДС и переплат по налогу на прибыль организаций со стороны Правительства РФ в ускоренном порядке. Принятый бюджетный дефицит не является большим и может достигать 5–6 трлн руб. в случае необходимости, поскольку Правительство РФ обладает необходимыми механизмами и резервами и может наращивать внутренний госдолг.

Имеющееся значение внутреннего госдолга составляет 20% ВВП при допустимом значении 40%

²⁷ Сайт АКРА. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2723>.

²⁸ Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

²⁹ SPV-компания — организация специального назначения или проектная организация, созданная для реализации определенного проекта или для определенной цели.

³⁰ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов».

²⁵ Там же.

²⁶ Сайт Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/490535-oesr-predskazala-zamedlenie-rosta-mirovoj-ekonomiki-v-2023-godu>.

Таблица 5 / Table 5

Сущность стабилизационной оговорки / The essence of the stabilization clause

Максимальный срок стабилизационной оговорки, лет / The maximum term of the stabilization clause, years	Объем капитальных вложений, в руб. / The volume of capital investments, in rubles	Разрешенные отрасли / Permitted industries
6	До 10 млрд	Все, за исключением сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности, образования и здравоохранения
10	До 10 млрд	В сфере сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности, образования и здравоохранения
15	От 10 до 15 млрд	Иные сферы экономики
20	Не менее 15 млрд	Иные сферы экономики

Источник / Source: сайт Минэкономразвития России. URL: <https://invest.economy.gov.ru/soglashenie-o-zashchite-i-pooshchrenii-kapitalovlozhenij>.

ВВП. Задачей Правительства РФ является обеспечение эффективности использования имеющихся ограниченных ресурсов.

К причинам роста инфляции в российской экономике можно отнести увеличение бюджетных расходов; дефицит на рынке труда, мотивирующий работодателей повышать зарплату быстрее роста производительности труда; ослабление курса национальной валюты. Банк России повысил прогноз инфляции в России в 2023 г. до 7,5%; в 2024 г. инфляция может составить от 4–4,5%, а в 2025–2026 гг. — 4%³¹. В 2024 г. средняя ключевая ставка прогнозируется ЦБ РФ на уровне 12,5–14,5%³². Повышение ключевой ставки в конце 2023 г. Банк России объяснил значительным усилением инфляционного давления.

Согласно замыслу бывших западных партнеров в условиях глобального рынка экономика России должна была быть подавлена санкциями, тогда как она продемонстрировала устойчивость. Гибкость российской экономики позволила ей адаптироваться под санкционный режим по причине регионализации и переориентирования на другие рынки.

На III Международном форуме в Китае в октябре 2023 г. выдвинута инициатива председателя КНР Си Цзиньпина: «Один пояс — один путь», «нацеленная на формирование более справедливого многополярного

мира»³³. Россия выступает за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество стран «при уважении цивилизационного многообразия и права каждого государства на собственную модель развития»³⁴, а также за формирование широкого евразийского партнерства, в котором будут объединены инициатива «Один пояс — один путь», Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС), Евразийский экономический союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Россия, имеющая самую большую в мире территорию, прилагает усилия по созданию взаимосвязанной инфраструктуры. Будут реализованы проекты по созданию коридора «Север–Юг», который свяжет российские порты на Балтике и в Арктике с портами на побережье Персидского залива и Индийского океана. Другой маршрут с севера на юг протянется через Сибирь в результате модернизации центрального участка Транссиба. Станут прокладываться маршруты по железной дороге из Центральной Сибири в направлении Китая, Монголии, портов Индийского и Тихого океанов. Запланирован коридор от Арктики на юг через железнодорожную ветку от БАМа в Якутию, мосты через реки Лена и Амур. Реализуется модернизация автомобильных трасс, создаются глубоководные терминалы на восточном участке Северного морского пути. В результате Северный морской путь будет соединен с ключевыми логистическими узлами на юге Евразии.

³¹ Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=27102023_133000key.htm#:~:text=%.

³² Там же.

³³ Сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/19/1001383-putin-provel-peregovori-s-si-tszinpinom>.

³⁴ Там же.

Таблица 6 / Table 6

Объем и количество сделок ГЧП с 2018 по 2022 г. / Volume and number of Public-private Partnership transactions from 2018 to 2022

Показатель / Indicator	Годы / Years				
	2018	2019	2020	2021	2022
Количество заключенных контрактов	486	340	267	276	336
– из них концессионное соглашение	377	270	246	258	323
– из них соглашение о государственно-частном партнерстве (далее – СГЧП), либо соглашение о муниципально-частном партнерстве (далее – СМЧП)	4	21	6	9	7
– из них СГЧП (региональное законодательство)	2	–	–	–	–
Общий объем инвестиций (млрд руб.)	722	690	448	523	765
– из них частные инвестиции (млрд руб.)	666	526	309	429	486

Источник / Source: сайт АКРА. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2723>.

Россия приглашает заинтересованные страны к совместному освоению Северного морского пути, а потому готова обеспечивать проход судов через льды: «Уже со следующего года навигация для грузовых судов ледового класса на всем протяжении Северного морского пути станет круглогодичной»³⁵. Россия в 2024 г. будет председательствовать в БРИКС и в рамках этого объединения предложит создать комиссию по транспортно-логистике.

В Пекине рассчитывают на продвижение проекта по прокладке газопровода Россия – Монголия – Китай.

По итогам визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Китай в октябре 2023 г. анонсировано подписание плана взаимодействия России и Китая до

³⁵ Сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/19/1001383-putin-provel-peregovori-si-tszinpinom>.

2030 г. на предстоящей встрече в Бишкеке председателями правительств двух стран М.В. Мишустиним и Ли Цян.

ВЫВОДЫ

Главными глобальными рисками ближайших лет будут кризис стоимости жизни, природные катаклизмы и геэкономическая конфронтация. Замедлятся рост глобальной экономики на фоне высокой инфляции и уверенное увеличение экономики Китая. Будет обеспечиваться устойчивость российской экономики к санкциям благодаря регионализации и переориентации на другие рынки. В России будет создаваться взаимосвязанная инфраструктура, включая совместное освоение с другими странами Северного морского пути для соединения с ключевыми логистическими узлами на юге Евразии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Marsh McLennan Life support: a people prescription for resilient healthsystems. URL: <https://www.marshmclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2022/november/Life%20support%20-%20A%20people%20prescription%20for%20resilient%20health%20systems.pdf>.
2. Шваб Клаус, Ванхэм Питер Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Бомбора; 2022. 352 с.
3. Schwab K., Vanham P. Stakeholder capitalism: a global economy that works for progress, people and planet. Wiley; 2021. 304 p.
4. Klaus Schwab, Thierry Malleret. The great narrative: for a better future. 2022 World economic forum. Geneva, Switzerland; 2022.
5. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The great reset. Forum publishing; 2020. 280 p.
6. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: АД Маргинем; 2022. 544 с.

7. Тевелева Оксана The great reset Клауса Шваба и Тьерри Маллерета как новый манифест ультраглобалистов. *Цифровая экономика* 2021;13(1). DOI: 10.34706/DE-2021-01-09
8. Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов. *Философия и общество*. 1997;(6):204–221.
9. Родрик Д. Парадокс глобализации. Демократия и будущее мировой экономики. М.: Институт Гайдара; 2014. 576 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ. Серия: Philosophy; 2005. 592 с.

REFERENCES

1. Marsh McLennan Life support: a people prescription for resilient healthsystems. URL: <https://www.marshmclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2022/november/Life%20support%20-%20A%20people%20prescription%20for%20resilient%20health%20systems.pdf>.
2. Schwab Klaus, Vanham Peter. Stakeholder capitalism: a global economy that works for progress, people and planet. Moscow: Bombora; 2022. 352 p. (In Russ.).
3. Schwab K., Vanham P. Stakeholder capitalism: a global economy that works for progress, people and planet. Wiley; 2021. 304 p.
4. Klaus Schwab, Thierry Malleret. The great narrative: for a better future. 2022 World economic forum. Geneva, Switzerland; 2022.
5. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. Forum publishing; 2020. 280 p.
6. Sedlachek T. The economy of good and evil. In search of the meaning of economics from gilgamesh to wall street. Moscow: AD Marginem; 2022. 544 p. (In Russ.).
7. Teveleva Oksana The great reset by Klaus Schwab and Thierry Malleret as a new manifesto of ultra-globalists. *Tsifrovaya ekonomika = Digital economy* 2021;13(1). (In Russ.). DOI: 10.34706/DE-2021-01-09
8. Leibin V.M. Club of Rome: chronicle of reports. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 1997;(6):204–221. (In Russ.).
9. Rodrik D. The paradox of globalization. Democracy and the future of the world economy. Moscow: Gaidar Institute; 2014. 576 p. (In Russ.).
10. Fukuyama F. The end of history and the last man. Moscow: AST. Series: Philosophy; 2005. 592 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Светлана Валентиновна Шурина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

Svetlana V. Shchurina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6864-4281>

sv-valentinovna@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.11.2023; принята к публикации 20.01.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 06.11.2023; accepted for publication 20.01.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-77-88
УДК 336.64(045)
JEL G30, R32, P28, Q56

Финансовая эффективность зеленых проектов

В.Д. Смирнов^а, И.Д. Тюхменева^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Университет Падуи, Падуя, Италия

АННОТАЦИЯ

Парадигма устойчивого развития требует большого объема акционерного и долгового финансирования соответствующих проектов для достижения климатических целей. Однако требуемое финансирование не предоставляется в полном объеме вследствие повышенной неопределенности в экономике, а также неуверенности инвесторов и кредиторов в финансовой успешности зеленых проектов. Предполагается, что такая ситуация происходит из-за сложности оценки всех аспектов их реализации, потому что на многие из них влияют факторы поведенческой экономики, обычно выпадающие из поля зрения ученых и практиков при осуществлении традиционного финансового анализа. *Предмет исследования* — обеспечение финансовой эффективности проектов, направленных на уменьшение/устранение негативного влияния вредных экологических факторов на окружающую среду. *Цель работы* — определение факторов, оказывающих влияние на финансовую жизнеспособность зеленых проектов. В результате исследования выявлена взаимосвязь устойчивого развития и финансовых результатов деятельности компании. Определена важность экологического фактора, влияющего не только на себестоимость продукции, но и на предпочтения покупателей в выборе товара. Обоснованы препятствия системного характера, мешающие вовлечению банков в кредитование зеленых проектов. Установлено, что зеленые товары открывают для производителей новые перспективные сегменты рынка и расширяют круг покупателей, снижая тем самым себестоимость производства зеленых товаров и в свою очередь увеличивая платежеспособный спрос на них. В результате работы *сделаны выводы* о том, что для получения объективной картины по зеленому проекту необходимо учитывать стоимость углеродных выбросов или превышения установленных квот для них в себестоимости продукции, а также то, что все большее количество потребителей выражает готовность покупать экологически чистые товары и платить за них больше, чем стоят их обычные аналоги.

Ключевые слова: зеленый проект; финансовая эффективность; предпочтения потребителей; государственное регулирование

Для цитирования: Смирнов В.Д., Тюхменева И.Д. Финансовая эффективность зеленых проектов. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):77-88. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-77-88

ORIGINAL PAPER

Financial Efficiency of Green Projects

V.D. Smirnov^а, I.D. Tyukhmeneva^б

^а Financial University, Moscow, Russia;

^б University of Padua, Padua, Italy

ABSTRACT

The paradigm of sustainable development requires a large amount of equity and debt financing of relevant projects to achieve climate goals. However, the required financing is not provided in full due to increased uncertainty in the economy, as well as uncertainty among investors and creditors about the financial success of green projects. It is assumed that this situation is largely determined by the difficulty for project initiators to correctly assess all aspects of their implementation, because many of them are influenced by behavioral economics factors that usually fall out of the field of view of scientists and practitioners when performing traditional financial analysis. *The subject of the study* is to ensure the financial efficiency of projects aimed at reducing/eliminating the negative impact on the environment. *The purpose of the work* is to identify the factors influencing the financial viability of green projects. The relationship between sustainable development and the financial results of the company's activities has been revealed. The importance of the environmental factor affecting not only the cost of production, but also the preferences of customers in choosing a product is determined. The obstacles of a systemic nature preventing the involvement of banks in lending to green projects are substantiated. The financial aspects of solving the problem of ensuring the financial efficiency of green projects are investigated. It has been established that green goods open up new promising market segments for manufacturers and expand the circle of buyers, thereby reducing the cost of production of green goods and, in turn, increasing the effective demand for them. As a result of the work, *it was concluded* that in order to obtain an objective

© Смирнов В.Д., Тюхменева И.Д., 2024

picture of a green project, it is necessary to take into account the cost of carbon emissions or exceeding the established quotas for them in the cost of production, as well as the fact that an increasing number of consumers are willing to buy environmentally friendly goods and pay more for them than their conventional counterparts.

Keywords: green project; financial efficiency; consumer preferences; government regulation

For citation: Smirnov V.D., Tyukhmeneva I.D. Financial efficiency of green projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(1):77-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-77-88

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 г. ООН установила ориентиры по достижению целей устойчивого развития (далее — ЦУР) на период до 2030 г., указав, что они должны соответствовать требованиям настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности¹.

Для реализации целей устойчивого развития, в частности ЦУР 12², должен быть осуществлен переход к рациональным паттернам потребления и производства. Применительно к бизнесу экологические вызовы, а также проблемы, связанные с социальной ответственностью и корпоративным управлением, нашли свое отражение в разработанных ведущими мировыми кредитными организациями под эгидой ООН рекомендациях финансовой отрасли по учету ESG-факторов в кредитной и инвестиционной деятельности³, а затем — в шести принципах ответственного инвестирования ООН⁴.

Однако в 2023 г. ООН констатировала, что в этом направлении «задача не выполняется, хотя достигнут некоторый прогресс», отметив при этом, что финансирование борьбы с изменением климата имеет решающее значение для преодоления климатического кризиса, однако его объем пока не достиг уровня, необходимого для ограничения потепления Земли⁵.

Эти обстоятельства обусловили необходимость исследования причин, по которым частные предприятия и банки, понимая, безусловно, важность уменьшения негативного влияния на окружающую среду, не вкладывают достаточный объем средств в решение климатических проблем.

Научные исследования по теме финансирования экологических проектов в основном сосредоточиваются на установлении их полезности для общества и выгоды для инвесторов.

Между тем очевидно, что задача обеспечения получения прибыли остается первостепенной для коммерческих организаций при реализации проектов, влияющих на состояние окружающей среды, когда они подпадают под действие нередко достаточно жесткого комплекса мер, применяемых многими государствами для регламентации основных экономических процессов. В результате компании оказываются в ловушке: зеленый проект может быть финансово не эффективен в силу экономических обстоятельств (как, например, производство оборудования для ветрогенерации в ЕС в последние годы⁶), что ведет к убыткам, но отказ от него может стать причиной штрафов и публичного порицания, вследствие чего снижаются продажи и приносятся убытки.

В России законодательство пока не настолько строгое, как в ЕС, однако необходимость уменьшения углеродного следа осознается. В октябре 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил Правительству РФ обеспечить внесение в законодательство страны изменений, предусматривающих административную ответственность для компаний за деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду⁷, а прогноз социально-экономического развития РФ на 2024–2026 гг., разработанный Минэкономразвития России, предусматривает принятие мер по популяризации здорового образа

¹ The Sustainable Development Agenda. What is sustainable development? United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda>.

² Responsible consumption and production: why is it important? UN Sustainable Development Goals. SDG-12 “Responsible consumption and production”. URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_12_ResponsibleConsumptionProduction.pdf.

³ Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World. The Global Compact; 2004. 58 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf>.

⁴ What are the Principles for Responsible Investment? UN Principles for Responsible Investment, 2006 URL: <https://www.unpri.org/about-us/what-are-the-principles-for-responsible-investment>.

⁵ Sustainable Development Goals Report. UN, 2023, 80 p. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2023_Russian.pdf.

⁶ Europe’s wind industry flags further weakness in 2023 despite energy demand. Financial Times, January 29, 2023 URL: <https://www.ft.com/content/74ff8ff7-8009-413a-8f2e-2a3c34695d78>.

⁷ URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/72493>.

жизни⁸. Поэтому тема, сочетающая в себе решение проблемы уменьшения углеродного следа в экономике и обеспечение финансовой эффективности соответствующих проектов, безусловно, актуальна в современных реалиях.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ

Как свидетельствуют результаты опроса, проведенного консультационной компанией *Accenture* в сентябре 2022 г.⁹, лидеры крупных международных компаний воздерживаются, с одной стороны, от полной приверженности устойчивому развитию из-за предполагаемого компромисса между риском и получением прибыли посредством крупных инвестиций в неапробированные технологии, продукты и бизнес-модели, в отношении которых возникают неопределенности в связи с их сложностью и большой стоимостью реализации, реакцией потребителей на инновационный продукт, горизонтом окупаемости инвестиций. С другой стороны, в условиях активно внедряемых достижений технологической революции и существенного сокращения жизненного цикла продукта компаниям становится все труднее и дороже извлекать выгоду из «обычного» бизнеса, поскольку потребители все больше склоняются к покупке экологичных товаров, которые меньше загрязняют окружающую среду, а правительства ужесточают соответствующие требования, что делает производство «обычных» продуктов более дорогим и менее востребованным.

В этих обстоятельствах компании вынуждены занимать амбивекторную позицию, одновременно повышая эффективность текущего производства и внедряя инновации, что позволяет им постепенно двигаться в направлении устойчивого развития. Таким образом они пытаются выполнять стоящие перед ними задачи по обеспечению текущей финансовой эффективности и подготовке будущего в новых условиях.

Теоретической основой коллизии между обеспечением финансового результата и долговременным устойчивым развитием является наличие различия в подходах к определению стратегической цели управ-

ления коммерческой организацией в рыночной экономике.

Теория акционерного капитализма М. Фридмана (*M. Friedman*) [1] исходит из целесообразности и необходимости максимизации прибыли фирмы. Концепция заинтересованных сторон, разработанная Р.Э. Фриманом (*R.E. Freeman*) [2] и доработанная вместе с Дж. МакВеа (*J. McVea*) [3], предполагает, что центральным вопросом стратегии коммерческой организации является успех в достижении ею нескольких целей, обеспечивающий ее выживание в конкурентной борьбе, для чего ее руководство должно заручаться поддержкой лиц, которые могут влиять на принятие ею решений и понимают, как организация воздействует на других лиц. При этом взаимодействие заинтересованных сторон не должно основываться на единственной преобладающей цели управления организацией (максимизация богатства акционеров) при принятии всех решений.

Представляется, что противоречие между устойчивым развитием и созданием прибыли иллюзорно, так как прибыль может создаваться только посредством производства востребованного обществом продукта.

Соответственно, если потребители хотят продукт в параметрах устойчивого развития, производитель будет его делать, но не в ущерб получению прибыли. В противном случае производитель не выживет финансово, а потребители не получат того, что они хотели бы иметь. Более того, М. Фридман не говорил о получении прибыли как о краткосрочной цели, упоминание которой получило распространение в теоретической литературе в качестве аргумента, используемого для критики его теории, а указывал на то, что без прибыли коммерческая организация не может существовать, так как инвестирование в нее теряет смысл для собственников, которые делают это, чтобы заработать существенно больше денег по сравнению с альтернативными вариантами их вложений, а не терять их.

Следовательно, представляется невозможным зарабатывать деньги выпуском продукта, который не востребован обществом. А если общество готово потреблять такое количество продукта, которое компания может произвести, то в максимизации прибыли нет противоречия между удовлетворением интересов различных стейкхолдеров и долговременным устойчивым ростом, который надо обеспечивать финансово эффективными технологическими и продуктовыми инновациями и бизнес-моделями.

Как отмечает П. Полман (*P. Polman*), топ-менеджер *Unilever*, одной из самых успешных компаний в ми-

⁸ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407617736/#review>.

⁹ Accelerating sustainable transformation: Dispelling old myths to seize new value. Accenture in collaboration with the World Economic Forum, July 2023. 22 p.

ре, в предисловии к своей книге, «целью устойчивого развития является повышение прибыли за счет устойчивого развития, а не в обход его принципов, т.е. благодаря им, а не вопреки» [4].

Такой подход подтверждается руководителями 2500 крупнейших международных компаний из 22 отраслей глобальной экономики, которые заявили, что наиболее эффективные компании не идут на компромисс между обеспечением устойчивого развития, социальной ответственностью, действенным управлением и повышением акционерной стоимости; они достигают всех этих результатов одновременно¹⁰.

При рассмотрении финансовой существенности каждого ESG-фактора трудно не согласиться с Дж. Серафеимом (*G. Serafeim*) [5], который утверждает, что вклад в улучшение долгосрочных финансовых показателей зависит от того, насколько важен тот или иной фактор в создании стоимости компании.

В то же время следует отметить, что любая компания имеет дело с материальными активами, а следовательно, с углеродным следом, возникающим при их производстве, эксплуатации и утилизации.

Более того, в отличие от проблем социального характера и корпоративного управления, которые могут разрешаться в рамках национальных или корпоративных границ, загрязнение окружающей среды или неправильное использование природных ресурсов оказывает трансграничное воздействие.

Поэтому значение экологического фактора, влияющего не только на себестоимость продукции, но и на предпочтения покупателей, оказывается в большинстве отраслей и компаний преобладающим ESG-фактором в воздействии на финансовые результаты.

В связи с этим важно понимать, каким образом и насколько факторы устойчивого развития могут быть материально существенными для максимизации прибыли и увеличения на этой основе стоимости компании, производящей соответствующий продукт.

Университет Стерна провел исследование¹¹ отличий потребительских товаров на рынке США с характеристиками их производства в соответствии с принципами устойчивого развития (36 категорий товарных позиций в заводской упаковке, сертифицированных независимой третьей стороной как экологически чистые) от обычных продуктов таких же категорий. Результаты показывают, что маркированные товары увеличили

свою долю в общей товарной массе с 13,7% в 2015 г. до 17,3% в 2022 г., среднегодовые темпы роста продаж такой продукции с 2017 по 2022 г. составили 9,43% по сравнению с 4,98% обычных аналогов.

Подавляющее большинство товаров, демонстрирующих качества устойчивого развития, продаются с премией к обычным аналогам в диапазоне от 1 до 107%, в то время как брендовые товары устойчивого развития уверенно поддерживают положительную разницу в цене в среднем в размере 27,6% по сравнению с обычными аналогами.

При анализе изменения объема продаж из-за повышения цены на 1% выяснилось, что продажи продуктов устойчивого развития, особенно пищевых, наименее чувствительны к росту цены.

Эти данные показывают устойчивый и растущий спрос на экологичные товары, что предполагает финансовую эффективность их производства. Однако академические исследования по теме взаимосвязи устойчивого развития и финансовых результатов деятельности фирмы не всегда доказывают ее положительность. Согласно метаанализу, проведенному *Rockefeller Asset Management* в сотрудничестве с *NYU Stern Center for Sustainable Business*¹², в 58% из 1000 корпоративных исследований, опубликованных в период 2015–2020 гг., наблюдается положительная связь, 13% — нейтральная, 21% — смешанная, и 8% — отрицательная.

С. Ян и И. Жанг (*X. Yan, Y. Zhang*) [6] вообще не обнаружили такой взаимосвязи. По мнению О.В. Ефимовой, М.А. Волкова и Д.А. Королевой [7], большинство инвесторов не ожидают, что доходность ESG-стратегий превзойдет традиционные стратегии.

Вместе с тем С.-Б. Парк (*S.-B. Park*) доказывает [8], что приверженность компании принципам устойчивого развития оказывает влияние на финансовые результаты ее деятельности тогда, когда она придерживается стратегии дифференциации продукции или бизнес-модели на своем профильном рынке, а не лидирует в вопросе снижения себестоимости. Иными словами, принципиально важно побеждать в продуктовой, а не в ценовой конкуренции.

При более глубоком рассмотрении данной проблематики С. Амбек и П. Лануа (*S. Ambec, P. Lanoie*) [9] приходят к заключению, что распространенное мнение о том, что защита окружающей среды является дополнительным бременем для компаний,

¹⁰ The ESG data conundrum. IBM Institute for Business Value. Research Insights; 2023. 30 p.

¹¹ Sustainable Market Share Index. NYU Stern Center for Sustainable Business. NYU Stern, April 2023. 33 p.

¹² ESG and financial performance: Uncovering the Relationship by Aggregating Evidence from 1,000 Plus Studies Published between 2015–2020. Rockefeller Asset Management and NYU Stern Center for Sustainable Business. 2021. 19 p.

некорректно. Улучшение экологических показателей может приводить к увеличению доходов благодаря получению возможностей по выходу на новые рынки и созданию новых продуктов, повышению уровня управления рисками и отношений с внешними заинтересованными сторонами.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что производство зеленых продуктов вовсе не гарантирует успеха, хотя его достижение весьма вероятно.

РОЛЬ БАНКОВ В РЕШЕНИИ КЛИМАТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Общий объем ежегодного финансирования, требуемого для перехода к углеродной нейтральности, оценивается экспертами в среднем по всему миру в 9,2 трлн долл. США в период 2022–2050 гг.¹³, из которого ожидается, что коммерческие банки смогут предоставить от 2,0 трлн до 2,6 трлн долл. США, в то время как инвестиционные и частные венчурные фонды — от 950 до 1,5 трлн долл. США¹⁴. Очевидно, что наиболее рискованные проекты по внедрению инновационных технологий, созданию новых продуктов и переходу на нестандартные бизнес-модели финансируются собственниками компаний.

Банки пытаются принимать участие в развитии экологических производств, уменьшении углеродного следа и потребления природных ресурсов, однако они находятся в сложном положении и не могут одновременно отказываться от поддержки корпоративных заемщиков, занимающихся не самой экологичной деятельностью, отношения с которыми нередко выстраивались десятилетиями, поскольку это может обрушить их кредитные портфели, доходы по которым вносят основной вклад в получении банком прибыли.

Кроме того, независимые зеленые проекты несут слишком много неопределенностей и часто выходят за пределы установленного банками уровня приемлемого риска или, что более вероятно, кредитные организации оказываются не способными адекватно оценивать доходы и расходы таких проектов и достаточность генерируемых проектами средств для погашения потенциальных ссуд.

В академических исследованиях приводятся также другие препятствия системного характера на пути вовлечения банков в кредитование зеленых проектов.

¹³ The net-zero transition. What it would cost, what it could bring. McKinsey & Company. January 2022. 224 p.

¹⁴ Financing the net-zero transition: From planning to practice. Institute of International Finance in collaboration with McKinsey & Company. January 2023. 60 p.

Дж. Кестоне и Л. Уайт (*G. Cestone, L. White*) [10] отмечают, что доступ к заемным ресурсам у таких проектов ограничен, когда имеется слабая конкуренция на кредитных рынках. Н. Четорелли и П.Э. Страхан (*N. Cetorelli, P.E. Strahan*) [11] подтверждают, что высоко концентрированные банковские рынки увеличивают барьеры для входа на них новых кредитных организаций, которые более готовы к принятию экологических рисков. Дж. Корнаджиа, И. Мао, С. Тьян и И. Волф (*J. Cornaggia, Y. Mao, X. Tian, B. Wolfe*) [12] приходят к выводу, что усиление банковской конкуренции увеличивает финансирование частных инноваций, а также предотвращает поглощение частных фирм крупными государственными организациями. Х. Дегрис, Т. Рукни и Я. Тиленс (*H. Degryse, T. Roukny, J. Tielens*) [13] показывают, что банки принимают решения об ограничении предоставления ссуд инновационным фирмам, когда их проекты угрожают обесценить кредитный портфель традиционных проектов либо из-за снижения стоимости залога, либо из-за увеличения вероятности дефолта. Таким образом, банки откладывают на своем уровне переход к углеродно-нейтральной экономике, ограничивая вход фирм, использующих более энергоэффективные технологии, в отрасли, которые они активно кредитуют. В частности, эти авторы обосновывают ключевую роль структуры банковского рынка: с одной стороны, она может выступать в качестве основного фактора, препятствующего зеленым инновациям новых компаний, когда банки несут однородные риски, с другой стороны, она может увеличивать предложение кредита за счет всех кредитных организаций с появлением банков, свободных от кредитования компаний традиционных отраслей.

Вместе с тем разворот многих государств и потребителей к углеродной нейтральности заставляет компании менять свои инвестиционные стратегии, разрабатывать и внедрять инновационные решения по снижению углеродного следа и уменьшению использования природных ресурсов (в 2023 г. 27% стратегических инвестиций компаний в Западной Европе ориентированы на ESG, на Ближнем Востоке — 15%, в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 12%¹⁵), что оставляет банкам нишу для сохранения отношений с ними уже в рамках устойчивого развития и усиленной кредитной поддержки таких проектов, поскольку в этом случае кредиторы могут полагаться не только на проектную выручку, но и на доходы от традицион-

¹⁵ Scaling the ESG opportunity: Tactics for corporate banks navigating ESG finance. Finastra. April 2023. 8 p.

ной деятельности проверенного заемщика. При этом, учитывая ранее указанные риски такой деятельности клиентов, банки сокращают объемы ее кредитования, перенаправляя средства на улучшение экологических показателей компании.

А. Регецца, Е. Алтунбас, Д. Маркес-Ибанес, К. Родригес д'Акри и М. Спаджари (A. Reghezza, Y. Altunbas, D. Marques-Ibanez, C. Rodriguez d'Acric, M. Spaggiari) утверждают [14], что инициативы по предотвращению изменения климата и ожидание более жесткой экологической государственной политики выталкивают банки из чувствительных к климату секторов к более экологичному бизнесу.

Дж. Ф. Хьюстон и Х. Шан (J.F. Houston, H. Shan) выявили [15], что банки стали значительно чаще сотрудничать с заемщиками, имеющими высокие ESG-рейтинги, а М. Кацперчик и Ж.Л. Пейдро (M. Kasperczyk, J.-L. Peydro) отмечают [16], что банки, которые ставят условием предоставления кредита снижение углеродного следа заемщика, оказывают существенное влияние на сокращение выбросов углеродного газа.

ДИЛЕММА ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗЕЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Долговое финансирование устойчивого развития, которое также обозначается как ESG-финансирование, привязанное к климатическим и социальным показателям, а также к параметрам корпоративного управления, активно развивается в последние годы: в 2021 г. только ESG-кредитование составило 12% мирового банковского кредитования и треть всех выпусков долговых обязательств, привязанных к ESG-показателям [17]. Согласно данным информационно-аналитического агентства *Bloomberg* и банка *Standard Chartered*¹⁶ ESG-кредиты, которые также называются кредитами устойчивого развития (*sustainability-linked loans* или *SLL*), вызывают значительный интерес со стороны заемщиков и кредиторов с момента начала их предоставления на рынке в 2017 г. В 2021 г. их выпуск вырос на 244% по сравнению с предыдущим годом, в результате чего рынок *SLL*-кредитов достиг объема 747 млрд долл. США и стал вторым по величине классом активов после зеленых облигаций. При этом два из трех *SLL/ESG*-кредитов предоставляются на решение климатических проблем. Совокупные

¹⁶ Incentivizing Change With Sustainability-Linked Loans. Bloomberg, June 20, 2022. URL: <https://sponsored.bloomberg.com/article/scb/incentivizing-change-with-sustainability-linked-loans>.

данные по глобальному рынку долгового ESG-финансирования представлены в *таблице*.

Один *SLL/ESG*-кредит может быть направлен на выполнение нескольких целей устойчивого развития. Помимо решения социальных задач и вопросов корпоративного управления, обязательства заемщика в части защиты окружающей среды могут заключаться, например, в сокращении выбросов парниковых газов на 4% в год в течение срока финансирования или в повышении эффективности использования воды на 5%. Каждый год компании нужно будет демонстрировать кредиторам, как она справляется с этими задачами. Если заемщик не достигает указанных целей, процентная ставка повышается. Достижение или превышение этих целей приводит к понижению стоимости кредита. Это создает эффективный механизм вознаграждения и наказания.

При всей очевидной целесообразности для общества реализации экологических проектов компании и банки хотят уменьшать свои финансовые риски, что обуславливает их достаточно осторожное отношение к таким проектам. Это выражается, в частности, в том, что в отчетах об устойчивом развитии, которые стали для многих обязательными, они больше делают акцент на социальных вопросах и корпоративном управлении, нежели на проблемах воздействия на окружающую среду. Поскольку вся эта тематика входит в ESG-понятие, получается довольно разноплановая проблематика, граничащая, однако, с гринвошингом (*greenwashing*), цель которого — ввести потребителя в заблуждение относительно целей организации или производителя в обеспечении экологичности продукции или услуги.

Глобальный обзор этой проблематики в 2023 г. показал, что в то время как потребителей больше всего волнуют вопросы здоровья и безопасности при использовании товаров, их производители наиболее активно рапортуют, например, о доле женщин среди своего персонала, что, конечно, важно, но не связано с решением экологических проблем. Соответственно потребители все более скептически относятся к ESG-отчетности: в 2023 г. только 20% из них доверяли заявлениям компаний об экологической устойчивости по сравнению с 50% всего два года назад¹⁷.

Экономическая эффективность зеленых проектов во многом определяется степенью разработанности технологий, внедрение которых позволяет уменьшать

¹⁷ The ESG data conundrum. IBM Institute for Business Value. Research Insights; 2023. 30 p.

Таблица / Table

Глобальное долговое ESG финансирование / Global debt ESG financing

Тип долга / Type of debt	Цель / Goal	Размер рынка (млрд долл.) / Market Size (\$ billion)	Доля на рынке ESG-долга, % / ESG debt market share, %
Зеленые облигации / Green bonds	Климатические проекты	1802	44
ESG-кредиты / ESG loans	Проекты по достижению ESG целей	747	19
Зеленые кредиты / Green loans	Климатические проекты	606	15
ESG-облигации / ESG-bonds	Проекты по достижению ESG целей	466	12
Социальные облигации / Social bonds	Социальные проекты	407	10

Примечание / Note: / включены данные с 1996 по 2021 г. / data from 1996 to 2021 are included.

Источник / Source: Incentivizing Change With Sustainability-Linked Loans. Bloomberg, June 20, 2022 URL: <https://sponsored.bloomberg.com/article/scb/incentivizing-change-with-sustainability-linked-loans>.

загрязнение окружающей среды или обеспечивать экономное использование природных ресурсов.

Эксперты *McKinsey* выделяют¹⁸, например, несколько проектов, реализуемых в настоящее время, которые могут производить водород по цене от 6 до 8 долл. США за килограмм. Однако для того, чтобы использование водорода имело экономический смысл по сравнению с другими источниками энергии, его необходимо производить по цене примерно 3 долл. США за кг. Это означает, что лидерам отрасли необходимо фундаментально переосмыслить капитальные затраты для будущих проектов.

Представители стран группы G-20 в июле 2023 г. также единодушно отметили необходимость снижения стоимости климатических проектов и привлечения менее затратного финансирования для энергетического перехода¹⁹.

Указанные обстоятельства демонстрируют, насколько важна специальная экспертиза при анализе экономической эффективности экологических проектов, которой в большинстве случаев не хватает как инвесторам, так и кредиторам, что обуславливает, как отмечают М. Лумиоти и Дж. Серафеим (*M. Loumioti, G. Serafeim*) [18], включение требования проверки

соответствующих показателей авторитетным рейтинговым агентством или аудитором. При этом С. Ким, Н. Кумар, Й. Ли и Ю. О (*S. Kim, N. Kumar, J. Lee, J. Oh*) утверждают [19], что фондовые рынки положительно реагируют на публичные объявления о выпуске *SLL/ESG*-кредита только тогда, когда качество раскрытия ключевых показателей эффективности является высоким.

В Российской Федерации количество и суммы инвестиций в экологические проекты и объемы их долгового финансирования крайне незначительны по сравнению с обычными инвестициями и рынками облигаций и кредитов. В 2022 г. российский бизнес потратил на охрану окружающей среды 1,1 трлн руб. (+12,2% к году ранее), из которых 802,7 млрд руб. составили текущие эксплуатационные расходы на защиту воздуха, воды и земли от негативного промышленного воздействия, а также на капитальный ремонт основных фондов, а 306,9 млрд руб. пришлось на инвестиции в строительство и модернизацию природоохранной инфраструктуры²⁰.

Объем обращающихся *ESG*-облигационных долговых бумаг составил 385 млрд руб. (+27% к 2021 г.), а кредитов — 1,85 трлн руб. (рост в 4,5 раза главным образом за счет признания «устойчивыми» ранее выданных кредитов, а не предоставления новых зеленых ссуд).

¹⁸ Capital projects are critical for a green future. McKinsey. April 2023. 5 p.

¹⁹ G-20 Ministers Fail to Reach Consensus on Fossil Fuels, Russia. Bloomberg, July 22, 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-22/g20-ministers-fail-to-reach-consensus-on-fossil-fuels-russia>.

²⁰ Расходы бизнеса на экологию впервые превысили 1 трлн руб. Финэкспертиза, 07 августа 2023. URL: https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/rash-biz-na-ekolog/?sphrase_id=33612.

При этом в обзоре рейтингового агентства Эксперт РА подчеркивается, что одной из основных проблем является корректная оценка экологических и климатических рисков²¹, на что также указывают С.Н. Бобылев, П.А. Кирюшин и Н.Р. Кошкина [20], утверждая, что желанию инвесторов и кредиторов входить в такие проекты мешает неопределенность экологического регулирования и спроса на зеленые продукты, а также другие нефинансовые риски.

Таким образом, желание и готовность инициаторов климатических проектов и их кредиторов пойти на экологические риски во многом наталкиваются на неспособность корректного исследования технологических и экономических условий реализации проектов, чтобы убедиться, что их воплощение имеет солидное финансовое обоснование, в том числе с учетом экологических ограничений государства и приоритетов потребителей.

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗЕЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Климатическое регулирование в разных странах имеет различные целевые установки, инструментов и объектов, однако общим является последовательное его ужесточение. Более того, последствия такого регулирования имеют трансграничный характер. Если в какой-то стране регулирование слабое, поощряющее, например, добычу и использование полезных ископаемых, у местных компаний, потребляющих энергию и материалы, возникает достаточно крупный углеродный след при производстве своей продукции. При экспорте таких товаров, которые используются импортером как сырье или полуфабрикаты, в созданной в другой стране готовой продукции этот углеродный след остается и может оказывать негативное влияние при ее продаже на своем рынке или при поставке в страны, контролирующие уровень углеродной эмиссии по всей ее производственной цепочке.

В связи с этим очевидно, что неразвитое администрирование загрязнения окружающей среды в любой стране не позволяет игнорировать глобальные тенденции в этой области при разработке экономического обоснования проекта, если предполагается поставлять его продукцию за границу, в силу более жестких нор-

мативов по углеродному следу в странах импортеров, а также на внутреннем рынке экспортера.

В результате возникает настойчивая необходимость учитывать достаточно высокие ставки углеродного налога в затратной части бизнес-плана практически любого проекта, что увеличивает расчетную себестоимость готовой продукции и неизбежно заставляет производителя повышать расчетную цену ее продажи для обеспечения его окупаемости, что в свою очередь объективно сужает круг потенциальных покупателей, которые обладают соответствующей покупательной способностью.

Возникает коллизия между желанием общества создавать благоприятную среду для проживания людей путем улучшения экологической ситуации, способностями производителей создавать прибыльные производства зеленых продуктов и возможностями потребителей их приобретать. Более того, вводимые государствами меры для защиты окружающей среды могут существенно снижать количество необходимых благ, таких как энергия и тепло, например в странах, взявших жесткий курс только на возобновляемую энергию, которая дороже получаемой из полезных ископаемых, и ее генерация крайне неустойчива и зависит от погодных условий. Соответственно поднимаются цены на товары с энергетической компонентой, а производство отдельных товаров становится нерентабельным.

Эти обстоятельства увеличивают неуверенность международных инвесторов в экономической эффективности зеленых проектов в будущем, что нашло отражение в рейтинге их предпочтений в 2022 г.²² Наибольшей популярностью пользуются компании, обладающие устойчивым преимуществом перед ключевыми конкурентами, прогнозная прибыль которых превышает такой показатель у других производителей аналогичной продукции. К компаниям, соблюдающим отраслевые ESG-стандарты и берущим на себя обязательства в этой области, инвесторы также проявляют внимание. Тем более что успехи в ESG-области не компенсируют низкие рост и прибыльность в основной деятельности. Компании, которые опережали конкурентов только по ESG-показателям, но продемонстрировали слабый по сравнению со средним по рынку рост доходов и прибыли, отставали в 2017–2021 гг. от сопоставимых компаний на 5 п.п. по совокупной доходности инвестиций. Иными словами, следование принципам устойчивого развития не является пана-

²¹ Будущее рынка устойчивого финансирования: шок прошел — вернулись к росту. Эксперт РА, апрель 2023 26 с.

²² The investors that matter still want you to focus on the long term. McKinsey & Company, April 2022. 5 p.

цей: «оно не спасет отстающую компанию, избравшую ошибочную стратегию»²³.

Важным аспектом многих зеленых проектов, особенно капиталоемких, является то, что их финансовый эффект проявляется через гораздо более длительный период времени, нежели в обычных проектах, но именно это и создает основу успеха на длительную перспективу. Однако требуется доказательство взаимосвязи создания стоимости компании и стратегии устойчивого развития. Согласно утверждению Л. Лу и М. Тэйлор (*L. Lu, M. Taylor*) [21] соблюдение ESG-принципов в деятельности компании позволяет обеспечивать превосходство над конкурентами в долгосрочной перспективе в современных условиях.

Таким образом становится очевидной необходимость поиска путей создания экологически чистых товаров, которые позволяют добиваться устойчивого преимущества перед ключевыми конкурентами в продуктовой конкуренции и обеспечивать высокий финансовый результат. Одним из ключевых факторов успешности экологических проектов является, как правило, решение проблемы более высокой себестоимости производства зеленых продуктов по сравнению с изготовлением их обычных аналогов прежде всего по причине использования неапробированных промышленных технологий и не самых больших объемов производства. Соответственно эти обстоятельства способствуют увеличению цен на товары для потребителя, что, с одной стороны, ограничивает спрос на них (не каждый потребитель может себе их позволить), а с другой стороны, повышает их качество, что может привлекать покупателей, которые заинтересованы в приобретении продуктов, которые позволяют, например, сохранять здоровье и уменьшать расходы на лечение от потребления менее качественной продукции.

Таким образом, хотя первоначально спрос может быть ограниченным, потребители, которые покупают зеленые продукты, нацелены на получение долгосрочного эффекта от их потребления, а не на ценовой арбитраж. Потребители экологически чистых продуктов настроены таким образом на постоянное их приобретение, что создает базу лояльных покупателей.

Вряд ли можно утверждать, что такие продукты доступны только богатым людям. На самом деле, как показывают приведенные выше результаты исследования Университета Стерна, база покупателей, которые заинтересованы в приобретении зеленых продуктов

и готовы платить за них больше, чем за обычные аналоги, постоянно расширяется и переходит в массовые сегменты, а значит, имеется уверенность в увеличении продаж в будущем. Можно, наверное, утверждать, что такой подход начинает применяться в международном масштабе. Так, согласно проведенному холдингом «Ромир» в Российской Федерации опросу²⁴ в 2021 г. 43% опрошенных россиян выразили готовность платить больше за экологически чистые продукты, что на 9% больше, чем в 2019 г.

Соответственно увеличиваются масштабы производства, падает себестоимость таких продуктов, и производители могут позволять себе снижение цен. Исследование Университета Стерна показывает, что ценовая разница между экологичными и обычными товарами в период 2014–2022 гг. уменьшилась на 11,86 п.п., что делает их более доступными для более широкой покупательской аудитории, и, вероятно, может способствовать увеличению объема продаж и дальнейшему снижению цен благодаря уменьшению себестоимости при сохранении нормы прибыли, что существенно увеличивает массу прибыли и отдачу на капитал.

В результате возникают финансовые выгоды не только для производителей, но и для потребителей зеленых товаров, которые могут уменьшать расходы, связанные с поддержанием здорового образа жизни, что намного важнее в долгосрочном плане для обеих сторон.

Необходимо отметить, что экологичные продукты предпочитают не только розничные покупатели, но и промышленные потребители. Так, крупнейшая в мире логистическая компания *Maersk* начала эксплуатировать морские корабли, которые используют экологически чистое топливо. Хотя в краткосрочной перспективе эксплуатация таких кораблей будет более затратной из-за больших издержек, *Maersk* все же пошла на это, потому что транспортировка грузов без выбросов углекислого газа крайне востребована заказчиками²⁵. Соответственно компания обеспечивает себе долгосрочные контракты на перевозку и устойчивые доходы.

²⁴ Россияне рассказали о критериях качественных продуктов. Ромир. Аналитика. 31 марта 2021. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-rasskazali-o-kriteriyah-kachestvennyh-produktov>.

²⁵ Author Talks: How you can future-proof your business for sustainable, long-term growth. McKinsey & Company, September 19, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-on-books/author-talks-how-you-can-future-proof-your-business-for-sustainable-long-term-growth>.

²³ The triple play: Growth, profit, and sustainability. McKinsey & Company, August 2023. 7 p.

Таким образом, можно утверждать, что экологически чистые товары и услуги последовательно отнимают у их аналогов долю рынка вследствие растущего предпочтения потребителей. Начав с относительно небольшого объема их производства, можно постепенно его масштабировать, вследствие чего появляется возможность снижения себестоимости и цен на готовую продукцию и увеличения таким образом покупательской аудитории, и этот цикл будет повторяться.

Компании, которые являются первооткрывателями в производстве экологически чистой продукции посредством применения уникальных технологий, нередко становятся на некоторое время монополистами в своей области. При этом их наиболее эффективной стратегией является сначала продажа на рынке премиальных продуктов с большой маржинальностью, т.е. большой разницей между ценой готовой продукции и ее себестоимостью, а затем по мере расширения спроса осуществляется снижение цен на товары, создавая тем самым проблемы появляющимся конкурентам, но не уменьшая свою финансовую эффективность.

Использование зеленого сырья может иметь парадоксальный эффект: хотя оно может быть значительно дороже обычного сырья, лучшее качество производимого товара выводит производителя на новые перспективные сегменты потребителей. В связи с этим, как отмечает *Bain & Company*²⁶, у компаний, осуществляющих устойчивые закупки (*sustainable procurement*), рентабельность по EBITDA на 3 п.п. больше, чем у компаний, которые не уделяют особого внимания практикам устойчивого развития у своих поставщиков. Стоит отметить, что, отразив это изменение в отчете об устойчивом развитии, компания будет выглядеть более привлекательной для инвесторов.

Другим фактором, позитивно влияющим на снижение себестоимости, является повторное использование сырья и природных ресурсов при производстве товара с применением новых технологий. В результате существенно уменьшается использование энергии, материалов, эксплуатация оборудования становится более щадящей.

Компаниям также важно выявлять неэффективные производственные процессы с помощью, например, соответствующего программного обеспечения, которое позволяет отслеживать использование ресурсов, выбросы углерода и другие важные параметры.

²⁶ Do ESG Efforts Create Value? Bain, April 17, 2023. URL: <https://www.bain.com/insights/do-esg-efforts-create-value>.

Установка такого программного обеспечения влечет за собой дополнительные затраты, которые компенсируются снижением издержек от неэффективной работы оборудования.

Зеленое оборудование, как правило, дороже обычного, но оно часто дает увеличение производительности и уменьшение углеродного следа компании. Кроме того, зеленые технологические решения, вероятно, могут снижать затраты на утилизацию производственных отходов. Для потребителя экологичность товара может выразиться в более длительном сроке эксплуатации оборудования, что оберегает его от слишком частой замены, что позитивно сказывается на инвестиционном бюджете и денежном потоке.

Доведение ценности зеленых товаров до основной массы потребителей является одной из статей расходов для компаний-производителей. Вместе с тем знания об окружающей среде и забота о здоровье являются предпосылками устойчивого поведенческого намерения, в конечном счете приводящего к увеличивающемуся экологическому потреблению [22].

Объективный анализ финансовых аспектов экологических проектов приводит к заключению, что предпринимательский риск производителей зеленых продуктов вполне оправдан прежде всего стремлением потребителей приобретать такие товары и услуги. Первоначальные и операционные затраты на организацию их производства часто выше расходов на создание обычной продукции, однако по мере расширения покупательской аудитории производители могут масштабировать свои мощности, повышать производительность и снижать цены.

В результате внешне иррациональное поведение потребителей (покупают более дорогой товар или услугу) позволяет развивать финансово эффективные производства экологических товаров и обеспечивать их долгосрочное процветание.

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что производство экологически чистых продуктов и уменьшение углеродного следа в производстве обычных товаров могут быть финансово эффективными, если инвесторы и кредиторы прибегают при осуществлении экономического обоснования целесообразности соответствующего проекта не только к традиционным методам оценки кредитоспособности и стандартам окупаемости, но также к учету факторов поведенческой экономики, направленный на изучение поведения людей, процесса принятия решений, особенностей коллектив-

ного выбора с акцентом на границы рациональности и роль психологических факторов в этом процессе, в рамках которого нефинансовые аспекты являются преобладающими над ценовыми факторами. И дело не в том, что потребители слишком эмоциональны, а ровно наоборот: они считают финансово эффективным приобретение более дорогого зеленого продукта исходя из периода его эксплуатации и долгосрочных последствий для своего здоровья, а не только исходя из разницы в цене с аналогичным незеленым товаром в момент покупки. Кажущаяся иррациональность поведения потребителя оказывается на порядок более рациональной по сравнению с широко применяемой в маркетинге примитивной логикой «покупай, что дешевле».

Другим важным выводом является постепенное вытеснение обычных продуктов экологически более чистыми товарами как в результате изменения предпочтений потребителей, так и государственного регулирования. Эти факторы, с одной стороны, увели-

чивают спрос на зеленую продукцию и соответственно уменьшают спрос на обычную продукцию, а с другой стороны, создают ограничения административного и экономического характера для производственных компаний в выпуске продукции с существенным углеродным следом.

Указанные обстоятельства формируют каркас для разработки финансово эффективных зеленых проектов. Однако, так же как в любой предпринимательской практике, никто не гарантирует успеха инициаторам зеленых проектов, если сам продукт, каким бы зеленым он ни был, не будет востребован обществом в таком количестве и по такой цене, которые позволят его производителю генерировать прибыль. Зеленая экономика предоставляет возможности заработать, а реализация экологических проектов зависит от способностей компании корректно оценивать рынок и использовать указанный в статье инструментарий в дополнение к стандартным методам финансового анализа для определения их целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Friedman M. Capitalism and freedom. Chicago: University of Chicago Press; 1962. 202 p.
2. Freeman R.E. Strategic management a stakeholder approach. Boston: Pitman; 1984. 276 p.
3. Freeman R.E., McVea J. A Stakeholder approach to strategic management. URL: http://papers.ssrn.com/paper.taf?abstract_id=263511.
4. Полман П., Уинстон Э.С. Полный позитив. Формула выживания и процветания бизнеса в изменившемся мире. М.: Эксмо; 2023. 520 с.
Polman P., Winston A.S. Totally positive. The formula for business survival and prosperity in a changed world. Moscow: Eksmo; 2023 520 p. (In Russ.).
5. Serafeim G. Turning A. Profit while doing good aligning sustainability with corporate performance. center for effective public management at brookings. *Corporate Sustainability and Financial Performance*. December 2014. 17 p.
6. Yan X., Zhang Y. The effects of green innovation and environmental management on the environmental performance and value of a firm: an empirical study of energy-intensive listed companies in China. *Environmental Science and Pollution Research International*. 2021;28(27):35870–35879. DOI: 10.1007/s11356-021-12761-9
7. Ефимова О.В., Волков М.А., Королева Д.А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование. *Финансы: теория и практика*. 2021;25(4):82–97.
Efimova O.V., Volkov M.A., Koroleva D.A. Analyzing the impact of ESG principles on asset returns: An empirical study. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2021;25(4):82–97. (In Russ.).
8. Park S.-B. Bringing strategy back in: corporate sustainability and firm performance. *Journal of Cleaner Production*. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.136012
9. Ambec S., Lanoie P. Does it pay to be green? A systematic overview. *Academy of Management Perspectives*. 2008;22(4):45–62.
10. Cestone G., White L. Anticompetitive financial contracting: the design of financial claims. *Journal of Finance, American Finance Association*. 2003;58(5):2109–2141.
11. Cetorelli N., Strahan P.E. Finance as a barrier to entry: bank competition and industry structure in local U.S. markets. *Journal of Finance*. 2006;61(1):437–461.
12. Cornaggia J., Mao Y., Tian X., Wolfe B. Does banking competition affect innovation? *Journal of Financial Economics*. 2015;115(1):189–209.

13. Degryse H., Roukny T., Tielens J. Banking barriers to the green economy. Working Paper Research from National Bank of Belgium, No. 391, October 2020. 32 p.
14. Reghezza A., Altunbas Y., Marques-Ibanez D., Rodriguez d'Acri C., Spaggiari M. Do banks fuel climate change? *Journal of Financial Stability*. 2022;62:101049.
15. Houston J.F., Shan H. Corporate ESG profiles and banking relationships. *Review of Financial Studies, Society for Financial Studies*. 2022;35(7):3373–3417.
16. Касперczyk М.Т., Peydro J.-L. Carbon emissions and the bank-lending channel (August 18, 2022). 69 p. DOI: 10.2139/ssrn.3915486
17. Kim S., Kumar N., Lee J., Oh J. ESG lending. european corporate governance institute working paper series in finance. Working Paper N° 817/2022. March 2023. 66 p.
18. Loumiotis M., Serafeim G. The issuance and design of sustainability-linked loans. Harvard Business School. Working Paper 23–027; 2023. 73 p.
19. Kim S., Kumar N., Lee J., Oh J. ESG lending. european corporate governance institute working paper series in finance. Working Paper N° 817/2022. March 2023. 66 p.
20. Бобылев С.Н., Кирюшин П.А., Кошкина Н.Р. Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование. *Экономическое возрождение России*. 2021;67(1):152–166.
Bobylev S.N., Kiryushin P.A., Koshkina N.R. New priorities for the economy and green financing. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2021;67(1):152–166. (In Russ.).
21. Lu L., Taylor M. Which factors moderate the relationship between sustainability performance and financial performance? A Meta-Analysis Study. *Journal of international accounting research*. 2016;15:1–15.
22. Dimitrova T., Ilieva I., Angelova M. Exploring factors affecting sustainable consumption behaviour. *Administrative Sciences*. 2022;12(4):155. DOI: 10.3390/admsci12040155

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Дмитриевич Смирнов — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Vladimir D. Smirnov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1243-5349>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vdsmirnov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1243-5349>

Ирина Дмитриевна Тюхменева — выпускница бакалавриата Финансового университета, Москва, Россия, студентка магистратуры Университета Падуа, Падуа, Италия

Irina D. Tyukhmeneva — graduate of the Bachelor's degree of the Financial University, Moscow, Russia, graduate student of the University of Padua, Padua, Italy

<https://orcid.org/0009-0009-1942-4579>

iratyukhmeneva@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 11.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-89-97
УДК 332.024.2(045)
JEL R11

Социальные механизмы сглаживания субкультурных противоречий в мире глобальных трансформаций

Ю.Н. Шедько

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы заключается в установлении необходимости учета и использования возможностей субкультурной дифференциации при разработке и реализации стратегий устойчивого развития территорий и хозяйствующих субъектов.

Предмет исследования — социальные механизмы сглаживания субкультурных противоречий в условиях глокализации.

Цель работы — разработка эффективных мер стимулирования обеспечения устойчивого развития на основе исследования возможностей социальных механизмов сглаживания субкультурных противоречий субкультур.

В статье на основе институциональной логики исследованы взаимодействие субкультур и их влияние на реализацию стратегии устойчивого развития на региональном и муниципальном уровнях, а также в рамках организационной культуры предприятий.

Установлено, что недооценка формирования и развития субкультур может приводить к маргинализации территории, характеризующейся снижением квалификационных и демографических характеристик, а также к усилению социальных проблем. Предложены направления и способы гармонизации городского пространства. Показана роль субкультур в преобразованиях в организации, связанных с разработкой систем управления знаниями. Выявлено, что лучшее понимание движущих сил и ограничений управления организационными знаниями достигается путем более тщательного изучения уникальных социокультурных особенностей

Сделан вывод о том, что формирование и реализация политики устойчивого развития на макро- и микроуровне могут быть более успешными, если будут учитываться мнения представителей разных субкультур.

Ключевые слова: субкультуры; социальные механизмы; институты; организационная культура; устойчивое развитие; цифровизация; глобализация

Для цитирования: Шедько Ю.Н. Социальные механизмы сглаживания субкультурных противоречий в мире глобальных трансформаций. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):89-97. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-89-97

ORIGINAL PAPER

Social Mechanisms of Smoothing out Subcultural Contradictions in the World of Global Transformations

Yu.N. Shedko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the work is to identify the need to take into account and use the possibilities of subcultural differentiation in the development and implementation of strategies for sustainable development of territories and economic entities.

The subject of the study is the social mechanisms of smoothing subcultural contradictions in the context of glocalization.

The purpose of the work is to develop effective measures to stimulate sustainable development based on the study of the possibilities of social mechanisms for smoothing subcultural contradictions of subcultures.

Based on institutional logic, the article examines the interaction of subcultures and the impact of this interaction on the implementation of a sustainable development strategy at the regional and municipal levels, as well as within the organizational culture of enterprises.

It is established that underestimation of the formation and development of subcultures can lead to the marginalization of the territory, characterized by a decrease in qualification and demographic characteristics, as well as to an increase in social problems. The directions and ways of harmonization of urban space are

© Шедько Ю.Н., 2024

proposed. The role of subcultures in organizational transformations related to the development of knowledge management systems is shown. It is revealed that a better understanding of the driving forces and limitations of organizational knowledge management is achieved through a more thorough study of unique socio-cultural features.

It is concluded that the formation and implementation of a sustainable development policy at the macro and micro levels can be carried out more successfully if the development and implementation of projects that take into account the opinions of representatives of different subcultures are envisaged.

Keywords: subcultures; social mechanisms; institutions; organizational culture; sustainable development; digitalization; globalization

For citation: Shedko Yu. N. Social mechanisms of smoothing out subcultural contradictions in the world of global transformations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):89-97. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-89-97

ВВЕДЕНИЕ

Взаимозависимыми и движущими силами современности являются цифровизация и глобализация [1]. Цифровизация влечет разрушение устоявшихся определенностей индустриального общества. Современные социально-демографические тенденции снижают предсказуемость событий и способствуют повышению значимости познавательных процедур, заключающихся в обеспечении получения, хранения и воспроизведения информации и знаний [2].

На региональном уровне глобализация может проявляться в форме глокализации — сочетании глобальных социальных проблем и процессов и обстоятельств местного уровня, отличающихся от глобализации адаптацией продуктов и услуг к местным рынкам.

Глокализация характеризуется непосредственным включением в глобальные процессы локальных единиц, способствующих приобретению многими локальными процессами глобального статуса и сопровождающихся усилением влияния субкультур — ценностей в обществе, отличных от общепринятых норм.

Различные субкультуры региона влияют на реализацию стратегии устойчивого развития, формируя рациональное и осознанное (иррациональное и бессознательное) поведение акторов региона, наполняя их субкультурными ценностями, убеждениями и предположениями.

В свою очередь конфликтующие логики усиливают субкультурные характеристики региональных групп, формируя различное поведение акторов действия, что приводит в совокупности к усилению субкультурных различий, а в отдельных случаях — к высокой степени напряженности и конфликтам [3].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБКУЛЬТУР В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ И ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Под регионом в настоящей работе понимается территориальная целостная социо-эколого-экономическая система, обособленная в границах, установленных федеральным законодательством, включающая институциональную, хозяйственно-экономическую, природно-экологическую, социальную подсистемы. При этом устойчивое развитие региона определяется как его режимом функционирования, предусматривающим позитивную динамику параметров формирования, использования, развития и сбережения человеческого потенциала региона, обеспеченную сбалансированным и взаимно неразрушающим воспроизводством институциональной, хозяйственно-экономической, природно-экологической и социальной подсистем с учетом интересов настоящего и будущих поколений [4].

Социальный механизм является сложной системой регуляторов, действующей на всех уровнях общественных отношений, в которой определяющую роль играет государство.

Основное направление функционирования социального механизма образуют взаимные и скоординированные действия организационного, социокультурного, правового, социально-педагогического и экономического характера.

Данная целостная система внутренних взаимосвязанных элементов, обладающая интегральными свойствами, создает возможности для социализации индивидов в обществе, конструктивного понимания ими социальной реальности, освоения социальных ролей и норм, формирования ценностных ориентиров [5].

В социальном механизме важна роль социальной самоорганизации и саморегуляции индивидов и общества, в ходе которых на основе общих норм и ценностей принимаются решения, определяющие поведение и жизнь индивидов в целом.

Регуляторы, составляющие социальный механизм, подразделяются на локальные и глобальные. К группе глобальных регуляторов относятся институты идеологии, политики (экономической, научно-технической, кадровой), хозяйственного механизма, науки, культуры, образования и права. На уровне отдельных организаций действуют локальные регуляторы, выражающиеся в свойствах предприятий и их коллективов, особенностях инновационного климата на предприятии.

Локальные регуляторы позволяют понять, почему при одних и тех же условиях: культуре, политике, хозяйственном механизме и других социальных институтах — одни предприятия добиваются успеха в осуществлении нововведений, а другие нет. Данная группа регуляторов включает территориальные, организационные, производственно-экономические регуляторы и характеристики коллектива.

ОСОБЕННОСТИ СУБКУЛЬТУР

Субкультуры, возникающие в стабильных региональных подсистемах, отличаются от основной культуры этнической принадлежностью, родом занятий, досугом, возрастом акторов и другими определяющими чертами [6].

Из-за функциональных и других сущностных различий каждая субкультура развивает свои ценности, модели поведения, образцы, артефакты и практики, благодаря которым она обособляется от других субкультур, что делает ее отдельной частью общей организационной культуры региона, являющейся значимым управленческим ресурсом решения стратегических задач устойчивого развития [7].

Разнообразие субкультур, выражающееся в существенных контрастах в семейной жизни, отдыхе, работе и потреблении, предполагает наличие множества групп — от ориентированных на успех групп до субкультур, предпочитающих отдых и развлечения. Таким образом, разнообразие субкультур вызывается образом жизни людей — наборами привычек и предпочтений, включающих способы действия, приверженность к одежде, диетам и среде для встреч с другими людьми.

Одна из основных целей каждой субкультуры заключается в том, чтобы предоставить своим членам

идентичность, т.е. нечто такое, чем можно гордиться, которое отличает членов группы от внешних для группы акторов и создает связь между инсайдерами [8].

Члены субкультур одинаково интерпретируют существенную информацию, что может приводить к недопониманию и различиям в определении проблем и стратегий их решения различными субкультурами и соответственно к конфликтам при взаимодействии субкультур, в том числе по поводу того, как следует интерпретировать, принимать и применять практики и стандарты устойчивого развития. При этом субкультуры иногда стремятся быть или позиционироваться как находящиеся вне общества.

Субкультуры также характеризуются ситуациями, в которых культурные нормы и традиции не соответствуют жизненному опыту людей. При этом субкультурные группы могут быстро эволюционировать, когда социальные, экономические, культурные и демографические условия начинают изменяться.

Субкультуры склонны конструировать себя преимущественно на основе социального и материального опыта, а не культурного багажа, переданного традицией. Поэтому субкультуры развиваются более динамично, чем устоявшиеся культуры, и во многих отношениях представляют собой крайнюю грань культурных изменений.

Эти свойства предполагают, что субкультурные группы потенциально более чувствительны к специфическим качествам среды, в которой они живут, чем «мейнстримная культура». Поэтому желательно, чтобы эти группы не формировались бесконтрольно, а с участием органов власти в создании конструктивных субкультур и ограничении воспроизводства негативных субкультур, что требует соответствующей адаптации концептуальных инструментов управления.

Субкультурные группы могут использовать пространственные возможности и пространственное расположение, подходящее для этих групп, что часто невозможно в рамках ограничений обычного применения знаний. Причем жители и пространство взаимно влияют друг на друга.

Общественные пространства субкультур и неформальные культурные объекты характеризуются более высоким уровнем неопределенности, чем те, которые были созданы в результате планового территориального развития. Многие из этих пространств переместились в периферийные районы, исчезли или изменились, однако ожидания субкультур продолжают сохраняться и развиваться. При этом

отличия субкультурных групп от общества, если они становятся слишком большими, могут провоцировать негативную реакцию общества в ощущении удовлетворенности жизнью или в обеспечении социального доверия в гражданском обществе.

Напряженность в обществе часто возникает из-за ксенофобии — нетерпимости к чему-то чужому, незнакомому, непривычному — и различных подходов к работе, государственным пособиям и другим практикам образа жизни, например по отношению к женщинам.

В то же время недооценка степени формирования и развития субкультур может обуславливать маргинализацию территории, характеризующуюся снижением квалификационных и демографических характеристик, усилением социальных проблем, и способно приводить к кумулятивному эффекту, включающему порочные механизмы обратной связи с негативными последствиями для следующих поколений [9; 10].

УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

На маргинальных территориях, занимающих крайнюю периферию страны либо региона или внутренние по каким-то причинам относительно изолированные ареалы, «агенты сохранения влияния субкультур» среди различных сообществ могут использовать различные социальные механизмы (язык, избегание общества) для поддержания желательного для субкультуры образа жизни.

Предотвращение маргинализации и восстановление маргинальных городских территорий являются условиями обеспечения устойчивого социально-экономического развития городов (см. *таблицу*).

Успешные территории поддерживаются высокоприбыльными инновационными кластерами, образующими взаимовыгодную экосистему, устойчивую к экономическим кризисам, в то время как более маргинальные районы оказываются в ловушке низкой производительности и низких доходов. Их основная проблема заключается в том, что районы с низкой производительностью и низким доходом населения испытывают системные сбои. Попытки улучшить только один из аспектов местных показателей могут потерпеть неудачу, потому что другие неблагоприятные характеристики местности возвращают экосистему в маргинальное состояние.

УСТАНОВЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследования показывают, что институциональная координация, стратегический бенчмаркинг и комплаенс имеют важное значение для обеспечения качества и реализации эффективных мер по стимулированию местного развития и предотвращению маргинализации территории. При этом при ориентированности на комплексный подход целесообразно использовать устойчивые конкурентные преимущества территории, механизмы интеграции и конкуренции.

Кластеры взаимодополняющих институтов могут предоставлять или исключать возможности для изменений субкультур на основе задействования творческих и эмоциональных возможностей институциональных акторов, в частности посредством поощрения или ограничения определенных эмоциональных настроений субкультур. При этом институты не могут быть самодостаточными без агентов, которые их воспроизводят.

Однако институты не исчезают, как только образ мыслей и практика людей начинают расходиться с установленными нормами. С этой точки зрения институты и индивиды связаны «системой взаимодействия и взаимозависимости» [11].

Исследование возможностей системы публичного управления хозяйствующими субъектами от перехода к единой информационной системе государственного управления, базирующейся на цифровых технологиях, осуществлено в работе О.В. Паниной и др. [12].

Перспективы создания и применения искусственного интеллекта в деятельности государственных органов установлены в работе Г.М. Кадыровой [13].

В ходе четвертой промышленной революции в условиях глокализации значима роль органов власти, организаций гражданского общества, работающих с людьми и сообществами. Соответственно задачи этих акторов предусматривают не только внедрение инновационных цифровых технологий, но и фундаментальный переход к исполнению новых ролей, структурам и системам оказания общественных услуг при движении по траектории устойчивого развития [14]. При этом важной составляющей является учет рисков [15; 16].

Таблица / Table

**Направления и способы гармонизации городского пространства / Directions and methods
for harmonizing urban space**

Вид городского пространства / View of urban space	Методы гармонизации городского пространства / Harmonization methods urban space	Воздействие на социальную среду / Impact on the social environment
Промышленные зоны в черте города / Industrial zones within the city	В отношении маргинальных промышленных территорий (в т.ч. бездействующих предприятий): снос непригодных для восстановления промышленных объектов. Реконструкция и вторичное использование промышленных зданий с последующей ревитализацией промышленных объектов и прилегающих территорий	Улучшение эстетического восприятия городской среды. Организация жилого, коммерческого и общественного пространства за счет ревитализации объектов в интересах граждан и бизнеса
Природные территории города / Natural areas of the city	Ревитализация заброшенных, необустроенных природных территорий с учетом их новых функций и целей использования.	Формирование природной ландшафтной среды как общественного пространства для отдыха, спорта, креативной деятельности
Общественное пространство / Public space	Ревитализация общественных пространств («сверху вниз» – активность со стороны властей, «снизу вверх» – активность жителей)	Улучшение качества жизни населения за счет совместного использования общественных пространств

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Безусловной долгосрочной современной тенденцией становится повышение роли общественности в процессах принятия решений. Это процесс, благодаря которому местные жители как представители заинтересованных сторон участвуют в решении публичных дел или вопросов местного значения. Активно формируются и используются механизмы прямого участия граждан в создании комфортной городской среды, включая национальный проект «Жилье и городская среда», применяются методы и инструменты создания механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, апробированного в системе государственного управления развитых стран мира [17].

Важными составляющими социального механизма сглаживания субкультурных противоречий являются такие институты, как некоммерческие организации, борющиеся с бедностью. К ним относятся приюты для бездомных, центры лечения наркомании, организации, помогающие одиноким матерям, группы самопомощи и множество других.

Философия и практика этих групп различаются, и каждая по-разному решает дилеммы разнообразия и равенства. Одни в большей степени нацелены на то, чтобы направлять людей на пути обеспечения их самодостаточности посредством, например овладения новой профессией или участия в общественных делах, которые позволяют выводить людей из жизненного тупика, в то время как другие сосредотачиваются на таких более скромных целях, как обеспечение стабильности, поддержки нетрудоспособных членов сообщества. Эти организации иногда меняют свою философию с течением времени: у них, например, могут возникать внутренние разногласия по поводу того, следует ли жителей приюта для бездомных обязывать посещать занятия для улучшения перспектив трудоустройства.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБКУЛЬТУР

Коммерческие организации могут также выступать инструментами использования субкультур [18].

В социально-пространственном контексте брендинга недостаточно исследованным остается влияние

субкультур на формирование брендов, основанных на воспринимаемой аутентичности.

Субкультурные контексты высвобождают определенные траектории формирования предприятий от построения репутации, создания стоимости, глобального расширения и накопления. Субкультурные ценности: аутентичность, конкуренция, риск и активное участие в предпринимательстве — зависят от динамики экономического роста.

Субкультурные ценности предоставляют выгодные возможности для развития предприятий, возникших из таких субкультурных источников, как музыка, мода и серфинг, по мере того, как они проходят путь развития от локализованных предприятий к глобальным производственным и распределительным сетям. Результатом их деятельности становится набор брендов, обеспечивших значительный размер рынка и сохранивших субкультурное доверие в сочетании с растущим географическим и рыночным охватом (например, культура хиппи и использующие этот бренд предприятия).

Большое значение имеет исследование взаимодействия субкультур в рамках организационной культуры предприятий, которой приходится сталкиваться с проблемами сотрудничества между отдельными людьми и группами. Особенно большое разнообразие комбинированных и сложных культур существует в крупных корпорациях.

Известный специалист в области организационной культуры Эдгар Шейн утверждал, что чем больше организация, тем больше в ней субкультур, так как организации в течение их роста не только развивают свою собственную общую культуру, но также дифференцируются во многих субкультурах в зависимости от занятий, продуктовой линейки, функций и иерархии.

В глобальных компаниях существует множество субкультур: от субкультур рабочих групп до субкультур этнических групп и наций, субкультур многонациональных групп, а также субкультур нескольких профессий [19].

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ ВНУТРИ ОРГАНИЗАЦИИ

Организации, реализующие инициативы по управлению знаниями (далее — УЗ), заинтересованы в продвижении обмена и передачи знаний внутри и между своими различными подразделениями. Организационные вмешательства, отнесенные к категории УЗ, обычно предполагают внедрение

системы УЗ на базе IT-технологий, которую часто называют системой управления знаниями. Обеспечение более глубокого понимания разнообразных точек зрения и атрибутов различных организационных подразделений является одной из важных задач, стоящих перед подсистемой УЗ в масштабах всей организации как системы.

Благодаря быстрому развитию информационных технологий стало относительно проще инициировать общеорганизационную программу УЗ. При этом целесообразно, чтобы крупные организации становились чувствительными к внутренним различиям внутри разных подразделений и согласовывали свои стратегии УЗ так, чтобы различия были соответствующим образом отражены и учтены в общеорганизационной стратегии УЗ.

УЗ в организациях обычно предполагает внедрение одной или нескольких IT-систем, предназначенных для сбора, хранения и распространения различных форм организационного знания.

Типичная система управления знаниями (далее — СУЗ) представляет собой интернет-портал, служащий окном доступа к информации организации, специализированным знаниям, содержащимся в репозиториях, участию в обсуждениях каких-либо инициатив и т.д., которые способствуют более значимому взаимодействию сотрудников.

В основе инициативы создания СУЗ лежит необходимость создания динамичной платформы, которая систематически сопоставляет экспертные знания и использует объединенный опыт.

Анализ практики показывает, что УЗ приносит организациям как прямые, так и косвенные стратегические выгоды. При этом лучшее понимание движущих сил и ограничений управления организационными знаниями достигается путем более тщательного изучения уникальных социокультурных особенностей. В дальнейшем, опираясь на этот культурный аспект стратегии УЗ в масштабах всей организации, можно обеспечивать достижение эффекта «инициативы по изменению культуры» [20].

Субкультурные различия ощутимо проявляются в различных практиках организации. Вместе с тем работники различных подразделений организации разделяют общие ценности и предположения и проявляют их в форме моделей поведения.

Помимо осуществления усилий по формированию таких компонентов организационной культуры, как единое видение, общие корпоративные ценности, соблюдение внутренних норм поведения, целесообразно

выявлять и развивать субкультурный ландшафт своих организаций для того, чтобы способствовать установлению согласованных межкультурных интерфейсов коммуникаций между сотрудниками и их коалициями.

Формирование единой организационной культуры не должно сопровождаться попытками унификации или вытеснения сложившихся организационных субкультур. Игнорирование факта их существования не способствует эффективным коммуникациям и может негативно влиять на результаты деятельности в целом. Субкультурное разнообразие можно использовать в качестве источника повышения эффективности решения масштабных задач цифровой трансформации предприятий и компаний [21].

Таким образом, реализация проектов цифровой трансформации предусматривает решение не только технических задач, но и задач, связанных с развитием организационных культур.

ВЫВОДЫ

Культура общества является результатом человеческой деятельности, уровня развития общества на

определенном историческом этапе и включает материальную и духовную культуру. Не являясь фиксированной, она зависит от ситуации, окружающей среды, исторических обстоятельств, отношений и т.д. Чем выше уровень культуры, тем более творческой, инновационной и конкурентоспособной будет среда, в которой происходят рабочие процессы и осуществляется взаимодействие сотрудников для обеспечения целей общего развития компании.

Комфортная рабочая среда, созданная в организации, способствует обеспечению эффективного труда и дает сотрудникам организации возможность взаимодействовать и узнавать культуру друг друга.

Организации принимают в штат множество работников, имеющих различный уровень образования, сознания, положения в обществе, создавая тем самым диверсифицированную и сложную рабочую среду наряду с наличием острой конкуренции в условиях рыночной экономики и тенденций глобализации.

Каждая организация создает и поддерживает свою собственную культуру, позволяющую ее работникам хорошо выполнять свои обязанности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jong A. World risk society and constructing cosmopolitan realities: a bourdieusian critique of risk society. *Frontiers in Sociology*. 2022;(7). URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov.translate.google/pmc/articles/PMC_9099254.
2. Oyserman D. Culture three ways: culture and subcultures within countries. *Annual review of psychology*. 2017;68:435–463.
3. Kok A.M., de Bakker F.G.A., Groenewegen P. Sustainability struggles: Conflicting cultures and incompatible logics. *Business & Society*. 2019;58(8):1496–1532. URL: <https://journals-sagepub-com.translate.google/doi/full/10.1177/0007650317703644>.
4. Шедько Ю.Н. Факторы и условия устойчивости развития региона: синергетика взаимодействия. *Вестник МГОУ. Серия: «Экономика»*. 2014;(4):49–55.
5. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Социальный механизм формирования ценностно-мотивационных смыслов в деятельности работников предприятий и организаций. *Социология и право*. 2019;(2):12–20.
6. Sheridan D. The space of subculture in the city: gettingspecific about berlin's indeterminate territories. *Field-A Free Journal for Architecture*. 2007; 1(1):97–119.
7. Леонтьева Л.С. Совокупная организационная культура как управленческий ресурс регионального развития. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019;(1):6–11.
8. Fouce H. The borders of subculture: resistance and the mainstream by alexander dhoest, steve maillet, barbara segaert and jacques haers, eds. *Journal of World Popular Music*. 2020;7(1):91–94. URL: <https://journal.equinoxpub.com/JWPM/article/view/18338/20428>.
9. Cörvers F., & Mayhew K. Regional inequalities: causes and cures. *Oxford review of economic policy*. 2021;37(1):1–16.
10. Артемова О.В., Логачева Н.М., Савченко А.Н. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры. *Экономика региона*. 2021;17(2):538–551.
11. Celermajer D., Churcher M., Gatens M. & Hush A. Institutional transformations: imagination, embodiment, and affect. *Angelaki*. 2019;24(4):3–21.
12. Панина О.В., Красюкова Н.Л., Дорофеев А.Н. и др. Цифровизация государственного управления. М.: Прометей; 2023. 348 с.

13. Kadyrova G.M. et al. Prospects to create and apply artificial intelligence in the activities of public authorities. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing. 2021;650(1):012014.
14. Шедько Ю.Н. Трансформация власти, гражданского общества, бизнес-структур в ходе четвертой промышленной революции. Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения. Бондаренко В.М., ред. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева; 2019:229–235.
15. Панина О.В. Модель реализации стратегии цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2023;(2):85–96.
16. Хабриева Т.Я. и др. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая. Монография. М.: Юриспруденция; 2020. 396 с.
17. Красюкова Н.Л., Кириллова О.С., Васюнина М.Л. и др. Оценка вклада прямого участия граждан в развитии комфортной городской среды, повышение ее качества и в реализацию национального проекта «Жилье и городская среда». *Вопросы истории*. 2022;(4–2):274–281.
18. Warren A., Gibson C. Subcultural enterprises, brand value, and limits to financialized growth: the rise and fall of corporate surfing brands. *Geoforum*. 2017;86:177–187.
19. Schein, E.H. *Organizational culture and leadership* (Vol. 2). John Wiley & Sons. Publisher. San Francisco: Jossey-Bas; 2010.
20. Mayasandra R.N., Pan S.L. Consequences of implementing knowledge management initiatives in different organizational subcultures. *ECIS 2004 Proceedings*; 2004. 147 p.
21. Титов С.А., Титова Н.В. Внутриорганизационная субкультурная динамика в проектах цифровой трансформации. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2020;11(3):294–303. DOI: 10.17747/2618–947X-2020–3–294–303

REFERENCES

1. Jong A. World risk society and constructing cosmopolitan realities: a bourdieusian critique of risk society. *Frontiers in Sociology*. 2022;(7). URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/translate.goog/pmc/articles/PMC_9099254.
2. Oyserman D. Culture three ways: culture and subcultures within countries. *Annual review of psychology*. 2017;68:435–463.
3. Kok A.M., de Bakker F.G.A., Groenewegen P. Sustainability struggles: Conflicting cultures and incompatible logics. *Business & Society*. 2019;58(8):1496–1532. URL: <https://journals-sagepub-com.translate.goog/doi/full/10.1177/0007650317703644>.
4. Shed'ko Yu.N. Factors and conditions of sustainable development of the region: synergy of interaction. *Vestnik MGOU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Moscow State University. Series: Economics*. 2014;(4):49–55. (In Russ.).
5. Potyomkin V.K., Vel'misova D.V. The social mechanism of the formation of value-motivational meanings in the activities of employees of enterprises and organizations. *Sociologiya i pravo = Sociology and law*. 2019;(2):12–20. (In Russ.).
6. Sheridan D.O. The space of subculture in the city: gettingspecific about berlin's indeterminate territories. *Field-A Free Journal for Architecture*. 2007;1(1):97–119.
7. Leont'eva L.S. The total organizational culture as a managerial resource of regional development. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intelligence. Innovation. Investment*. 2019;(1):6–11. (In Russ.).
8. Fouce H. The borders of subculture: resistance and the mainstream by alexander dhoest, steve maillet, barbara segaert and jacques haers, eds. *Journal of World Popular Music*. 2020;7(1):91–94. URL: <https://journal.equinoxpub.com/JWPM/article/view/18338/20428>.
9. Cörvers F., & Mayhew K. Regional inequalities: causes and cures. *Oxford review of economic policy*. 2021;37(1):1–16.
10. Artemova O.V., Logacheva N.M., Savchenko A.N. Harmonization of the industrial city space: social guidelines. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2021;17(2):538–551.
11. Celermajer D., Churcher M., Gatens M. & Hush A. Institutional transformations: imagination, embodiment, and affect. *Angelaki*. 2019;24(4):3–21.

12. Panina O.V., Krasnyukova N.L., Dorofeev A.N. Digitalization of public administration. Moscow: Prometheus; 2023. 348 p. (In Russ.).
13. Kadyrova G.M. et al. Prospects to create and apply artificial intelligence in the activities of public authorities. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science — IOP Publishing*. 2021;650(1):012014.
14. Shed'ko Yu.N. Transformation of power, civil society, business structures during the Fourth Industrial Revolution. New Economic policy for Russia and the world. Collection of scientific papers of participants of the International Scientific Conference. XXVII Kondratiev readings. edited by V.M. Bondarenko. Moscow: Interregional Public Organization for the Promotion of the Study and Promotion of the Scientific Heritage of N.D. Kondratiev; 2019:229–235. (In Russ.).
15. Panina O.V. A model for implementing the strategy of digital transformation of public administration in the Russian Federation. *Management and business administration = Menedzhment i biznes-administrirrovani*. 2023;(2):85–96. (In Russ.).
16. Habrieva T. Ya. Experience of the best practices of the civil service of Russia and China. Monograph. Moscow: Jurisprudence; 2020. 396 p. (In Russ.).
17. Krasnyukova N.L., Kirillova O.S., Vasyunina M.L. Assessment of the contribution of direct participation of citizens in the development of a comfortable urban environment, improving its quality and in the implementation of the national project «Housing and urban Environment». *Voprosy istorii = Questions of history*. 2022;(4–2):274–281. (In Russ.).
18. Warren A., Gibson C. Subcultural enterprises, brand value, and limits to financialized growth: the rise and fall of corporate surfing brands. *Geoforum*. 2017;86:177–187.
19. Schein E.H. Organizational culture and leadership (Vol. 2). John Wiley & Sons. Publisher. San Francisco: Jossey-Bas; 2010.
20. Mayasandra R.N., Pan S.L. Consequences of implementing knowledge management initiatives in different organizational subcultures. *ECIS 2004 Proceedings*; 2004. 147 p.
21. Titov S.A., Titova N.V. Intra-organizational subcultural dynamics in digital transformation projects. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic decisions and risk management*. 2020;11(3):294–303. (In Russ.). DOI: 10.17747/2618–947X-2020–3–294–303

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Николаевич Шедько — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет, Москва, Россия

Yuri N. Shedko — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Public and Municipal Administration, Faculty of Higher School of Management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9179-3637>

ynshedko@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2023; принята к публикации 20.01.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 10.11.2023; accepted for publication 20.01.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-98-105
УДК 340.134(045)
JEL G32, H63, M11, M15, O32

Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования

С.Г. Еремин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – используемые на федеральном уровне цифровые технологии в сфере государственного управления. *Цель работы* – установление значимости применения цифровых технологий через призму эволюции моделей государственного (муниципального) управления – от «электронной демократии» к «цифровому правительству». Постулируется, что Российская Федерация находится в настоящее время на этапе перехода к очередной ступени развития публичного менеджмента – модели GovTech (*Government Technology*)-правительства. Однако определено, что вследствие ограниченного использования в его рамках арсенала цифровых инструментов и технологий процесс такого перехода может длиться неопределенно долго по причине циклизации на одном digital-инструменте цифровой трансформации государственного управления – государственных цифровых платформах, которые не предусматривают задействования всего спектра GovTech-технологий. Установлено, что, несмотря на применение в рамках публичного менеджмента искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей и других «сквозных» технологий в отечественной практике, их может не хватать для обеспечения полноценного перехода Российской Федерации к модели GovTech-правительства, вследствие чего возникает необходимость в пересмотре и совершенствовании механизма оценки эффективности и результативности итогов экспериментальной апробации внедрения таких технологий и впоследствии в выработке нового направления публичного менеджмента – государственного управления digital-технологическими экспериментами.

Ключевые слова: цифровая трансформация государственного управления; электронное правительство; GovTech (ГосТех)-правительство; платформа «ГосТех»; государственное управление digital-технологическими экспериментами

Для цитирования: Еремин С.Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):98-105. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-98-105

ORIGINAL PAPER

Application of Digital Technologies in the Field of Public Administration at the Federal Level and Directions for their Improvement

S.G. Eremin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is digital technologies used at the federal level in the field of public administration. *The purpose of the work* is to establish the importance of the use of digital technologies through the prism of the evolution of models of public (municipal) management – from “electronic democracy” to “digital government”. It is postulated that the Russian Federation, like other developed countries, is currently at the stage of transition to the next stage of development of public management – the GovTech (*Government Technology*) model of government. However, it was determined that due to the limited use of the arsenal of digital tools and technologies within its framework, the process of such a transition may last indefinitely due to cyclization on one digital instrument of digital transformation of public administration – state digital platforms that do not involve the full range of GovTech technologies. It is established that, despite the use of artificial intelligence, blockchain, Internet of things and other “end-to-end” technologies in public management in

© Еремин С.Г., 2024

domestic practice, they may not be enough to ensure a full-fledged transition of the Russian Federation to the GovTech-government model, and there is a need to review and improve the mechanism for evaluating the effectiveness and effectiveness of the results of experimental testing of the implementation such technologies and subsequently in the development of a new direction of public management – state management of digital technology experiments.

Keywords: digital transformation of public administration; electronic government; GovTech-government; GosTech-platform; state management of digital technology experiments

For citation: Eremin S.G. Application of digital technologies in the field of public administration at the federal level and directions for their improvement. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):98-105. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-98-105

ВВЕДЕНИЕ

Развитие в начале нового тысячелетия информационно-коммуникационных, а впоследствии цифровых технологий в развитых и развивающихся странах обусловило необходимость качественных изменений национальных систем государственного (муниципального) управления, что не могло не коррелироваться с потребностью в повышении прозрачности деятельности государственных органов и обеспечении эффективности систем управления благодаря интеграции элементов моделей электронной демократии (от англ. *e-democracy*) и электронного правительства (от англ. *e-governance*).

Согласно позиции С.Е. Прокофьева информационно-коммуникационные и цифровые технологии, а также соответствующая им инфраструктура используются в рамках модели «электронная демократия» для активизации участия граждан в государственно-управленческой и общественно-политической деятельности, а в контексте модели «электронное правительство» — для целевого взаимодействия органов публичной власти и граждан в качестве их клиентов посредством предоставления официальной информации от электронного (открытого) правительства¹ и оказания государственных (муниципальных) услуг, предполагающих минимизацию личной коммуникации между заявителем и исполнителем [1]. В реализуемых (реализованных) на международном уровне административных реформах в сфере модернизации публичного менеджмента предпочтению, безусловно, отдается второй модели.

Однако благодаря расширению возможностей цифровизации электронное правительство

приобретает новые формы, и государство, вступая на путь цифровой трансформации, образует полностью или частично качественно новый экосистемный организм.

Таким образом, цифровая трансформация выступает в качестве промежуточной ступени развития публичного менеджмента, на которую то или иное государство встает после запуска процесса перевода системы (механизмов) государственного (муниципального) управления на новый уровень преобразования через экспериментальную и далее фактическую интеграцию цифровых технологий в функционал соответствующих субинститутов, т.е. в процесс цифровизации.

Одним из результатов этого перехода является преобразование модели электронного правительства в цифровое правительство (от англ. *digital government*) в многополярной системе публичного менеджмента, в рамках которой ключевые функции и процессы осуществляются посредством применения *digital*-технологий и *digital*-инфраструктуры.

ПОРТАЛИЗАЦИЯ И ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ КАК ДВЕ МЕГАТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Принцип многополярности отражает возможности (технологические и инфраструктурные) конкретного государства, принявшего модель цифрового правительства в качестве концепции саморазвития. Так, изначально «электронная» деятельность правительств развитых и развивающихся стран выстраивалась через использование *e*-инструмента порталлизации на многофункциональных электронных площадках, имеющих различные интерактивные сервисы,

¹ Электронное правительство (от англ. *e-Government*) — кабинет министров, который взаимодействует с органами государственной власти, гражданами, организациями в электронном формате при минимальном (физическом) участии.

обеспечивающие открытость деятельности органов публичной власти и предоставляющие услуги в *online*-формате (в отечественной практике это первая версия портала «Госуслуги» без суперсервисов).

Следует согласиться с мнением Т. Н. Литвиновой о том, что развитие модели электронного правительства в Российской Федерации следует связывать по крайней мере на начальных этапах его становления и развития с процессом вовлечения общественности в разработку и принятие публичных управленческих решений через различные порталы-сервисы, например, «Ваш контроль», «Российская общественная инициатива», федеральный портал проектов нормативных правовых актов [2], т.е. неинтегрированные сервисы, функционирующие по принципу моноканальности.

Нивелирование в рамках цифровой трансформации государственного управления на федеральном уровне данного принципа и его преобразование в омниканальность осуществляются посредством другого инструмента — платформизации, которую в условиях достаточно широкого использования «цифры» в инфраструктурном оформлении можно назвать *digital*-инструментом. Если сравнивать портализацию² и платформизацию³ в качестве двух мегатехнологий, применяемых для целей модернизации государственного управления, то первая — более узкофункциональная и ориентирована на усовершенствование механизмов реализации властных полномочий, тогда как вторая — более многофункциональная и демократичная.

Платформа, безусловно, является значительно более продвинутой в контексте возможностей применения цифровых технологий, например *Big Data*, т.е. больших данных, накапливаемых в государственных информационных системах (далее — ГИС) для решения публичных управленческих задач и достижения стратегических целей развития государства. Фактически именно

² Портализация – это строительство порталов органов федеральной, региональной и муниципальной власти в интернете, т.е. формирование онлайн-систем, являющихся комплексными типовыми решениями в процессе взаимодействия пользователей.

³ Платформизация — процесс изменения архитектуры/организации рынков товаров и услуг под влиянием распространения модульных цифровых платформ и применения платформенных технологий.

по этой причине, как указывают С. Я. Пирметова и К. С. Мабулжамалов, в международной практике государственного управления стал происходить постепенный переход от электронного правительства 1.0 к электронному правительству 2.0, причиной которого стало понимание того, что инструмент портализации в недостаточной степени функционален для обеспечения необходимого уровня отношений с ключевыми участниками экосистемы публичного менеджмента — главными стейкхолдерами и их представителями, т.е. общественностью [3].

Таким образом, к началу 2010-х гг. во многих развитых странах получает практическую реализацию концепция американского идеолога Тима О’Райли (*Tim O’Reilly*) о государстве как платформе [4], т.е. о государстве, которое осуществляет текущий мониторинг открытых данных (*Application Programming Interface, API*) — программных интерфейсов, являющихся жизненно важными компонентами в современном ландшафте разработки программного обеспечения и алгоритмизации на их основе регулирования государственной политики (государственного управления). Несмотря на то, что данная концепция была изначально воспринята как некая метафора, технологическая антиутопия, к интеграции ее принципов достаточно быстро приступили многие государства, постепенно внедряя их в национальные системы публичного менеджмента в рамках административных реформ.

ИНИЦИАЦИЯ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ «ГОСТЕХ»

К концу первого десятилетия XX в. государствами-как-платформами, имеющими качественно новые системы организации и исполнения функций органов государственной власти, построенной на базе интегрированных и цифровизированных процессов и перспективных технологий, можно было условно называть Сингапур, Великобританию, США, Австралию, Францию, Норвегию и некоторые другие европейские страны, а также Россию. Основной акцент был сделан отечественными разработчиками данной концепции на роли государства в условиях трансформации информационного общества и его перехода на цифровые «рельсы».

Отмечается, что значительная часть функций государства как посредника в движении такой

информации, как статистическая, налоговая, кадровая, персональных данных, будет выполняться алгоритмами без участия человека. Так, в апреле 2018 г. Центром стратегических разработок был подготовлен доклад с одноименным названием «Государство-как-платформа» [5], согласно которому целевыми функциями реализации этой концепции являются обеспечение благополучия граждан и содействие экономическому росту, основанному на интеграции цифровых технологий через обеспечение полезного взаимодействия государства, бизнеса и общества как ключевых участников экосистемы публичного менеджмента.

Предполагалось, что интеграция ключевых платформенных решений даст возможность государству осуществлять ряд принципиальных изменений, выражающихся в следующем:

- *модель государственного участия позволит внедрить модель сервисного государства* — «государство для меня»; государство как координатор, которое возьмет на себя управление взаимодействием всех участников платформы и будет выступать создателем экосреды взаимодействия;

- *государственная инфраструктура станет единым центром* для всех обращений за государственными сервисами; позволит использовать достоверные и единые данные для принятия решений; предоставит новые возможности для достижения поставленных целей, оценки результатов и снижения коррупции;

- *в государственной службе получит развитие «цифровой менталитет»* — принятие цифровой реальности, умение в ней эффективно работать; возникновение единой цифровой платформы взаимодействия для государственных служащих, бизнеса и граждан.

Однако, относительно быстро определившись в качестве менеджеристской идеологии, в Российской Федерации концепция «государство-как-платформа» в течение последних трех лет трансформировалась в качественно новую модель «государство-как-GovTech (ГосТех)платформа» — облачное платформенное решение для федеральных и региональных органов власти, с помощью которого можно быстро и эффективно создавать государственные информационные системы и цифровые сервисы.

Поясним, что с момента появления и распространения концепции в своей изначальной версии государства постепенно стали переходить

от системы моноплатформизации к системе полиплатформизации, т. е. к разработке целевых цифровых сетевых платформ (ГИС), которые, как указывает Т. Гиллеспи (*Tarleton Gillespie*), «по общему мнению больше подходили для проявления гражданской активности» [6]. В самом общем виде их разработка была направлена на обеспечение более клиенториентированных результатов государственного управления, предоставления услуг, а также гиперперсонализацию процесса их оказания (как в сборе и обработке информации, так и в принятии решений). В свою очередь их чрезмерная масштабизация привела к инициации единой цифровой платформы «ГосТех», объединяющей все ГИС для взаимодействия граждан и бизнеса с государством, на которой представлены различные сервисы, включая оформление аренды госимущества, постановку недвижимости на кадастровый учет, выдачу полиса медицинского страхования и т. д.

Экспериментальная разработка данного технологического решения проходила в течение двух лет, по итогам которых был анонсирован запуск платформы в активную эксплуатацию. Согласно Концепции, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р⁴, результаты эксперимента послужат базой для разработки методических документов и правовых актов, которые будут регламентировать функционирование платформы на постоянной основе и помогут ее дальнейшему развитию. Отмечается также, что в 2023–2024 гг. будут запущены система управления платформой и информационная система «Госмаркет» — государственный маркетплейс ИТ-сервисов и приложений, разработаны типовые решения для обеспечения информационной безопасности, сформирован каталог цифровых сервисов и начнется процесс создания и развития государственных информационных систем непосредственно на новой платформе. Кроме того, планируется разработка архитектуры доменов «Здравоохранение», «Образование», «Городская среда и ЖКХ», «Строительство», «Транспорт», «Спорт», «Наука», «Экология»; «в дальнейшем

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», плана мероприятий («дорожной карты») по созданию единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех».

платформа <...> будет пополняться новыми доменами, касающимися различных отраслей экономики и социальной сферы, а все государственные информационные системы будут разрабатываться и функционировать только на этой платформе»⁵.

ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИИ GOVTECH-ТЕХНОЛОГИЙ

Разработка единой цифровой ГосТех-платформы является актуальным свидетельством перехода нашей страны к качественно новой модели государственного управления — «GovTech-правительству», которую следует рассматривать не как концепцию, а как идеологию вовлечения публичных институтов в новую цифровую повестку, где государство представляет собою «сложную конфигурацию интересов и отношений, которые определяют итоговые, как правило, нелинейные результаты интеграции *digital*-технологий» [7].

Однако с концептуальной точки зрения *digital*-технологизация публичного менеджмента предусматривает использование для реализации соответствующих функций и процессов определенный спектр цифровых направлений и инструментов посредством повсеместной интеграции искусственного интеллекта, увеличения человеко-машинного взаимодействия, обработки естественного языка, управления большими данными, программного обеспечения на открытом коде, следования новому принципу «все как услуга» (от англ. *everything-as-a-service*), гибридной и мультиоблачной инфраструктуры, блокчейна, интернета вещей и открытого *API*⁶.

Из перечисленных позиций, помимо используемых в рамках направлений платформизации: управления большими данными, мультиоблачной инфраструктуры и открытого *API*, — реальная практика применения в нашей стране *digital*-технологизации публичного менеджмента отсутствует. Экспертная позиция такова, что указанные направления и технологии по-прежнему следует рассматривать как перспективные [8; 9].

С нашей точки зрения, причина заключается в циклизации на одном *digital*-инструменте

цифровой трансформации государственного управления — государственных цифровых платформах, которые не предусматривают задействования всего спектра *GovTech*-технологий. Безусловно, практика применения в рамках публичного менеджмента искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей и других «сквозных» технологий, а также внедрения элементов «умного государства» («умного региона», «умного муниципального образования») в отечественной практике имеет место, однако ее, очевидно, недостаточно для достижения «главной» цели из-за низкого уровня функциональности «нулевой» стадии разработки цифровых решений, если точнее — непроработанности механизма анализа и оценки эффективности и результативности экспериментальных инициатив, связанных с созданием, апробацией (перед введением в эксплуатацию) и последующим внедрением в процессы публичного менеджмента цифровых технологий, нацеленных на модернизацию государственного управления на федеральном уровне.

Доказательством этого вывода являются экспертные данные, согласно которым «ориентация на достижение национальных целей, а также целей документов стратегического планирования прямо предусмотрена только в пяти из 40 актов, т. е. в 12,5%. При этом ориентация на достижение национальных целей в определенной мере отражена, хотя и прямо не указана, в 24 из 40 экспериментов (60%), в целом ориентация на достижение национальных целей развития отражена в 29 из 40 (72,5%) документов» [10].

Кроме того, заслуживают внимания следующие барьеры на пути реализации нормального жизненного цикла проекта цифровой инициативы (технологии):

1) тенденция к постоянному продлению сроков проведения экспериментальных практик (свидетельствует об отсутствии предварительной оценки их эффективности и результативности уже на этапе организационно-правового обоснования самой инициативы);

2) отсутствие проработанного системного механизма оценки эффективности и результативности экспериментальных практик (не позволяет масштабировать инициативы или заочно обрекает их введение в эксплуатацию с ошибками, выражаемыми, например, в дисфункциональности,

⁵ URL: <http://government.ru/docs/46861>. Правительство утвердило распоряжение о развитии единой цифровой платформы «ГосТех». 22.10.2022.

⁶ Технологии в государственном управлении (GovTech): направления и инструменты развития в мире. М.: Агентство инноваций города Москвы; 2021. 100 с.

нежизнеспособности, несовместимости отечественного программного обеспечения;

3) отсутствие практики анализа проектных рисков внедрения в эксплуатацию цифровых инициатив (технологий) (снижает шансы на общую полезность инициативы как средства модернизации публичного менеджмента).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДОСТИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

Цифровая трансформация государства определяется как одна из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. Так, Указом Президента Российской Федерации⁷ установлены приоритетные показатели, которые позволяют делать вывод о достижении данной цели.

Можно сформулировать ряд признаков, отражающих целевое назначение экспериментальных инициатив цифровых технологий, направленных на достижение национальных целей развития:

- ориентация на развитие в соответствующей сфере государственного управления;
- соответствие целям развития, отраженным в документах стратегического планирования в сферах государственного управления;
- наличие в показателях оценки результативности и эффективности экспериментальной инициативы индикаторов, связанных с достижением национальных целей развития (в т. ч. оказывающих влияние на их достижение);
- ориентация на снижение издержек (затрат) участников экспериментальной инициативы, связанных с исполнением обязательных требований при условии обеспечения защищенности охраняемых законом интересов общества и граждан;
- отсутствие увеличения издержек участников экспериментальной инициативы, связанных с исполнением обязательных требований, в т. ч. предусмотренных в рамках проведения самого эксперимента, при условии обеспечения защи-

щенности охраняемых законом интересов общества и граждан;

- наличие положений об обязательном развитии, внедрении и применении российских *digital*-технологий, включая программное обеспечение.

Подобного рода экспериментальные инициативы должны, таким образом, *во-первых*, отсеивать неэффективные и нерезультативные цифровые решения (технологии), процессы, модели и (или) требования при осуществлении государственных функций; *во-вторых*, обеспечивать поэтапную апробацию этих решений (технологий), процессов и моделей, для понимания качественного и количественного результата (эффекта), предполагаемого получаемого от их интеграции в механизмы государственного управления; *в-третьих*, добиваться снижения издержек при исполнении обязательных регламентационных требований, их сокращения, т. е. оптимизации государственного вмешательства, повышения его обоснованности в условиях функционирования разрабатываемого цифрового решения (технологии), процесса или модели; *в-четвертых*, стимулировать разработки усовершенствованных версий и принимать качественно новые цифровые решения (технологии) для достижения приоритетной цели — становления государства *GovTech*-ориентированным.

Для устранения перечисленных барьеров на пути реализации нормального жизненного цикла проекта цифровой инициативы (технологии) и в целом фундирования процессов аналитики и оценки разрабатываемых цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне на «нулевой» стадии, т. е. на этапе эксперимента (как стандартной функции менеджмента), предлагается:

- обеспечивать и четко следовать стандартному фреймворку (алгоритму) публичных и непубличных проектных инициатив с 4-стадийной оценкой результатов и эффектов (предварительной, текущей, последующей, итоговой), т. е., например, «инициация эксперимента
- разработать критерии установления степени эффективности и результативности экспериментальных инициатив, реализуемых для целей модернизации государственного управления с применением цифровых технологий согласно базовым признакам: организованности (готовности к проведению эксперимента, наличию заданной цели и ожидаемого результата (эффекта),

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

влиянию эксперимента и его конечного продукта на повышение качества государственного управления на федеральном уровне); новизне (инновационности эксперимента, потребности в прохождении всех стадий оценки разрабатываемой цифровой инициативы); ограниченности масштаба (эффективности, результативности и востребованности разрабатываемой цифровой инициативы), ограниченности сроков (соблюдение сроков проведения эксперимента, принятия решений о регуляторных изменениях по итогам проведения эксперимента); наличию механизмов управления рисками (результативности механизмов управления рисками и компенсации негативных последствий).

Как представляется, по итогам пересмотра и совершенствования механизма оценки эффективности и результативности механизмов экспериментальной апробации внедрения цифровых инициатив (технологий, процессов, моделей) возможна выработка нового направления публичного менеджмента — государственного управления *digital*-технологическими экспериментами, которое позволит при помощи аналитического инструментария повысить статус Российской Федерации как *GovTech*-ориентированного государства через масштабизацию практик применения «сквозных» цифровых технологий и принятие решений в сфере государственного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокофьев С. Е. Государственный менеджмент. М.: Юрайт; 2023. С 212–213.
2. Литвинова Т. Н. Развитие электронного правительства в России: проблемы и перспективы. *Право и управление. XXI век*. 2018;(3):60–68.
3. Пирметова С. Я., Абдулжамалов К. С. Применение технологий электронного правительства. Проблемы и пути их решения. *Закон и право*. 2021;(2):155–157.
4. O'Reilly T. Government as a platform. open government: collaboration, transparency, and participation in practice (ed. by D. Lathrop, L. Ruma). Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media; 2010:11–40.
5. Шклярчук М. С. Государство как платформа: люди и технологии. М: РАНХиГС; 2019. 116 с.
6. Gillespie T. Custodians of the internet: platforms, content modernization, and the hidden decisions that shape social media. New Haven, CT: Yale University Press; 2018. 296 p.
7. Мухаметов Д. Р., Симонов К. В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России. *Мир новой экономики*. 2021;(3):17–27.
8. Васюта Е. А., Подольская Т. В. Опыт внедрения технологии GovTech в государственном управлении: глобальные тренды и обзор лучших мировых практик. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022;(3):17–24.
9. Кононенко Д. В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства). *Legal Concept*. 2022;(4):48–54.
10. Ефремов А. Эксперименты как инструмент достижения национальной цели «цифровая трансформация». Материалы Круглого стола «Цифровизация государственного управления: достижения и риски» (28 сентября 2022 г., Москва). URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/5663-v-akademii-obsudili-dostizheniya-i-riski-tsifrovizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya>.

REFERENCES

1. Prokofiev S. E. Public management. Moscow: Yurayt; 2023:212–213. (In Russ.).
2. Litvinova T. N. Development of e-government in Russia: problems and prospects. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and management. XXI Century*. 2018;(3):60–68. (In Russ.).
3. Pirmetova S. Ya., Abdulzhmalov K. S. Application of e-government technologies. Problems and ways to solve them. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2021;(2):155–157. (In Russ.).
4. O'Reilly T. Government as a platform. open government: collaboration, transparency, and participation in practice (ed. by D. Lathrop, L. Ruma). Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media; 2010:11–40.
5. Shklyaruk M. S. The state as a platform: people and technology. Moscow: RANEPa; 2019. 116 p. (In Russ.).

6. Gillespie T. Custodians of the internet: platforms, content modernization, and the hidden decisions that shape social media. New Haven, CT: Yale University Press; 2018. 296 p.
7. Mukhametov D. R., Simonov K. V. “Smart State”: prospects for the implementation of digital technologies of public administration in Russia. *The world of the new economy*. 2021;(3):17–27. (In Russ.).
8. Vasyuta E. A., Podolskaya T. V. Experience of implementing GovTech technology in public administration: global trends and review of the best world practices. *State and municipal management. Scientific notes*. 2022;(3):17–24. (In Russ.).
9. Kononenko D. V. GovTech as a new stage in the development of electronic state (government). *Legal Concept*. 2022;(4):48–54. (In Russ.).
10. Efremov A. Experiments as a tool for achieving the national goal “digital transformation”. Materials of the round table “digitalization of public administration: achievements and risks” (September 28, 2022, Moscow). URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/5663-v-akademii-obsudili-dostizheniya-i-riski-tsifrovizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Геннадьевич Еремин — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey G. Eremin — Cand. Sci. (Law.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1599-391X>

eremin_100@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 17.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-106-118

УДК 338.2(045)

JEL E02, H12, O11

Актуальные проблемы реализации государственной экономической политики на современном этапе: антикризисный аспект

А.Н. Ряховская

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – приоритеты государственной политики в сфере экономического развития на федеральном и региональном уровнях.

Цель работы – установление антикризисных аспектов трансформации экономической политики России в условиях меняющихся геополитических процессов, которые ведут в конечном счете к перестройке мира и устанавливаются на основе использования таких общенаучных методов исследований, как наблюдение, сбор и обработка статистических данных, сравнение информационных источников, критический обзор научных публикаций и др. В статье рассмотрена динамика макроэкономических показателей за 2022 г. и I квартал 2023 г. Выявлены основные проблемы и кризисообразующие факторы функционирования российской экономики. Детерминированы предпосылки трансформации экономической государственной политики. Особое внимание уделено оценке эффективности и результативности предпринимаемых Правительством РФ антикризисных мер. Выделены векторы и драйверы дальнейшего экономического развития и обоснованы перспективные направления антикризисной политики государства.

В статье *сделан вывод* о необходимости перехода от формирования и реализации адаптационной политики в рамках современных реалий функционирования в новых геополитических условиях к политике экономического роста на основе реализации комплекса антикризисных мероприятий по формированию обновленного экономического потенциала страны, обладающего самодостаточностью и полным научным, технологическим, кадровым, производственным, финансовым суверенитетом для радикального изменения и проработки вектора дальнейшего развития внутреннего рынка на основе четкой стратегической программы комплекса антикризисных мер и коренного изменения бюджетной и социальной политик.

Ключевые слова: государственная экономическая политика; кризисообразующие факторы; антикризисные меры; финансовый суверенитет; технологический суверенитет; импортозамещение

Для цитирования: Ряховская А.Н. Актуальные проблемы реализации государственной экономической политики на современном этапе: антикризисный аспект. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):106-118. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-106-118

Urgent Problems of the Implementation of State Economic Policy at the Present Stage: Anti-Crisis Aspect

A.N. Ryakhovskaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the priorities of state policy in the field of economic development at the federal and regional levels.

The purpose of the work is to establish anti-crisis aspects of the transformation of Russia's economic policy in the context of the new reality of a changing geopolitical format based on the use of such general scientific methods as observation, collection and processing of statistical data, comparison, study of information sources, critical review of scientific publications, etc. The article examines the dynamics of macroeconomic indicators for 2022 and the first quarter of 2023. The main problems and crisis-forming factors of the functioning of the Russian economy are identified. The prerequisites for the transformation of economic state policy are determined. Special attention is paid to evaluating the effectiveness

© Ряховская А.Н., 2024

and efficiency of anti-crisis measures taken by the Government of the Russian Federation. The vectors and drivers of further economic development are highlighted and promising directions of the state's anti-crisis policy are substantiated.

The article concludes that it is necessary to move from the period of formation and implementation of an adaptation policy within the framework of modern realities of functioning in new geopolitical conditions to economic growth based on the implementation of a set of anti-crisis measures to form an updated economic potential of the country with self-sufficiency and full scientific, technological, personnel, production, financial sovereignty for a radical change and elaboration of the vector of further development of the domestic market on the basis of a clear strategic program of a set of anti-crisis measures and a radical change in budgetary and social policy.

Keywords: state economic policy; crisis-forming factors; anti-crisis measures; financial sovereignty; technological sovereignty; import substitution

For citation: Ryakhovskaya A.N. Urgent problems of the implementation of state economic policy at the present stage: anti-crisis aspect. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):106-118. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-106-118

ВЕДЕНИЕ

Проблемы формирования вектора и приоритетов национальной экономической политики приобрели в последний год особую актуальность и стали одними из наиболее дискуссионных в науке и практике антикризисного управления вследствие динамики и глубины влияющих на национальную экономику кризисообразующих факторов, проявления множества вызовов и угроз ее безопасности и перестройки в этой связи всей системы государственных экономических интересов.

В результате действия этих процессов потребовалось установление сбалансированного соотношения мер государственного регулирования и рыночных механизмов развития национальной экономики.

В условиях воздействия на экономику России нерыночных кризисообразующих факторов возрастает роль государственной экономической политики, особенностью которой является наличие «системы правовых, финансово-экономических, организационных и иных мер, определяющих деятельность органов государственной власти всех уровней, направленных на реализацию процессов предвидения и предотвращения кризисов, организацию их мониторинга и анализа природы происхождения, а также на смягчение последствий кризисов в соответствии с основными направлениями внутренней и внешней политики страны»¹.

В соответствии с поставленной целью в настоящем исследовании осуществляются:

- анализ современных подходов представителей экономической науки к процессу трансформации

экономической политики в условиях глобальных вызовов;

- обобщение основных итогов развития экономики в новых геополитических условиях;
- выявление основных проблем и кризисообразующих факторов развития национальной экономики;
- установление предпосылок трансформации экономической государственной политики и оценка эффективности и результативности предпринимаемых Правительством РФ антикризисных мер;
- определение векторов и драйверов дальнейшего экономического развития и перспективных направлений антикризисной политики государства.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разноаспектный характер проводимых исследований в области оценки результатов и трансформации современной государственной экономической политики обуславливает необходимость обновления и расширения концептуальных подходов и методологии научного исследования проблем современного социально-экономического развития России.

Формирование современных подходов к дальнейшему развитию экономики в условиях беспрецедентной антироссийской рестрикционной (санкционной) политики служит предметом рассмотрения в работах многих экономистов [1; 2–5]. Основным лейтмотивом данных научных публикаций стало признание учеными факта получения высоких доходов от российского экспорта в 2022 г. Ими констатируются также удорожание логистических схем, адаптация затронутых санкциями отраслей и организаций к новым реалиям санкционного ограничения, расширение поддержки государством инвестиций на внутреннем рынке и др.

¹ Инструменты и методы антикризисного управления. Учебник. Ряховская А. Н. и Волкова Л. В., ред. М.: Магистр: ИНФРА-М. 2021. С. 89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46620019>.

Ряд ученых анализирует программы поддержки импортозамещения, способствующие развитию самостоятельной экономики России [6; 7]. При этом обосновывается необходимость перехода от импортозамещения, связанного с реструктуризацией торгово-экономических связей, к обеспечению максимизации технологического суверенитета страны [3; 9].

Экономически обоснованные рекомендации по защите национального финансового суверенитета в сложных условиях санкционного давления предлагаются в работах [10–12]. При этом отмечается отсутствие единого подхода к особенностям обеспечения независимости отечественной финансовой системы из-за сложной комбинации воздействия на нее трудно прогнозируемых деструктивных факторов.

Учеными Финансового университета предложен на основе анализа разработанных Банком России сценариев и основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 г. и период 2024 и 2025 гг.² к рассмотрению еще один альтернативный негативный сценарий «Кризис внутреннего рынка» и даны рекомендации по совершенствованию денежно-кредитной политики в условиях новых вызовов и новых проектов социально-экономического реформирования [13].

Новым форматам международного сотрудничества и внешней торговли посвящены научные труды [14–16] с акцентом на поиск альтернативных рынков реализации продукции отечественных производителей, изменение логистики. Особое значение уделяется перспективам развития российско-китайских экономических отношений, государственной поддержке импорта инвестиционной продукции, а также производства промежуточных товаров, необходимых для функционирования и развития национальной экономики.

Научные исследования приводят ученых к противоположным выводам о результатах реализации государственной экономической политики в условиях СВО 2022 г.: одни авторы считают, что антикризисные меры Правительства РФ позволили сохранить социально-экономическую стабильность [17; 18], другие же авторы заявляют наоборот, что «специальная военная операция и западные экономические санкции ввергли российскую экономику в тяжелый экономический кризис, который обостряется каждый

месяц. Российское руководство неправильно оценило природу кризиса, поэтому методы его преодоления оказываются неэффективными» [19]. Представители данной группы ученых видят истоки сегодняшнего финансового кризиса в сложившихся исторических предпосылках экономического развития страны, утверждая, что российскому обществу «придется преодолевать инерцию происходившей в течение по крайней мере 60 лет почти непрерывной деградации экономического и интеллектуального потенциала страны, ее государственных и общественных институтов» [19]. Однако несмотря на то, что отечественная экономика переживает непростой период развития под влиянием ряда кризисообразующих факторов, она адаптируется к агрессивным внешним условиям лучше ожиданий и, как отмечают многие ученые, «никакого масштабного кризиса не просматривается, за исключением добычи полезных ископаемых» [18].

Данные обстоятельства предопределяют необходимость разрешения концептуального противоречия в подходах к оценке экономической ситуации в стране и актуализируют тему настоящего исследования, а также его теоретическую и практическую значимость. Кроме того, устойчивость текущего и долгосрочного развития национальной экономики, эффективность мероприятий государственной антикризисной политики будут зависеть от того, насколько успешно разрешаются социально-экономические проблемы. Все это требует выработки обоснованных подходов к купированию кризисных явлений в экономике и определению драйверов экономического развития.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАТАХ

Методология настоящего исследования опиралась на общенаучные методы познания: наблюдение, сбор и обработка статистических данных, анализ и синтез, сравнение, изучение информационных источников, критический обзор научных публикаций, экспертный метод и др. Эмпирической основой исследования стали официальные материалы Правительства РФ, Минфина России, Минэкономразвития России, Банка России, отражающие основные подходы к формированию государственной экономической стратегии и тактики в условиях тотальных вызовов.

Результаты анализа эффективности антикризисного управления экономикой Российской Федерации в условиях крайне негативного влияния на нее кризиса

² Сайт Банка России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_2023\(2024–2025\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/139691/on_2023(2024–2025).pdf).

мировой экономики, пандемии коронавируса и антироссийских санкций, количество которых на момент написания настоящей статьи достигло почти 15 тыс.³, свидетельствуют о том, что по всем макростатистическим признакам в настоящее время Россия переживает кризис в отдельных сферах экономики. При этом в целом реализуемая Правительством РФ политика позволила сохранить оперативную стабильность в стране и сформировать задел для роста экономики (см. *таблицу*).

Итоги функционирования экономики в новых геополитических условиях продемонстрировали неблагоприятные тенденции по ряду основных экономических показателей: наблюдалось снижение промышленного производства и оборота розничной торговли особенно в секторе непродовольственных товаров; увеличился удельный вес убыточных предприятий в экономике России; отмечался высокий для отечественной экономики уровень индекса потребительских цен, который в 2022 г. составил 111,9% относительно предыдущего года; снизились реальные денежные доходы населения в 2022 г. на 1,4%. Примечательно, что спад величины основных макроэкономических показателей оказался в несколько раз ниже прогнозов российских и зарубежных аналитиков, сделанных в марте-апреле 2022 г. При этом учитывалось, что практически все отрасли экономики подверглись рестрикциям и многие иностранные компании свернули свою деятельность, закрыли производство и продажи в России, лишив себя выручки, прибыли и ушли с отечественного рынка (правда уже в 2023 г. часть из них вернулась на российский рынок со слегка измененными торговыми марками). Дополнительные ограничения и нагрузки российская экономика получила после начала СВО, что вызвано возникшей необходимостью социального обеспечения граждан присоединенных территорий, финансирования работ по восстановлению изношенной или разрушенной инфраструктуры новых территорий, пребывавшей до этого в состоянии простого воспроизводства. Важными задачами экономики России являются расширение масштабов производства и модернизация оборонно-промышленного комплекса как ключевого фактора обеспечения национальной безопасности государства.

Предпосылками трансформации экономической государственной политики с акцентом на усиление антикризисного блока стали события I квартала 2022 г., когда произошло стремительное сокращение экспорта

и соответственно падение добычи нефти в России. Со стороны враждебно настроенных стран, а именно США, Канады, а затем и Великобритании, было наложено эмбарго на импорт российской нефти, хотя из-за небольших объемов закупок этими странами данные принятые ими ограничительные меры не принесли желаемого результата — падения российской экономики. В попытке энергетической блокады России на международном рынке энергоресурсов следующей мерой в отношении российского нефтяного экспорта стал отказ западных банков и страховых компаний от оказания соответствующих финансовых услуг, а глобальных нефтетрейдеров — от перевозки российского сырья. Однако эти услуги стали оказываться отечественными предприятиями и компаниями дружественных стран. В кратчайшие сроки был закуплен танкерный флот, что не позволило изолировать Россию от мирового рынка и углубить кризис в сегменте добычи нефти и газа.

Еще одним кризисообразующим фактором для экономики России стал уход с российского рынка крупных иностранных компаний в сферах автомобилестроения, оказания информационных услуг. Однако указанные действия привели к активному импортозамещению и занятию освободившихся рыночных ниш отечественными производителями и компаниями из дружественных стран.

Антироссийские санкции оказали краткосрочный отрицательный эффект на развитие отечественной экономики. В средне- и долгосрочной перспективе они способствуют быстрой переориентации, суверенизации, диверсификации и оздоровлению национальной экономики, ее избавлению от кабального типа встраивания в международное разделение труда. В то же время они способствовали активизации экономических отношений с дружественными странами и экономико-технологической суверенизации на внутреннем рынке. В частности, развитие взаимовыгодного сотрудничества с Китаем и Турцией позволило российскому рынку закупать высокотехнологичную продукцию, запасные части для техники, лекарства и другие товары.

Учитывая накопленный во время пандемии коронавируса опыт преодоления кризиса, российская экономика продемонстрировала ускоренную адаптацию к первой волне санкционного режима, разработав в марте 2022 г. перечень из 100 поддерживающих бизнес мероприятий, которые в дальнейшем расширились вплоть до настоящего времени.

При исследовании динамики основных экономических показателей по отраслям национальной эко-

³ Лавров заявил, что Запад ввел около 15 тыс. санкций против России. 17.06.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18046449>.

Таблица / Table

Динамика основных относительных показателей по отдельным областям социально-экономического положения Российской Федерации / Dynamics of the main relative indicators for certain areas of the socio-economic situation of the Russian Federation

Наименование показателя / The name of the indicator	Годы / Years		
	2021	2022	2023 (I квартал)
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году / Industrial production index, % compared to the previous year,	106,3	99,4	99,1
в том числе / including: - обрабатывающая промышленность, % / manufacturing industry, %	107,4	98,7	101,1
- добыча полезных ископаемых, % / mining, %	104,2	100,8	96,7
Индекс сельскохозяйственного производства, % / Agricultural production Index, %	99,6	110,2	X
Индекс по виду деятельности «Строительство», % / Index by type of activity "Construction", %	107,0	105,2	108,8
Оборот розничной торговли, % к предыдущему году / Retail trade turnover, % compared to the previous year,	107,8	93,3	92,7
в том числе / including:: - оборот розничной торговли непродовольственными товарами, % / turnover of retail trade in non-food products, %	112,8	88,9	89,4
Доля убыточных предприятий, % / The share of unprofitable enterprises, %	24,9	27,6	31,5
Индексы цен на товары и услуги, % / Price indices for goods and services, %	108,4	111,9	101,7
Индексы потребительских цен на услуги ЖКХ, % / Consumer price indices for housing and communal services, %	104,1	110,7	101,8
Реальные денежные доходы населения, % / Real monetary incomes of the population, %	103,1	98,6	X

Источник / Source: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>.

номики обращает на себя внимание незначительное снижение оборота розничной торговли ввиду колебаний предложения из-за первоначальных сложностей с переориентацией логистики по отдельным группам импортных товаров и выстраиванием цепочек «параллельного» импорта.

Наукой доказано, а практикой подтверждено, что активизация потребительского спроса по праву считается драйвером восстановления экономики, так как растущий спрос генерирует активизацию инвестици-

онной деятельности, расширение производства, рост экономики, увеличение доходов населения.

Таким образом, стимулирование потребительского спроса представляется крайне необходимым в кризисные периоды, что является традиционным антикризисным механизмом восстановления экономики и обеспечения роста внутреннего валового продукта государства.

При этом наибольшие проблемы испытывают, с одной стороны, субъекты экономики, эффективность де-

тельности которых в значительной степени зависит от внешних факторов: авиаперевозок, туризма. С другой стороны, происходит избавление от токсичных инвесторов из враждебных стран (*Fortum, Uniper, Shell, IKEA*) и экспоненциальный рост отечественных отраслей экономики: станкостроения, металлообработки, металлургии, оборонной промышленности, химической промышленности, швейного производства, строительства, связи, оптики, электроники, материаловедения, приборостроения и др.

Анализ эффективности антикризисных мер, принимаемых Правительством РФ в топливно-энергетическом комплексе в краткосрочном периоде, демонстрирует их высокую эффективность вследствие смены вектора товарного нефтяного рынка в сторону Востока, в результате чего не произошло масштабирования кризиса нефтегазовой отрасли.

Введение запретов на импорт российской нефти по морю и объявление ценового потолка в 60 долл. США за баррель нефти привели к кратному росту цен в Европе на энергоносители, усложнению логистики у европейских компаний из-за создания сети перекупщиков и посредников и перегрузки нефти на греческие танкеры.

При анализе последствий жестких ограничений со стороны враждебных государств в отношении России ученые приходят к выводу, что ожидание падения доходов от экспорта энергоресурсов обусловит рост внутренних инвестиций [20]. Это также будет способствовать переориентации логистических цепочек на Восток (что уже и произошло), в частности к созданию сети российских спотовых хабов, включая спотовый хаб в Арктике с целью индикации цен на отечественную нефть на базе проекта «Восток ойл» и запуск фьючерсного контракта *Vostok oil* [21].

Многokратное увеличение объемов продаж нефти и газа на экспорт, продажа российской нефти Китаю, Индии, Пакистану, Турции и ряду других стран позволили стабилизировать доходы госбюджета, тогда как ранее предлагалось компенсировать их величину в основном из Фонда национального благосостояния (далее — ФНБ), важной задачей создания которого являлось финансирование экономики государства. Однако неприкосновенность его финансов на протяжении многих лет при значительном росте его величины (см. рисунок) справедливо критиковалось представителями научного сообщества [22]. Отмечались также проблемы современной конструкции формирования и расходования ФНБ на фоне возникновения новых геополитических рисков [15].

В настоящее время, с учетом современного уровня уязвимости российской экономики, финансовые ресурсы из указанного источника расходуются достаточно активно с целью частичного финансирования дефицита бюджета, что обеспечивает возможность отказа от бюджетного правила и политики изымания издержек из экономики.

Таким образом, разработка и реализация независимой финансово-экономической политики с целью обретения финансово-экономического суверенитета являются сложной и многогранной задачей, ориентированной на направление доходов бюджета в развитие экономики, что предполагает реализацию принципа целевой денежной эмиссии как важного источника финансирования модернизации национальной экономики, развития инфраструктуры, стимулирования внутреннего спроса. Крайне негативные последствия деятельности Правительства РФ в 1990 гг. по причине принятия недальновидных решений испытывает российская экономика до настоящего времени из-за фактического уничтожения производства собственных самолетов, кораблей, станков, экскаваторов, промышленных кранов, комплектующих, необходимого технологического оборудования.

Большинство испытывающих значительные трудности субъектов экономики вынуждены также перестраивать логистические схемы, финансовые, производственные, импортные и экспортные цепочки, несмотря на значительное уменьшение грузооборота и снижение объемов применения услуг транспортных компаний.

Следует отметить, что наряду с указанными проблемами имеются положительные примеры эффективного функционирования некоторых отраслей хозяйствования в современных непростых геополитических и геоэкономических условиях. Так, имеет место прирост продукции в аграрном секторе, одной из причин которого являются отказ российского рынка от импорта продовольствия, которое может производиться в условиях нашей страны, активная деятельность по льготному кредитованию сельхозпроизводителей и производителей сельхозтехники, технологизация аграрного сектора, а также обретение нашей страной продовольственной безопасности. Именно сельское хозяйство, наряду со строительством, туризмом и IT-сферой, Минэкономразвития России называет драйверами дальнейшего развития экономики⁴. Так, строительный

⁴ URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_nazval_otrasli_kotorye_stanut_dravverami_rossiyskoy_ekonomiki.html.

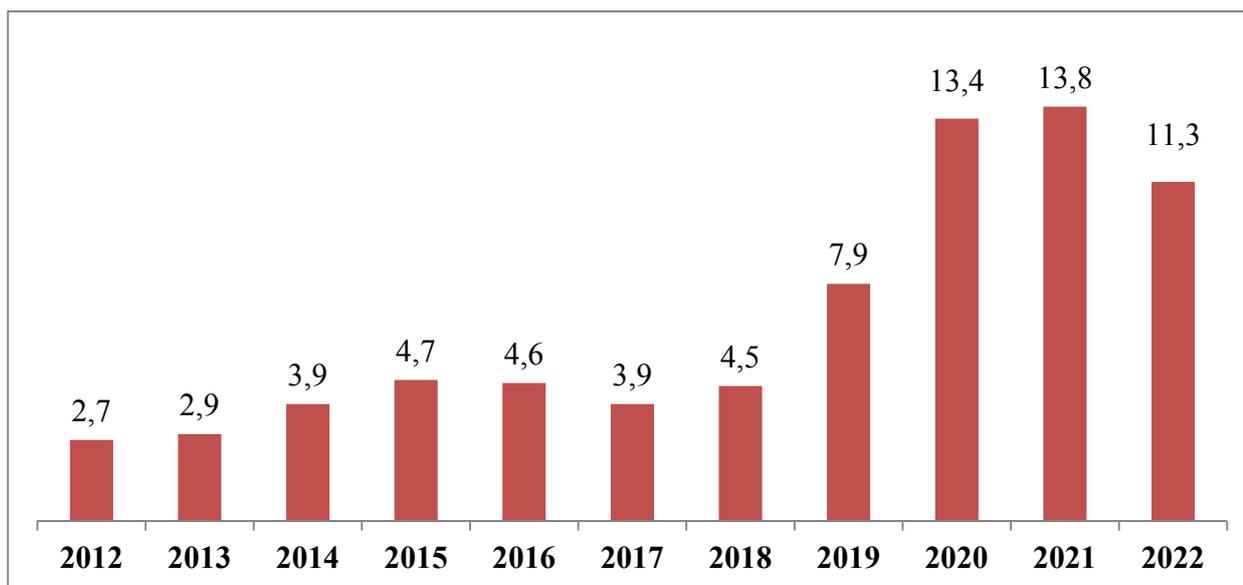

Рис. / Fig. Изменение объема ФНБ за последние 10 лет, трлн руб. /
Change in the volume of the NWF over the past 10 years, trillion rubles

Источник / Source: URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics?id_57=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya.

комплекс, функционируя исключительно на внутреннем рынке, демонстрирует значительный рост объемов строительно-монтажных работ: объем строительных работ в сопоставимых ценах, несмотря на финансовые трудности из-за нехватки рабочей силы, стройматериалов и их подорожания, резкого снижения спроса на жилье и строительство производственных объектов, роста числа банкротств предприятий-застройщиков, возрос на 5,2% относительно 2021 г.⁵ При этом перед отраслью поставлены следующие стратегические задачи: сократить продолжительность инвестиционно-строительного цикла не менее чем на 30%; обеспечить максимальную прозрачность процедур строительства за счет цифровизации; исключить избыточные ограничения по использованию земельных участков для целей строительства; установить целевые ориентиры для совершенствования правил допуска на рынок строительных услуг новых организаций; повышать производительность труда⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют о наличии положительных параметров в деятельности субъектов

⁵ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405560559>.

экономики, несмотря на санкционную политику враждебных к России стран.

Однако в некоторых отраслях российской экономики наблюдаются негативные результаты ведения частного бизнеса, что требует возобновления и активизации инвестиционного процесса, реализации комплекса мер по снижению инфляции с соответствующим снижением ключевой ставки, удешевлением кредитов и повышением их доступности.

АНТИКРИЗИСНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В целях искусственного создания экономического кризиса российской экономики и дестабилизации социальной обстановки в стране коллективный Запад и его марионетки, используя принудительные нерыночные меры экономического давления, вводили пакетами беспрецедентные по своему масштабу и размеру санкции, что стало причинами возникновения, с одной стороны, множества социально-экономических проблем, а с другой стороны, стало мощным стимулом для поиска новых резервов по обеспечению экономической безопасности и экономической суверенизации российского государства. В этой связи ученые-экономисты справедливо утверждают, что «брошенный коллективным Западом вызов может быть успешно отражен только при консолидации

всего российского общества и совместной работе государственных органов и предпринимательского общества по построению «новой экономики» [3].

Первоначальным ответом на антироссийские санкции стали антикризисные меры, предпринятые Правительством РФ, из которых следует выделить:

- 1) поднятие ключевой ставки в марте 2022 г. с дальнейшим постепенным снижением;
- 2) усиление мер валютного контроля;
- 3) установление порога на снятие наличной валюты;
- 4) введение обязанности экспортеров продавать 80% валютной выручки;
- 5) приостановка торгов на российских биржах;
- 6) введение временных запретов на экспорт зерна, сахара и удобрений;
- 7) осуществление перевода оплаты поставок газа на российские рубли [24].

Кроме этого, в целях стабилизации финансового рынка Банком России разрешено российским кредитным организациям начиная с февраля 2022 г. не публиковать индивидуальную и консолидированную бухгалтерскую (финансовую) отчетность по российским стандартам⁷.

Реализация данных антикризисных мер, наряду с налаживанием параллельного импорта и переориентацией вектора экспорта на новые рынки сбыта с дружественными странами, позволили стабилизировать экономическую ситуацию.

Для дальнейшего развития российской экономики в рамках главной идеи — «переходу от стабилизации к развитию» [17] необходимы разработка и четкая реализация комплекса антикризисных мер по обеспечению финансового и технологического суверенитета, предусматривающего коренное изменение бюджетной политики, модернизацию ее механизма в виде целевой эмиссии, инвестиционной политики и проектного финансирования.

В рамках совершенствования налоговой системы Российской Федерации целесообразным представляется дифференциация налоговой нагрузки с ее переносом с внутреннего производства на акцизы экспортируемого сырья и часть внешней торговли, т.е. импорт, подавляющий российское производство.

Обеспечение импортной независимости и технологического суверенитета как ключевых составных частей экономической антикризисной политики России на современном этапе обусловлено действием

кризисообразующего фактора санкционной агрессии со стороны коллективного Запада, приведшей к критическому сокращению поставок в Россию машин, оборудования, запасных частей. При этом следует учитывать, что эксплуатируемое в России зарубежное оборудование относительно стабильно функционирует в рамках его нормативного срока эксплуатации, который наступил или истекает в ближайшее время, предупреждая о том, что негативный характер антироссийских санкций в технологической сфере усиливается во времени. С учетом того, что импортозависимость российской экономики от зарубежных поставок еще остается в некоторых отраслях, ее влияние в ближайшей перспективе не будет критическим, хотя возможны сбои компьютерных систем, различных производственных процессов, а также возникновение проблем с обслуживанием бытовой и автомобильной техники. Кроме этого, могут встречаться трудности с заменой комплектующих изделий, обеспечением привычной логистики. Однако этот комплекс проблем открывает новые перспективы к формированию экономического потенциала достижения полного суверенитета России: научного, технологического, кадрового и производственного.

Для обеспечения технологического суверенитета и опережающего роста промышленности «важно не просто замещать товарные позиции, а добиваться лидерства в сфере искусственного интеллекта, вычисления и передаче данных, новых промышленных технологиях, наращивать мощности, создавать новые производственные линии с обеспечением указанных процессов сырьем, кадрами и другими составляющими»⁸.

Серьезные проблемы надо решить на пути обеспечения комфортного функционирования российской экономики в шестом технологическом укладе, так как необходимо обеспечить стабильную работу не только автономных технических устройств, в т.ч. беспилотников, робототехники, но и искусственного интеллекта, блокчейна больших данных.

Важное место в экономике России занимают финансовые активы, значительная часть которых в период турбулентности и действия антироссийских санкций была заблокирована странами Запада. Но сегодня платежный баланс государства достаточно крепок, что позволяет Правительству РФ финансировать важные

⁷ Сайт Банка России. 06.03.2023. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12737>.

⁸ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/70086http>.

производственные и промышленные проекты, а также быстрорастущий бизнес, в т.ч. связанный с развитием портовой и трубопроводной инфраструктуры, созданием газового хаба, развитием собственных цифровых платежных инструментов.

При разработке системы антикризисных мер Правительством РФ учитываются изменение центра экономической активности и его перемещение в центр евразийского континента и Юго-Восточную Азию ввиду того, что в глобальной экономике основное производство передислоцировалось из евроатлантической зоны в активно развивающиеся экономики Евразии — Китай, Индию, Россию, Индонезию и др.

При установлении степени эффективности социальной политики России российские ученые подчеркивают, что «у нас в ряде отраслей порядка 25% людей работают практически за социальное пособие. В новых условиях предприятия будут вынуждены пойти на оптимизацию занятости, что вытолкнет этих людей за грань социальной жизни» [17]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что бедность в России принимает хронический и затяжной характер. При этом снижение уровня бедности является одной из важнейших задач органов власти [25], постоянно находится в фокусе ее внимания с постановкой в этой связи комплекса задач по:

- повышению МРОТ темпами выше инфляции и обеспечению его величины выше прожиточного минимума;
- увеличению материнского капитала и расширению направлений его использования;
- разработке нового подхода к выплате пособий на детей.

Важнейшей задачей в настоящее время является обеспечение роста реальной заработной платы работающих, что будет способствовать увеличению внутреннего спроса, а значит производства, а также налоговых отчислений в бюджет от заработной платы.

Практика показала, что реализуемые меры социальной направленности являются точечными, в лучшем случае сдерживающими рост. Правительством РФ принимаются и реализуются решения, в значительной степени ухудшающие материальное положение бедного населения и способствующие росту его численности. Так, крайне негативное влияние на материальное состояние населения оказала проведенная двойная индексация тарифов на услуги ЖКХ, что объяснялось необходимостью капитального ремонта его инфраструктуры несмотря на то, что указанные расходы на протяжении многих лет предусмотрены

в платежных документах на услуги ЖКХ. Необходимо также учитывать, что значительная часть населения не могла оплачивать услуги ЖКХ даже по ранее установленным тарифам и накапливала значительную задолженность.

В этой связи важным представляется устранение одной из важных причин закредитованности населения, роста числа бедного населения, инфляции — произвола монополий, которые считают, что рост цен на мировых рынках позволяет им повышать цены на внутреннем рынке без учета покупательной способности населения.

К числу недопустимых мер социального характера следует отнести отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам, величина которой для неработающих пенсионеров составляет всего несколько сотен рублей в месяц, в то время как из заработной платы работающих удерживаются 13% НДФЛ, уплата предприятием за каждого из них 30,2%, в т.ч.: в Пенсионный фонд — 22%; в Фонд медицинского страхования — 5,1%; в Фонд социального страхования — 2,9%; ФСС — 0,2%.

Приведенные примеры крайне неэффективных попыток обеспечения дополнительных источников доходов и снижения расходов свидетельствуют об их негативном влиянии на экономику государства, социальный климат, в то время как самая главная задача в настоящее время заключается в том, чтобы в минимальные сроки создать стабильные источники экономического развития с изменением промышленной основы экономики на основе современных технологий, внутренних источников развития при наличии множества угроз.

В этой связи для стимулирования производства добавленной стоимости необходимо сокращение издержек, что возможно делать посредством снижения цен на продукцию базовых отраслей промышленности и стимулирования технологического прогресса, что потребует проведения соответствующей мягкой национализации с последующим направлением капитала на развитие российской экономики. При этом необходимо признать предприятия, приватизированные посредством проведения залоговых аукционов и преобразованные в акционерные общества, объектами открытых инвестиционных конкурсов, на основе которых реализовываются технологические и экономические проекты.

Таким образом, с позиции синтеза научных подходов и практики воплощения антикризисных мероприятий при реализации адаптационной государственной экономической политики в 2022 г. стратегическая

программа экономического роста должна включать комплекс мер, среди которых следует выделить следующие основные антикризисные аспекты государственной экономической политики:

- укрепление кооперации с дружескими государствами, в том числе выход российских экономических субъектов на рынки стран ЕАЭС и ШОС;
- рост доли инвестиций в основной капитал в ВВП на 50% с увеличением удельного веса экономики знаний в общем объеме ВВП;
- создание экономических центров развития импортной независимости в ведущих отраслях промышленного производства в рамках шестого технологического уклада как нового этапа индустриального развития;
- государственная поддержка стратегического развития инфраструктуры, IT-отрасли, жилищного строительства;
- формирование благоприятного социального климата как важного фактора установления доверия между населением и властью, в том числе путем повышения благосостояния граждан, включая увеличение минимального размера оплаты труда, материнского капитала; совершенствование подходов к выплате пособий на детей и проведение реальной пенсионной реформы, предусматривающей справедливое повышение уровня жизни граждан пенсионного возраста;
- дифференциация налоговой нагрузки с ее переносом с внутреннего производства на акцизы экспортируемого сырья и часть внешней торговли, т.е. импорт, подавляющий российское производство;

- мягкая национализация социально-значимых, стратегических, системообразующих организаций с последующим направлением капитала на развитие российской экономики;

- корректировка правового регулирования феномена конфликта интересов в системе государственного управления, усиление антикоррупционного контроля, аудита, мер профилактики и противодействия.

ВЫВОДЫ

Анализ современной экономической ситуации в России показывает, что кризисные явления проявляются под преобладающим воздействием внешних факторов нерыночного характера. Масштабы и глубина экономического кризиса не оправдали надежды западных политиков на разрушение российской экономики. В результате реализации ряда антикризисных мер адаптационного характера Правительству РФ удалось стабилизировать экономическую ситуацию. Формирование обновленного экономического потенциала требует радикального изменения вектора дальнейшего развития российской экономики в сторону активизации отношений с дружественными странами и развития внутреннего рынка.

К настоящему времени у российской экономики имеются внутренние резервы, чтобы не только успешно противостоять беспрецедентному санкционному давлению со стороны враждебных стран, но достигать ежегодных темпов прироста внутреннего валового продукта в пределах 4–5%.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов. *Вопросы экономики*. 2022;(12);5–23. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–12–5–23
2. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А. Санкционное давление на экономику России: пути преодоления издержек и выгоды конфронтации в рамках импортозамещения. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(1):150–161. DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–1–150–161
3. Шлычков В.В. Экономика России 2023 г. — смена парадигмы развития и структурная трансформация. *Вестник экономики, права и социологии*. 2023;(1):51–57. URL: <https://www.vestnykeps.ru/0123/11.pdf>.
4. Аганбегян А.Г. О мерах по смягчению социально-экономических последствий от санкций, принятых «недружественными» странами против России в 2022 г. *Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте*. 2022;1(2):36–56. DOI: 10.37930/2782–618X–2022–1–2–36–56
5. Гафурова Г.Т., Бондаренко И.Н. Уроки санкций для устойчивого экономического будущего России. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16(3): 503–524. DOI: 10.21202/2782–2923.2022.3.503–534
6. Ляковская Е.А., Антипин М.В. Процессы импортозамещения в управлении устойчивым развитием. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2022;16(3):101–106. DOI: 10.14529/em220311
7. Баранов А., Музыка Е., Павлов В. Венчурное финансирование проектов импортозамещения в России: проблемы и перспективы. *ЭКО*. 2022;53(1):118–132. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–1–118–132

8. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема технологического суверенитета и новая миссия центрального научного ведомства России. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(2):28–36. DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–2–28–36
9. Никулин Р.А., Демьянова О.В. Принципы обеспечения формирования и развития технологического суверенитета макроэкономических систем. *Экономика и предпринимательство*. 2023;153(2):159–161. URL: <http://www.intereconom.com/component/content/article/470.html>.
10. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Иванов М.О. Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(1):185–194. DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–1–185–194
11. Анищенко А.В., Файбусович К.Б. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России в современном мире: уроки истории. *Вопросы истории*. 2023;(1–2):118–127. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/542678866>.
12. Алиев О.М. Проблемы финансового суверенитета России и вопросы его достижения. *Финансы и кредит*. 2023;29(3):527–555. DOI: 10.24891/фс.29.3.527
13. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Ершов М.В., Захарова О.В., Зеленева Е.С., Ларионова И.В., Пищик В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(1):6–21. DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–1–6–21
14. Ушакова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022;55(3):218–226. DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–14
15. Амирханова Ф.С., Теняков И.М. Вопросы импортозамещения в контексте российско-китайского экономического сотрудничества. *Российский экономический журнал*. 2023;(2):24–39. DOI: 10.52210/0130–9757_2023_2_24
16. Глазьев С.Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(3):11–23. DOI: 10.22394/2073–2929–2022–03–11–23
17. Белоусов Д.Р. Неочевидные факторы неопределенности развития в долгосрочном периоде и способы адаптации к новым вызовам. *Экономическое возрождение России*. 2022;73(3):61–70. DOI: 10.37930/1990–9780–2022–3–73–61–70
18. Швецов А.В., Швецова Н.К. Отечественная экономика и финансы в период СВО. *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки»*. 2022;8(3):349–355. DOI: 10.30914/2411–9687–20
19. Ханин Г.И. Экономические последствия СВО и западных экономических санкций. *Идеи и идеалы*. 2022;14(4):259–282. DOI: 10.17212/2075–0862–2022–14.4.2–259–282
20. Андреев М.Ю., Полбин А.В. Оценка макроэкономических эффектов от ожидаемого сокращения нефтегазовых доходов. *Вопросы экономики*. 2023;(4):5–28. DOI: 10.32609/0042–8736–2023–4–5–28
21. Катюха П.Б. Запуск проекта «Восток ойл» как драйвер России в освоении Северного морского пути и создании нового мирового хаба энергоресурсов. *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2022;206(2):5–12. DOI: 10.33285/1999–6942–2022–2(206)–5–12
22. Дорофеев М.Л. Актуальные проблемы управления средствами фонда национального благосостояния РФ и пути их решения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*. 2019;46(4):652–668. DOI: 10.18413/2411–3808–2019–46–4–652–668
23. Шмиголь Н.С. Инвестиционная стратегия Фонда национального благосостояния: оценка и перспективы. *Самоуправление*. 2023;134(1):140–144. URL: <https://samupr.ru/wp-content/uploads/2023/03/Samouprav-№1–133–20231.pdf>.
24. Зимовец А.В., Климачев Т.Д. Анализ и оценка сценариев социально-экономического развития России в условиях санкционной блокады и непредсказуемости глобальных трендов мировой экономики. *Экономические отношения*. 2023;13(1):181–202. DOI: 10.18334/eo.13.1.117207
25. Чередниченко Л.Г., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Эффективная система государственного управления — основной фактор в борьбе с бедностью населения России. *Российский экономический журнал*. 2023;(2):4–23. DOI: 10.52210/0130–9757_2023_2_4

REFERENCES

1. Ershov M.V. Russian economy in the face of new sanctions challenges. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2022;(12);5–23. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2022–12–5–232022;(12);5–23
2. Safiullin M. R., Elshin L. A. Sanctions pressure on the russian economy: ways to overcome the costs and benefits of confrontation within the framework of import substitution. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2023;27(1):150–161. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–1–150–1612023;27(1):150–161
3. Shlychkov V.V. The Russian economy in 2023: a change of the development paradigm and structural transformation. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(1):51–57. URL: <https://www.vestnykeys.ru/0123/11.pdf>. 2023;(1):51–57. (In Russ.).
4. Aganbegyan A.G. On mitigation measures of the social and economic consequences following sanctions imposed by «unfriendly countries on Russia in 2022. *Noonomika i noobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.YU. Vitte = Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. 2022;1(2):36–56. (In Russ.). DOI: 10.37930/2782–618X-2022–1–2–36–56
5. Gafurova G.T., Bondarenko I.N. Lessons of sanctions for sustainable economic future of Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16(3):503–524. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782–2923.2022.3.503–534
6. Lyaskovskaya E.A., Antipin M.V. Import substitution processes in the sustainable development management. *Vestnik YUURGU. Seriya "Ehkonomika i menedzhment" = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2022;16(3):101–106. (In Russ.). DOI: 10.14529/em220311
7. Baranov A., Muzyko E., Pavlov V. Venture financing of import substitution projects in Russia: problems and prospects. *EKO = ECO*. 2022;53(1):118–132. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–1–118–132
8. Balatsky E.V., Ekimova N.A. The problem of technological sovereignty and the new mission of the central scientific department of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(2):28–36. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–2–28–36
9. Nikulin R.A., Demyanova O.V. Principles for ensuring the formation and development of technological sovereignty of macroeconomic systems. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Economy and entrepreneurship*. 2023;153(2):159–161. URL: <http://www.intereconom.com/component/content/article/470.html>. (In Russ.).
10. Dudin M.N., Shkodinsky S.V., Ivanov M.O. Current problems of ensuring the financial sovereignty of russia in the context of international sanctions. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2023;27(1):185–194. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–1–185–1942023;27(1):185–194
11. Anishenko A.V., Faibusovich K.B. Financial sovereignty and financial security of Russia in the modern world: the lessons of history. *Voprosy Istorii = History issues*. 2023;(1–2):118–127. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/542678866>. (In Russ.).
12. Aliyev O.M. Problematic aspects of achieving Russia's financial sovereignty. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2023;29(3):527–555. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.29.3.5272023;29(3):527–555
13. Abramova M.A., Dubova S.E., Ershov M.V., Zakharova O.V., Zeleneva E.S., Larionova I.V., Pishchik V. Ya. On the main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period of 2024 and 2025: the opinion of experts from the Financial University. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(1):6–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–1–6–21
14. Ushkalova D.I. Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Zhurnal Novoj ehkonomicheskoy asociacii = Journal of the New Economic Association*. 2022;55(3):218–226. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–14
15. Amirkhanova F.S., Tenyakov I.M. The spatial development of the Russian Federation: past and future. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2023;(2):24–39. (In Russ.). DOI: 10.52210/0130–9757_2023_2_24
16. Glazyev S. Yu. Problems of the development of the eurasian economic integration: how to resolve them? *Evrazijskaya integraciya: ehkonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;16(3):11–23. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073–2929–2022–03–11–23
17. Belousov D.R. Non-obvious factors of development uncertainty in the long run and ways to adapt to new challenges. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2022;73(3):61–70. (In Russ.). DOI: 10.37930/1990–9780–2022–3–73–61–70

18. Shvetsov A. V., Shvetsova N. K. Domestic economy and finance during a special military operation. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sel'skokhozyajstvennye nauki. Ehkonomicheskie nauki"* = *Bulletin of the Mari State University. Chapter Agriculture. Economics*. 2022;8(3):349–355. (In Russ.). DOI: 10.30914/2411–9687–202022;8(3):349–355
19. Khanin G. I. Economic consequences of the Special Military Operation and Western economic sanctions. *Idei i idealy = Ideas and ideals*. 2022;14(4):259–282. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075–0862–2022–14.4.2–259–282
20. Andreyev M. Y., Polbin A. V. Macroeconomic effects of the expected future decline in oil revenues for the Russian economy under capital control. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2023;(4):5–28. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2023–4–5–28
21. Katyukha P. B. Launch of the Vostok oil project as Russia's driver in the development of the northern sea route and the creation of a new global energy hub. *Problemy ehkonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of the oil and gas complex*. 2022;206(2):5–12. (In Russ.). DOI: 10.33285/1999–6942–2022–2(206)–5–12 (In Russ.).
22. Dorofeev M. L. Actual financial strategies for management of Russian national welfare fund. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Informatika = Belgorod State University Scientific Bulletin. Economics. Information technologies*. 2019;46(4):652–668. (In Russ.). DOI: 10.18413/2411–3808–2019–46–4–652–668
23. Shmigol N. S. Investment strategy of the national wealth fund: assessment and prospects. *Samoupravlenie*. 2023;134(1):140–144. URL: <https://samupr.ru/wp-content/uploads/2023/03/Samouprav-Nº 1–133–20231.pdf>. (In Russ.).
24. Zimovets A. V., Klimachev T. D. Analysis and evaluation of scenarios for the socio-economic development of Russia in the context of the sanctions blockade and the unpredictability of global trends in the world economy. *Ehkonomicheskie otnosheniya = Economic relations*. 2023;13(1):181–202. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.13.1.117207
25. Cherednichenko L. G., Gubarev R. V., Dzyuba E. I., Fayzullin F. S. An effective public administration system is the main factor in the fight against poverty in Russia. *Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2023;(2):4–23. (In Russ.). DOI: 10.52210/0130–9757_2023_2_4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Антонина Николаевна Ряховская — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, руководитель научной школы «Антикризисное управление», Финансовый университет, Москва, Россия
Antonina N. Ryakhovskaya — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Management, Head of the Scientific School "Crisis Management", Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9731-4759>
rectorat_ieay@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.11.2023; принята к публикации 12.01.2024.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 05.11.2023; accepted for publication 12.01.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131
УДК 339.56(045)
JEL F02, F51

Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях

Н.В. Сергеева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Современные тренды фрагментации мировой экономики и новые геополитические вызовы привели к беспрецедентному расширению межгосударственного объединения БРИКС. *Предметы исследования* – роль и место стран группы БРИКС в современной мировой экономике. *Цель работы* – определение перспектив взаимодействия стран в составе БРИКС в части расширения его состава и повышения значимости обновленного межгосударственного объединения в мировой экономике. В статье рассмотрены геополитические и финансовые причины, лежащие в основе расширения межгосударственного объединения, обобщены мнения специалистов о влиянии членства в БРИКС на экономику суверенных стран и потенциальном воздействии его расширенного состава на мировую экономику в целом. Проанализировано двустороннее торгово-экономическое сотрудничество стран в рамках БРИКС, неоднозначное влияние его расширения на функционирование объединения, исследованы его сильные и слабые стороны. Рассмотрена роль России в БРИКС. *Сделаны выводы* о перспективах расширенного состава БРИКС в мировой экономике, определены направления сотрудничества России с зарубежными партнерами по БРИКС.

Ключевые слова: расширение БРИКС; фрагментация мировой экономики; геополитические вызовы

Для цитирования: Сергеева Н.В. Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):119-131. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131

ORIGINAL PAPER

Russia and the BRICS in the New Geopolitical Realities

N.V. Sergeeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Current trends in the fragmentation of the global economy and new geopolitical challenges have led to an unprecedented expansion of the BRICS interstate association. *The subjects of the research* are the role and place of the BRICS countries in the modern world economy. *The purpose of the work* is to determine the prospects for cooperation between the BRICS countries in the context of expanding its membership and increasing the importance of the renewed association in the global economy. The article examines the geopolitical and financial reasons underlying the expansion of the interstate association, summarizes the opinions of experts on the impact of BRICS membership on the economies of sovereign countries and the potential impact of its expanded membership on the global economy as a whole. The bilateral trade and economic cooperation of the BRICS countries, the ambiguous impact of its expansion on the functioning of the association, and its strengths and weaknesses are analyzed. The role of Russia in the BRICS is considered. *Conclusions are drawn* about the prospects of an expanded BRICS membership in the global economy, and the directions of cooperation between Russia and foreign partners in BRICS are determined.

Keywords: BRICS expansion; fragmentation of the global economy; geopolitical challenges

For citation: Sergeeva N.V. Russia and the BRICS in the new geopolitical realities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(1):119-131. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131

Фрагментация мировой экономики, усугубившаяся под воздействием ограничений в период коронавирусной пандемии, продолжается в настоящее время в сложных геополитических условиях современного мира. Непростая ситуация, сложившаяся на мировом рынке энергоресурсов, возникновение проблем в поставках продовольствия в развивающиеся страны, кризисные явления в экономике США и многие другие факторы привели к тому, что группа стран БРИКС (от англ. BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa), долгое время остававшаяся «закрытым клубом», стала привлекательной для большого числа государств. Начиная с лета 2023 г. внимание мировой общественности, политологов и экономистов всех стран переключилось на это межгосударственное неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой. Принятое по итогам южноафриканского саммита БРИКС в Йоханнесбурге принципиальное решение об его расширении за счет принятия с 1 января 2024 г. шести новых членов¹ ставит ряд вопросов о будущем мировой экономики.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ПРИЧИНЫ РАСШИРЕНИЯ БРИКС

Межгосударственное объединение БРИКС, созданное вначале в формате БРИК в июне 2006 г. по итогам Петербургского международного экономического форума и расширенное до БРИКС после вступления в его члены Южно-Африканской Республики в 2010 г.², долгое время рассматривалось как некий стратегический, отчасти политический альянс государств, разных по государственному устройству и имевших определенные проблемы в двусторонних отношениях стран-участниц, но тем не менее осознававших необходимость объединения своих усилий как государств с динамично развивающимися национальными экономиками в противовес гегемонии США в мировых финансовых институтах и превалированию доллара США в международных расчетах.

При этом необходимо отметить, что с момента своего создания БРИКС придерживалось принципов взаимовыгодного сотрудничества и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Тем не менее начиная с 2017 г. КНР стала предпринимать активные действия по вовлечению в орбиту деятельности БРИКС крупнейших стран Азии, Африки и Латинской Америки. В частности, летом 2017 г. в Форуме политических партий, мозговых центров и гражданских организаций стран БРИКС, прошедшем в Фучжоу, по приглашению китайской стороны приняли участие 28 стран из разных регионов мира³.

Пандемия коронавируса и обусловленные ею ограничения в торгово-экономическом сотрудничестве стран, нарушение цепочек поставок важнейших товаров выявили повышенную уязвимость экономик многих развивающихся государств и усилили их притяжение к новому мировому центру силы, которым, без сомнения, становится межгосударственное объединение крупнейших развивающихся экономик БРИКС.

Отдельного внимания заслуживает нарастающая нестабильность финансовой системы США, существенный рост американского государственного долга. Несмотря на то, что доля доллара США в мировой валютной торговле (по данным на апрель 2022 г.) составляла 44%, страны – члены БРИКС имеют сегодня в своем распоряжении огромные долларовые активы и гипотетически в случае согласованных демпинговых действий на мировом финансовом рынке могут способствовать если не обрушению, то по крайней мере серьезному кризису долларовой системы.

Стремление развивающихся стран уйти от долларовой зависимости и создать собственную расчетную систему в противовес финансовой гегемонии США — еще один значимый фактор, повлиявший на расширение БРИКС [1].

Нельзя также оставлять без внимания проблему продовольственной безопасности развивающихся стран, обострившуюся за последний год в связи с проведением Россией СВО. Как известно, Россия является лидером по мировому экспорту зерна, на ее долю в 2019 г. приходилось 20% мирового экспорта пшеницы. Нарушения поставок зерновых культур из России и Украины привели к стремительному росту цен на них. Для преодоления возникшей ситуации и создания безопасного коридора в Черном море для транспортировки сельскохозяйственной продукции в июле 2022 г. была подписана так называемая

¹ URL: <https://brics2023.gov.za>.

² URL: <https://brics2023.gov.za/evolution-of-brics>.

³ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0613/c31516-9227554.html>.

зерновая сделка. Согласно данным ООН в рамках черноморской инициативы 38% всех поставок сельскохозяйственной продукции из Украины пришлось на страны ЕС, а на долю беднейших государств — менее 2,3%⁴. Данные МИД России свидетельствуют о том, что более 70% экспортированных в рамках зерновой сделки грузов были отправлены в страны с высоким и выше среднего уровнем доходов, включая страны Евросоюза.

Поскольку основополагающая цель черноморской инициативы — поставка зерна нуждающимся странам, включая африканские государства, достигнута не была, а интересы нашей страны ущемлялись введением незаконных односторонних санкций в отношении российской сельскохозяйственной продукции, Россия вышла из сделки 18 июля 2023 г.

Однако, как отмечается в заявлении МИД России по зерновой сделке № 1697–06–09–2023, Россия продолжит экспортировать отечественные продовольствие и удобрения, что будет способствовать стабилизации мировых цен и улучшению их общей доступности. Не прекращаем также усилий по безвозмездной передаче нашей продукции нуждающимся. В частности, в Малави (20 000 т.) и Кению (34 000 т.) уже были направлены российские удобрения. В предстоящий период планируется отправка таких удобрений в Зимбабве (23 000 т.), Нигерию (34 000 т) и на Шри-Ланку (55 000 т). Кроме того, до конца года планируются бесплатные поставки 200 000 т российской пшеницы в Сомали, ЦАР, Буркина-Фасо, Зимбабве, Мали и Эритрею. Чрезвычайно востребованным оказался совместный проект России, Турции и Катара по поставке 1 млн т зерна из России для переработки в Турции с последующей безвозмездной транспортировкой в беднейшие страны. Тем более, что речь идет примерно о том же объеме продовольствия, который был направлен нуждающимся в рамках черноморской инициативы» за год⁵.

Проблема обострения продовольственной безопасности послужила еще одной причиной притяжения ряда развивающихся стран к межгосударственному объединению БРИКС.

БРИКС: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Согласно прогнозным оценкам экспертов в 2023 г. объединение государств БРИКС должно было обес-

печить около 31,5% мирового ВВП (по паритету покупательной способности), в то время как доля G7 по этому показателю упала до 30%⁶.

Внешняя торговля стран БРИКС, несмотря на глобальные последствия пандемии коронавируса и произошедшие геополитические изменения, демонстрирует устойчивый рост. Как отмечалось на Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г., за период 2009–2022 гг. рост объемов внешней торговли составил 261%⁷.

В форматах многостороннего и двустороннего сотрудничества страны – члены БРИКС уделяют значительное внимание вопросам обеспечения эффективного взаимодействия в преодолении глобальных кризисов; формировании многополярной экономической стратегии; развитии альтернативных торговых и финансовых маршрутов; содействию экономическому подъему; диверсификации экономики; минимизации издержек, развитию электронной торговли [2].

Объединенные усилия БРИКС проявляются во взаимодействии в разработке платежных систем, альтернативных *SWIFT*, постепенном развитии недолларовой финансовой системы, создании общей платежной системы *BRICS Pay*, увеличении объемов торговли с использованием национальных валют стран-участниц и разработке подходов к созданию коллективной расчетной единицы. Так, за последние два года доля рубля и юаня в двусторонних расчетах между Российской Федерацией и КНР выросла с 25 до 80%⁸.

Специалисты полагают, что во внутренней торговле БРИКС в будущем важным шагом станет использование цифровых валют таких стран, как Россия, Китай и Индия [3], что позволит игнорировать глобальную сеть *SWIFT* при осуществлении двусторонней торговли между данными странами и будет способствовать снижению потенциальных угроз от односторонних действий других стран.

Новый банк развития БРИКС (*The New Development Bank, NDB*), учрежденный в 2014 г. в противовес Всемирному банку и Международному валютному фонду (далее — МВФ) с целью финансирования инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в государствах БРИКС и развивающихся

⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901054.

⁷ URL: <https://forumspb.com/news/news/delovoe-partnerstvo-briks-v-novyh-ekonomicheskikh-realiyah>.

⁸ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903598.

⁴ URL: <https://ria.ru/20231025/sdelka-1905067848.html>.

⁵ URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903205.

странах, активно сотрудничает со многими региональными банками развития. На повестку дня встает вопрос о возможном расширении состава участников БРИКС. Согласно сообщению *Financial Times* Саудовская Аравия рассматривает возможность присоединения к банку, что увеличит финансовые возможности данной кредитной организации⁹. По заявлению действующего президента *NDB* банк будет финансировать больше проектов в местной валюте для укрепления внутренних рынков и защиты своих заемщиков от риска колебаний валютных курсов и снижения негативного влияния международных банков, в которых доминируют западные страны. Санкционное давление западных стран на Россию, с одной стороны, и значимость Российской Федерации как торгового партнера, с другой стороны, создают в странах БРИКС дополнительные стимулы для расширения торговли с использованием национальных валют [4].

При установлении роли БРИКС в мировой экономике необходимо в первую очередь рассмотреть взаимное торгово-экономическое сотрудничество его стран-участниц.

ВЗАИМНОЕ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН – УЧАСТНИЦ БРИКС

Бесспорным экономическим лидером межгосударственного объединения является Китай. Торговля между КНР и другими странами БРИКС в значительной степени взаимодополняема, и специалисты полагают, что она продолжит расти.

После пандемии коронавируса экономика Китая вернулась на траекторию устойчивого восстановления. В первом полугодии 2023 г. темпы роста ВВП Китая составили 5,5% в годовом исчислении, а общий объем ВВП достиг около 8,3 трлн долл. США. Во II квартале этого года ВВП вырос на 6,3% в годовом исчислении¹⁰. Правительство КНР предприняло активные меры по стимулированию экономического роста, расширению внутреннего спроса и потребления, повышению гибкости цепочек поставок, привлечению иностранных инвестиций и снижению уровня безработицы. Основными товарами китайского экспорта в другие страны БРИКС выступает

механическая и электротехническая продукция, а основными статьями импорта являются энергетические ресурсы, товары сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности (согласно данным экспертов на них приходится около 76,3% от общей стоимости китайского импорта из стран БРИКС)¹¹.

Безусловно, экономика КНР зависит от ряда проблем как внутреннего, так и внешнего характера, к числу которых можно отнести сложную ситуацию на китайском рынке недвижимости, неудовлетворительное состояние экологии страны, ужесточение глобальных финансовых условий и рост геополитической напряженности.

Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Индией, несмотря на напряженные политические отношения и спорные вопросы обеспечения территориальной безопасности, достаточно стабильно. Основными товарами, экспортируемыми Китаем, являются компьютеры, смартфоны и полупроводники, а Индией — железная руда, очищенная нефть и необработанный алюминий. По итогам 2022 г. объем торговли между этими странами достиг исторического максимума в 135,98 млрд долл. США¹². На саммите в Йоханнесбурге лидеры обоих государств выразили желание урегулировать существующие проблемы в области двусторонних отношений. Если консенсус будет достигнут, развитие торговли между КНР и Индией может стать более динамичным при условии расширения инфраструктурных связей двух стран, что будет способствовать дальнейшему усилению роли обеих стран как на мировой политической арене, так и в мировой экономике в целом и, безусловно, усилит позиции БРИКС.

Индия подписала в свою очередь соглашения о свободной торговле со своими партнерами и приняла ряд иных мер развития, включая выработку планов по созданию цифровой торговой платформы [5].

Индийская экономика переживает уверенный экономический рост, восстанавливаясь после пандемийного кризиса, и согласно прогнозам специалистов в 2022/2023 финансовом году ее ВВП увеличится на 7,2%. За последнее десятилетие индийское правительство выдвинуло множество инициатив, направленных на укрепление экономики, быстрый

⁹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2023/6472bba69a79476029c905c3>.

¹⁰ URL: <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlya-mezhdu-stranami-briks-i-ee-analiz-na-2023-god.html>.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

экономический рост и экспорт. Номинальный ВВП Индии по данным на июнь 2023 г. составил около 3,75 трлн долл. США с существенным темпом роста в 16,1%¹³.

Правительство Индии уделяет особое внимание развитию сектора услуг, увеличению промышленного производства и его экспорта, делает акцент на сектор информационных технологий, повышение потребления, частные инвестиции, использование преимуществ имеющихся ресурсов, увеличение инвестиций в частный сектор, постоянный приток прямых иностранных инвестиций для обеспечения экономического роста страны: сегодня Индия является пятой по величине экономикой мира.

При отсутствии полной зависимости от конкретной отрасли промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг и финансы являются важными секторами индийской экономики и торговли. За последнее десятилетие Индия почти удвоила свой ВВП на душу населения и может использовать БРИКС как платформу для усиления своего глобального влияния [6].

Двусторонние торгово-экономические отношения между Индией и Бразилией также развиваются достаточно динамично. В настоящее время Индия является пятым по величине торговым партнером Бразилии. В 2022 г. Индия экспортировала в Бразилию продукции на 9,72 млрд долл. США, а Бразилия в Индию — на 6,34 млрд долл. США, что больше, чем в 2021 г., когда объем экспорта составил 4,9 млрд долл. США.

Основными статьями экспорта в Бразилию являются очищенная нефть, пестициды и лекарственные средства. Основными товарами, экспортируемыми Бразилией в Индию, являются сырая нефть, соевое масло и золото.

Во взаимоотношениях Индии и ЮАР акцент делается в целом на весь африканский континент и особенно на Восточную Африку. В 2022/2023 финансовом году общий объем торговли Индии с Африкой вырос на 9,26% и достиг почти 100 млрд долл. США, к 2030 г. планируется удвоить этот показатель до 200 млрд долл. США¹⁴. В отличие от Китая или России, заинтересованных в связях ЮАР внутри региона, Индия уже имеет значительную африканскую торговую сеть, истоки которой восходят к периоду британского колониализма. Таким образом, ЮАР

не так важна с точки зрения общей африканской политики Индии, но торговля с ней характеризуется стабильностью и имеет перспективы для дальнейшего роста. В 2022 г. объем двусторонней торговли приблизился к 20 млрд долл. США, что свидетельствует о сбалансированности торговых отношений и небольшом росте по сравнению с 2021 г. Основными товарами, поставляемыми ЮАР в Индию, являются золото, угольные брикеты и необработанная медь. В свою очередь ЮАР является импортером очищенной нефти, автомобилей и судов специального назначения из Индии.

В торгово-экономическом сотрудничестве в рамках БРИКС Бразилия ориентируется в основном на Китай и Индию. В 2022 г. основным торговым партнером Бразилии был Китай. Поскольку Бразилия является ведущей страной в Меркосур [*Mercosur* или *Mercosul* (от исп. яз. *Mercado Común del Sur*, от порт. яз. *Mercado Comum do Sul*)] — общем рынке стран Южной Америки, она может стать связующим звеном между двумя объединениями. Бразилия, насчитывающая более 200 млн человек населения, является крупнейшей страной и экономикой в Латинской Америке. Благодаря расширению торговли и интернационализации экономики Бразилия обеспечивает продовольствием около полутора миллиардов человек.

Экономика Бразилии обладает большим потенциалом в сельскохозяйственном, промышленном и сервисном секторах, но страдает от низкой производительности труда. В 2022 г. ВВП Бразилии достиг 1,894 трлн долл. США, увеличившись на 2,9% по сравнению с предыдущим годом. ВВП на душу населения в 2022 г. составил 8831 долл. США. Почти 2/3 ВВП Бразилии приходится на сферу услуг, а для экономики страны характерны циклы бумов и спадов.

Бразилия остается крупнейшим получателем притока прямых иностранных инвестиций в Латинскую Америку и является третьим по величине торговым партнером ЮАР в рамках БРИКС с объемом двусторонней торговли в 2022 г. около 2,3 млрд долл. США.

Бразилия экспортирует мясо, тракторы и ферросплавы, а ЮАР — платину, необработанный алюминий и пестициды.

Двусторонние бразильско-китайские отношения также развиваются весьма динамично. Согласно данным Главного таможенного управления Китая в 2022 г. объем двусторонней торговли между

¹³ URL: <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlyamezhdu-stranami-briks-i-ee-analiz-na-2023-god.html>.

¹⁴ URL: <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlyamezhdu-stranami-briks-i-ee-analiz-na-2023-god.html>.

Китаем и Бразилией достиг 165,6 млрд долл. США. В апреле 2023 г. обе страны подписали несколько торговых соглашений, которые способствовали дальнейшему росту этого показателя. Основными товарами, которые Бразилия экспортирует в Китай, являются железная руда, соевые бобы и сырая нефть. Китай экспортирует полупроводники, офисную технику и смартфоны¹⁵. Подписанные в апреле 2023 г. соглашения позволят расширить сотрудничество по целому ряду вопросов — от развития аэрокосмической отрасли до инвестиций в инфраструктуру.

ЮАР, представляя в БРИКС Африку, является важным региональным партнером, способствующим открытию более широкого континентального африканского рынка. Кроме того, ЮАР помогает продвигать интересы Африки, поддерживает присутствие БРИКС в Африканской континентальной зоне свободной торговли, особенно в области развития инфраструктуры устойчивого развития.

ЮАР обладает развитой инфраструктурой и выступает одним из крупнейших экспортеров золота и платины.

Жесткие внутренние ограничения привели к замедлению темпов увеличения ВВП ЮАР до 730,9 млрд долл. США в 2022 г., снизившись на 2% с 4,9%, которые были достигнуты в 2021 г. ЮАР предстоит также решить множество социальных проблем: 30% населения живет в условиях крайней бедности, высок уровень неравенства, а безработица по состоянию на декабрь 2022 г. составила 32,7%. Помимо нехватки электроэнергии, проблемы создают жесткая финансовая и кредитно-денежная политика и негативное влияние изменений в мировой экономике. Тем не менее ЮАР поддерживает расширение БРИКС и сумела увеличить свой торговый поток со странами БРИКС, особенно с Китаем, объем двусторонней торговли с которым составил 56,74 млрд долл. США в 2022 г. Это на 11% больше, чем в 2021 г., в том числе благодаря росту цен на сырьевые товары. В 2023 г. объемы торговли между странами растут меньшими темпами, но, по мнению специалистов, демонстрируют устойчивость. Основными товарами, которые Китай экспортирует в Южную Африку, являются радиовещательное оборудование, компьютеры и плоский прокат с покрытием.

ЮАР экспортирует в Китай золото, алмазы и железную руду¹⁶. Хотя специалисты отмечают, что ЮАР

никогда не станет для Китая крупным двусторонним торговым партнером, взаимовыгодная торговля двух стран развивается и выглядит устойчивой. КНР рассматривает ЮАР как своеобразные ворота в Африку, которые можно использовать для расширения связей с Восточно-Африканским побережьем и подключения через Ближний Восток к международному транспортному коридору «Север–Юг» и другим торговым маршрутам.

Отложив на время рассмотрение вопроса о торгово-экономическом сотрудничестве России со своими партнерами по БРИКС, проанализируем, как изменятся позиции БРИКС в мировой экономике после заявленного расширения его состава.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАШИРЕНИЯ СОСТАВА БРИКС

С 1 января 2024 г. к нынешним пяти членам — Бразилии, России, Индии, Китаю и ЮАР — присоединятся Иран, Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ и Эфиопия. Именно эти страны были выбраны после длительных консультаций среди 23 государств, подавших заявки на присоединение.

Президент КНР Си Цзиньпин назвал это расширение «историческим»¹⁷. Как известно, именно он был ведущим сторонником приема новых членов, представляя расширенный БРИКС как способ для глобального Юга получить более сильный голос в мировых делах.

Наиболее явно преимущества расширенного состава видны при рассмотрении ряда экономических показателей БРИКС.

В *табл. 1* приведен прогноз ВВП по странам БРИКС и потенциальным странам-членам на 2023 г. (по данным МВФ).

Как следует из *табл. 1*, совокупный ВВП действующих стран БРИКС составляет 26,4% мирового ВВП, а после расширения межгосударственного объединения будет равным 29,3%.

Для сравнения: по данным МВФ, доля США в мировом ВВП в 2023 г. предположительно составит 25,4%. Таким образом, прирост, хотя и не столь значительный, упрочит позиции БРИКС как нового центра силы в мировой экономике.

Приведенный в *табл. 2* прогноз численности населения по странам БРИКС и потенциальным странам-членам на 2023 г. (по данным *World Population Review*) свидетельствует о том, что численность насе-

¹⁵ URL: <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlyamezhdu-stranami-briks-i-ee-analiz-na-2023-god.html>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ URL: <https://ria.ru/20230824/briks-1891926614.html>.

Таблица 1 / Table 1

Прогноз ВВП по БРИКС и потенциальным странам-членам на 2023 год / GDP forecast for BRICS and potential member countries for 2023

Страна / Country	ВВП (млрд долл. США) / GDP (USD billions)	Доля в мировом ВВП (%) / Share of Global GDP (%)
Бразилия / Brazil	2081	2,0
Россия / Russia	2063	2,0
Индия / India	3737	3,6
Китай / China	19 374	18,4
ЮАР / South Africa	399	0,4
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	1062	1,0
Иран / Iran	368	0,4
Эфиопия / Ethiopia	156	0,1
Египет / Egypt	387	0,4
ОАЭ / UAE	499	0,5
БРИКС всего / BRICS Total	30767	29,3
Остальной мир / Rest of World	74362	70,7

Источник / Source: составлено автором по данным МВФ / compiled by the author according to IMF. URL: <https://www.imf.org>.

ления действующих стран БРИКС в 2023 г. составит 40,8% общемирового показателя.

В результате расширения в странах БРИКС будет проживать около половины численности населения земного шара (46%).

В табл. 3 приведена доля стран БРИКС и потенциальных стран-членов в добыче нефти по итогам 2022 г.

Приведенные в табл. 3 данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что выбор государств из числа стран-заявителей на членство в БРИКС был во многом обусловлен его колоссальным расширением в области добычи такого важнейшего минерального ресурса, как нефть. Если доля действующих стран БРИКС составляла (по итогам 2022 г.) 20,4% мирового показателя, то после расширения союза доля БРИКС в добыче нефти возрастет более чем в два раза и составит 43,1%.

Приведенный в табл. 4 прогноз мирового экспорта по странам БРИКС и потенциальным странам-членам на 2022 г. свидетельствует о том, что расширение БРИКС приведет к увеличению доли союза примерно на 5%.

Безусловно, Китай как крупнейший в мире экспортер является лидером в группе БРИКС по дан-

ному показателю (14,4%), в то время как доля США в мировом экспорте товаров и услуг составляет около 9,6%. Таким образом, по показателю экспорта расширенная группа БРИКС выглядит очень весомо с долей в ¼ мирового значения.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что в качестве основных критериев, по которым осуществлялся выбор стран для расширения БРИКС, учитывались как экономические, так и геополитические факторы, в том числе географическая сбалансированность союза, политическое соответствие новых членов, а именно поддержка ими идеи многополярного мироустройства и необходимости реформы международных институтов, и поддержка идеи финансового суверенитета, т.е. необходимости дедолларизации национальной экономики.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ СО СТРАНАМИ БРИКС

Внешнеторговый оборот России с партнерами по БРИКС показывает ощутимый рост. По данным Минэкономразвития России, по итогам 2021 г.

Таблица 2 / Table 2

**Прогноз численности населения БРИКС и потенциальных стран-членов на 2023 г. /
Population forecast of BRICS and potential member countries for 2023**

Страна / Country	Население / Population	Доля в мире (%) / Share of Global (%)
Бразилия / Brazil	216 422 446	2,7
Россия / Russia	144 444 359	1,8
Индия / India	1 428 627 663	17,8
Китай / China	1 425 671 352	17,7
ЮАР / South Africa	60 414 495	0,8
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	36 947 025	0,5
Иран / Iran	89 172 767	1,1
Эфиопия / Ethiopia	126 527 060	1,6
Египет / Egypt	112 716 598	1,4
ОАЭ / UAE	9 516 871	0,1
БРИКС всего / BRICS Total	3,7 млрд	46,0
Остальной мир / Rest of World	4,3 млрд	54,0

Источник / Source: составлено автором по данным World Population Review / compiled by the author according to World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries>.

Таблица 3 / Table 3

**Доля стран БРИКС и потенциальных стран-членов в добыче нефти в 2022 г. / Share of BRICS countries
and potential member countries in oil production, 2022**

Страна / Country	Тыс. баррелей в день / Thousand Barrels per Day	Доля в мире (%) / Share of Global (%)
Бразилия / Brazil	3107	3,3
Россия / Russia	11 202	11,9
Индия / India	737	0,8
Китай / China	4111	4,4
ЮАР / South Africa	0	0,0
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	12 136	12,9
Иран / Iran	3822	4,1
Эфиопия / Ethiopia	0	0,0
Египет / Egypt	613	0,7
ОАЭ / UAE	4020	4,3
БРИКС всего / BRICS Total	40 454	43,1
Остальной мир / Rest of World	53 394	56,9

Источник / Source: составлено автором по данным Energy Institute Statistical Review of World Energy 2023 / compiled by the author according to Energy Institute Statistical Review of World Energy 2023. URL: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf.

Таблица 4 / Table 4

**Прогноз мирового экспорта БРИКС и потенциальных стран-членов в 2022 году /
Forecast of world exports of BRICS and potential member countries, 2022**

Страна / Country	Экспорт (млрд долл. США) / Exports (USD billions)	Доля в мире (%) / Share of Global (%)
Бразилия / Brazil	334	1,3
Россия / Russia	532	2,1
Индия / India	453	1,8
Китай / China	3594	14,4
ЮАР / South Africa	123	0,5
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	410	1,6
Иран / Iran	73	0,3
Эфиопия / Ethiopia	3,9	0,02
Египет / Egypt	49	0,2
ОАЭ / UAE	599	2,4
БРИКС всего / BRICS Total	6259	25,1
Остальной мир / Rest of World	18 646	74,9

Источник / Source: составлено автором по данным ВТО / compiled by the author according to WTO. URL: <https://wto.org>

товарооборот увеличился на 40% и достиг рекордных 164 млрд долл. США¹⁸.

Китай был и, безусловно, остается основным торговым партнером России среди стран БРИКС, что обусловлено причинами как экономического, так и геополитического характера.

После введения антироссийских санкций в 2014 г. и их ужесточения в 2022 г. торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами существенно расширилось. По итогам 2022 г. товарооборот России и Китая вырос почти на треть. В первом полугодии 2023 г. расширение взаимной торговли продолжилось и торговля выросла на 20% по сравнению с ана-

¹⁸ URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vneshnetorgovyy_oborot_rossii_s_partnerami_po_briks_uvelichilsya_na_40.html#:~:text=%D0%9F%D1%80%D0%B8%20%D1%8D%D1%82%D0%BE%D0%BC%20%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8,%D1%81%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%BC%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%BC%202021%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.

логичным периодом 2022 г. Как отметил в своем видеообращении к организаторам и участникам Международного форума «РОСТКИ: Россия и Китай — взаимовыгодное сотрудничество» (от РОС — Россия, КИ — Китай, а Т между ними — Татарстан как гостеприимная площадка для эффективного диалога) 8 сентября 2023 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров, «...в настоящее время наблюдается существенный прирост двустороннего товарооборота, он уже два года подряд увеличивается на треть. Учитывая динамичное расширение наших экономических обменов, в текущем году мы сможем досрочно выполнить поставленную главами государств задачу по доведению к 2024 г. объемов российско-китайской торговли до 200 млрд долл.»¹⁹. Россия является основным поставщиком в Китай таких минеральных ресурсов, как уголь, нефть, природный газ. В структуре китайского импорта Россия стоит на первой позиции по нефти и выступает альтернативой морским поставкам нефти из стран — членов ОПЕК. Между странами увеличиваются также объемы торговли продук-

¹⁹ URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903598.](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1903598)

цией сельского хозяйства. За первые пять месяцев 2023 г. экспорт из России в Китай увеличился на 84%. Российский экспорт в Китай имеет сырьевую направленность, в то время как в структуре импорта России из Китая преобладают промышленная продукция (42,6%), текстиль и одежда (12%), продукция химической промышленности (10,9%), металлы (8,4%), транспортные средства [7].

Индия на протяжении многих лет является важным стратегическим партнером России. В 2022 г. товарооборот России с Индией вырос в 2,5 раза²⁰. Наибольшую долю в структуре российского экспорта в Индию занимают энергетические ресурсы; так, в 2022 г. Индия стала крупнейшим импортером российских энергоресурсов, а в ноябре 2022 г. закупила около 40% всех экспортных объемов российской нефти сорта *Urals*, перевозимых по морю. Вторую позицию в российском экспорте в Индию занимает так называемый скрытый экспорт: по данному разделу может проходить торговля в области оружия, химических продуктов, ядерного (возможно, уранового) топлива и других ресурсов [7]. Также Россия экспортирует драгоценные металлы и изделия из них, цветные металлы, электрические машины, транспортные средства, продукты неорганической химии, резинотехнические изделия. Товарная структура импорта России из Индии представлена машиностроительной и фармацевтической продукцией, товарами химической промышленности. Весомую часть импорта составляют сельскохозяйственная (кофе, чай) и текстильная продукция. За последние два года Россия стремительно переместилась с 25-го на 7-е место среди торговых партнеров Индии. В период с апреля 2022 по февраль 2023 г. объем двусторонней торговли достиг рекордных 45 млрд долл. США. Почти треть этого объема составили минеральные продукты (включая руду и топливо).

Специалисты считают, что можно ожидать дальнейшего роста двусторонней торговли, учитывая взаимно востребованные товарные позиции, которыми обладают обе страны, а также улучшение торговых маршрутов, которые в скором времени станут доступны через коридор «Север–Юг».

Объем торговли между Бразилией и Россией к концу 2022 г. достиг рекордной отметки — около 10 млрд долларов США²¹. Причиной этому послужил рост

²⁰ URL: <https://forumspb.com/news/news/delovoe-partnerstvo-briks-v-novyh-ekonomicheskikh-realijah>.

²¹ URL: <https://forumspb.com/news/news/delovoe-partnerstvo-briks-v-novyh-ekonomicheskikh-realijah>.

объемов закупки Бразилией российских энергоносителей и удобрений. Бразильские потребительские товары, такие как мясо, сыры и вина, также стали появляться на прилавках российских магазинов. По сравнению с 2021 г. объем российско-бразильской торговли вырос в 13,8 раза, что свидетельствует о колоссальном прогрессе в торгово-экономическом сотрудничестве. Основными товарами, экспортируемыми Россией в Бразилию, являются смешанные минеральные, калийные и азотные удобрения. Второе место в структуре российского экспорта занимают топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки, третье — черные металлы. Бразилия закупает у России каменный уголь, каучук, серу, серебро, платину и другие металлы платиновой группы. Основными товарами, экспортируемыми Бразилией в Россию, являются соевые бобы, мясо и кофе [7].

Двусторонний товарооборот между Россией и ЮАР в 2022 г. увеличился на 16,4% по сравнению с предыдущим годом и достиг 1,3 млрд долл. США, торговля с Россией находится по словам посланника ЮАР в Москве на «очень низком уровне»: с января по июнь 2023 г. объем экспорта ЮАР в Россию составил всего 132 млн долл. США. Тем не менее впервые за последние 30 лет были установлены прямые морские маршруты, а проведение Россией в Санкт-Петербурге в начале этого года саммита Россия-Африка может принести свои плоды²².

Основу экспорта из России составляют удобрения, минеральное топливо и продукты нефтеперегонки, пластмассы и изделия из них, злаковые культуры. Ключевые категории российского импорта из ЮАР — фрукты и орехи, руды, шлак и зола, средства наземного транспорта, котлы, оборудование и механические устройства²³. Так, в структуре экспорта/импорта двух стран преобладают минеральное сырье, удобрения и сельскохозяйственная продукция. Доля ЮАР в торговле с Россией занимает около 1%.

В целом «товарооборот России со странами Африки в 2022 г. увеличился и достиг почти 18 млрд долл. США»²⁴. С учетом актуальности проблемы

²² Там же.

²³ URL: <https://russianembassyza.mid.ru/web/russianembassyza-ru/ekonomiceskoe-sotrudnicestvo>.

²⁴ URL: https://russianembassyza.mid.ru/web/russianembassyza-ru/press-relizy-posol-stva-/asset_publisher/v9OgnCcihadF/content/stat-a-vladimira-putina-rossia-i-afrika-ob-edinaa-usilia-dla-mira-progressa-i-uspesnogobudusego-?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Frussianembassyza.mid.ru%3A443%2Fweb%2Frussianembassyza-ru%2Fpress-relizy-posol-stva%3Fp_id%3D_101_

продовольственной безопасности экспорт российских зерновых и удобрений в Африку будет носить стратегический характер. Очевидно, что для России в ближайшую четверть века этот континент представляет собой потенциально огромный рынок медицинских и образовательных услуг.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И БРИКС

В глобальной экономике Россия является важным источником мировых запасов нефти и природного газа, а также минералов, продуктов питания и древесины. Российская экономика смогла адаптироваться к введенным против нее санкциям, а исторически сложившиеся торговые пути в значительной степени переориентировались на восточные рынки. Согласно данным МВФ прогноз роста ВВП России на 2023 г. составляет 1,5%²⁵. Однако рост ВВП России во II квартале 2023 г. равнялся 4,9%²⁶, что может свидетельствовать о более значительных, чем прогнозируется, темпах роста.

Концепция внешней политики России, новая редакция которой была опубликована 31 марта 2023 г., акцентирует внимание на переоценке тенденций развития современного мира, целесообразности восстановления координирующей роли ООН, необходимости борьбы с неокOLONIALНЫМИ практиками. Особое внимание в вышеуказанном документе уделяется мерам содействия международному развитию, трансформации иерархии страновых приоритетов. Особо отмечается, что при выстраивании взаимодействия с партнерами и союзниками Россия исходит из принципа соблюдения взаимного уважения интересов и недопущения создания разделительных линий по блоковому принципу, подчеркивается необходимость развития отношений с различными региональными торговыми блоками и рассматриваются возможности развития глобальной торговли и инвестиций²⁷ [8].

В соответствии с утвержденной концепцией и в контексте расширения БРИКС Россия продолжит

совместную работу со странами межгосударственного объединения по противодействию рискам и вызовам мировой экономики для содействия глобальному восстановлению, обеспечению продовольственной безопасности, искоренению бедности и достижения целей устойчивого развития в целом. Россия является участницей Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г., Дорожной карты по ее реализации в части торговли и инвестиций, Рамочного соглашения о партнерстве БРИКС в цифровой экономике, Плана действий по сотрудничеству стран БРИКС в области сельского хозяйства на 2021–2024 гг. и Стратегии сотрудничества стран БРИКС в области продовольственной безопасности²⁸.

В области двусторонних отношений с партнерами по БРИКС Россия будет динамично развивать сотрудничество в торгово-экономической и других сферах со всеми членами объединения. Российско-китайское торговое партнерство является быстро растущим и развивающимся, в ближайшей перспективе оно еще больше ускорится с учетом расширения использования взаимных цифровых валют, улучшения евразийских связей и обоюдного, четко выраженного стремления отказаться от гегемонии международных торговых структур и перейти на более инклюзивную многостороннюю платформу. Сотрудничество с Индией, как ожидается, будет способствовать быстрому росту торговли, основанной на энергоносителях, и увеличению объемов торговли несырьевыми товарами. По мере адаптации индийских и российских компаний, а также введения в действие таких цепочек поставок, как коридор «Север–Юг», развитие двусторонней торговли между двумя членами БРИКС представляется весьма перспективным. Бразилия частично заполнила пробел в торговле России со странами Евросоюза, оставленный Испанией и Португалией. Необходимо отметить участие России в программах развития атомной энергетики Бразилии как взаимовыгодное и потенциально перспективное направление. Учитывая, что туризм и другие виды торговли могут приносить взаимную выгоду, можно ожидать, что этот торговый коридор останется динамичным в ближайшем будущем. В торгово-экономическом сотрудничестве России с ЮАР также просматриваются благоприятные возможности.

INSTANCE_v9OgnCcihadF%26p_p_lifecycle%3D 0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D 2.

²⁵ URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/07/10/world-economic-outlook-update-july-2023>.

²⁶ URL: <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlya-mezhdu-stranami-briks-i-ee-analiz-na-2023-god.html>.

²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229.

²⁸ URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1905336.

Необходимо также отметить, что Россия — ведущий член Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), где действуют соглашения о свободной торговле с Ираном, Сербией и Вьетнамом, ведутся переговоры о заключении соглашений о зоне свободной торговли с рядом других стран, включая Индию, входящую в БРИКС. Иностранные инвесторы, зарегистрированные в ЕАЭС, могут получать доступ на эти смежные рынки в соответствии с правилами происхождения товаров. Поэтому в контексте взаимодействия двух союзов у России также есть определенные перспективы.

Между странами БРИКС отчетливо прослеживается торговая взаимодополняемость: Россия сильна в фундаментальной науке, Индия выступает мировым лидером в информационных технологиях, Бразилия имеет преимущества в биотехнологиях и современном интенсивном сельском хозяйстве, Китай сегодня выступает одним из лидеров в производстве высокотехнологической продукции, ЮАР владеет технологиями добычи полезных ископаемых [8]. Поэтому потенциал стран БРИКС в области взаимовыгодного сотрудничества огромен. Укрепление научно-технического сотрудничества и обменов способствует достижению взаимодополняющих преимуществ и совместного развития стран БРИКС, а также преодолению монопольного положения и технических барьеров западных развитых стран и сокращению технологического разрыва.

ВЫВОДЫ

Страны БРИКС в составе действующей «пятерки» обладают безусловными преимуществами, к числу которых можно отнести прежде всего взаимодополняемость экономик в развитии взаимовыгодных двусторонних отношений и способность быстро адаптироваться к изменяющимся внешним условиям (что показал экономический рост в постпандемийный период). Кроме того, для стран БРИКС характерны рост экспорта услуг и развитие данного сектора экономики в целом, а также динамичное развитие индустриального сектора.

Однако существует ряд факторов, препятствующих динамичному и сплоченному развитию

межгосударственного объединения, что будет еще заметнее в составе расширенного формата БРИКС. Это разный уровень экономического развития, наличие таких проблем социального характера, как неравенство, бедность, низкий охват населения образованием, слабая доступность благ, наличие регионального экономического неравенства, поскольку страны, имеющие большие территории, отличаются неравномерным экономическим пространственным развитием. Кроме того, успешное функционирование нового Банка развития БРИКС в сфере финансирования проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития не решает проблему отсутствия межрегиональной валютно-финансовой системы стран БРИКС. Страны также испытывают определенные проблемы в традиционной энергетике и обладают неравноценными возможностями перехода на возобновляемые источники энергии.

Обобщая сильные и слабые стороны БРИКС, можно заключить, что, хотя БРИКС и не является интеграционным объединением в полном смысле этого слова, широкие общие интересы стран-участниц открывают большие возможности. Если рассматривать БРИКС как рынок, то он в особенности в расширенном составе располагает всеми необходимыми ресурсами для динамичного роста и развития. С присоединением новых стран-членов, в особенности крупнейших нефтедобывающих стран, БРИКС будет играть гораздо более значимую роль в мировой экономике.

Россия, активно поддерживающая Китай в идее расширения БРИКС, находится в авангарде движения к дедолларизации и выступает за расширение взаимных торговых расчетов в национальных валютах. Обладая значительными запасами энергоресурсов и минерального сырья, Россия стремится извлекать максимальную выгоду из своего сырьевого экспорта. Выступая в составе группы БРИКС за равноправие его членов, поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях, Россия повышает свой престиж на мировой политической арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Kondratov D. I. Internationalization of the currencies of BRICS countries. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(1):37–50. DOI: 10.1134/S 1019331621010044
2. Ouyang Y., Yi X., Tang L. Economic growth and transformation path of the brics countries. *Growth and Transformation of Emerging Powers*. 2019:113–187. DOI: 10.1007/978–981–32–9744–9_4

3. Coquidé C., Lages J., Shepelyansky D.L. Prospects of BRICS currency dominance in international trade. *Applied Network Science*. 2023;8:65. DOI: 10.1007/s41109-023-00590-3
4. Savage R. What is a BRICS currency and is the U.S. dollar in trouble? *Reuters*. 2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/what-is-brics-currency-could-one-be-adopted-2023-08-23>.
5. Rahman M.N., Fatima Z., Rahman N. Quantitative dynamics of intra-BRICS trade. *BRICS Journal of Economics*. 2020;1(4):6–23. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-1-4-2
6. Mokhammad A. The features of logistics network structures and prospects for their transformation in the BRICS countries. *BRICS Journal of Economics*. 2023;4(3):301–319. DOI: 10.3897/brics-econ.4.e109228
7. Ковалева Е. И., Растопчина Ю. Л., Божков Ю. Н., Брежнев А. Н. Оценка взаимной торговли России со странами БРИКС. *Индустриальная экономика*. 2023;2:14–19. DOI: 10.47576/2949-1886_2023_2_14
Kovaleva E. I., Rostopchina Y. L., Bozhkov Y. N., Brezhnev A. N. Assessment of Russia's mutual trade with the BRICS countries. *Industrial'naya ekonomika = Industrial economy*. 2023;2:14–19. (In Russ.). DOI: 10.47576/2949-1886_2023_2_14
8. Duggan N., Hooijmaaijers B., Rewizorski M., Arapova E. Introduction: 'The BRICS, global governance, and challenges for south-south cooperation in a post-western world'. *International Political Science Review*. 2022;43(4):469–480. DOI: 10.1177/01925121211052211

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Сергеева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Natalia V. Sergeeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-4625-8659>

sergeeva69@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 02.11.2023; accepted for publication 15.01.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-132-144
УДК 339.9(045)
JEL O31, O33

Направления изменений международного технологического обмена в современных условиях

Л.С. Ревенко^а, Н.С. Ревенко^б

^а МГИМО МИД России, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – трансформация направлений международного технологического обмена в условиях множественных ограничений со стороны стран, обладающих высоким технологическим потенциалом. *Цель работы* – определение возможных путей дальнейшего технологического сотрудничества России со странами, являющимися объектами санкционных ограничений. *Актуальность статьи* обусловливается необходимостью для России нахождения новых ниш и направлений технологического обмена с зарубежными странами. *Методология исследования* включает использование статистических методов, оценку эмпирических данных, конкретизацию и абстрагирование, классификацию, структурирование систематизации объектов. *Сделан вывод* о том, что обеспечение инновационной компоненты экономического роста стран мира за счет сочетания собственных ресурсов и коммерческого и некоммерческого обменов технологиями является долгосрочной тенденцией. В условиях растущей геополитической напряженности развитые страны стали все более активно вводить ограничения на передачу технологий и высокотехнологичных товаров. Неизбежным следствием такого положения стало формирование новых пространственно-географических направлений международного технологического сотрудничества. Для стран, на которые направлены санкционные ограничения, важным ответным действием является формирование новых векторов сотрудничества, в том числе ориентация экспорта и импорта технологий на дружественные страны, развитие некоммерческих форм технологического обмена, включая научные контакты, обучение специалистов, проведение бизнес-форумов. Обеспечение технологического суверенитета России и других подсанкционных стран возможно за счет совершенствования научной инфраструктуры и создания условий для привлечения внутренних и внешних инвестиций.

Ключевые слова: технологический обмен; санкционные ограничения; экспорт и импорт технологий; некоммерческое сотрудничество

Для цитирования: Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Направления изменений международного технологического обмена в современных условиях. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):132-144. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-132-144

Lines of Changes in International Technological Exchange in the Current Environment

L.S. Revenko^а, N.S. Revenko^б

^а MGIMO University, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the transformation of the lines of international technological exchange in the context of multiple restrictions from the countries with high technological potential. *The purpose of the work* is to identify possible ways for further technological cooperation of Russia with countries that are subject to sanctions restrictions in this area. *The article rationale* is determined by the need for Russia to find new niches and areas of technological exchange with foreign countries. The research methodology includes the use of general scientific methods, namely statistical one, evaluation of empirical data, specification and abstraction, expert assessments, classification, structuring and systematization of objects. The research methodology includes the use of general scientific methods, namely statistical, evaluation of empirical data, concretization and abstraction, expert assessments, classification, structuring and objects arrangement. *The article concludes* that ensuring the innovative component of the economic growth of the countries around the world through a combination of their own resources and commercial and non-commercial technology exchange is a long-term trend. In the context of growing geopolitical tensions, developed countries have become

© Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2024

increasingly active in imposing restrictions on the transfer of technology and high-tech goods. The establishment of new spatial and geographical areas of international technological cooperation has become an inevitable consequence of this situation. An important response for the countries targeted by the sanctions restrictions is the shaping of new vectors of cooperation, including targeting exports and imports of technologies to/from friendly countries, developing non-commercial forms of technological exchange, including scientific contacts, training specialists, and holding business forums. An important response for countries targeted by sanctions restrictions is the formation of new vectors of cooperation, including targeting the export and import of technology to friendly countries, developing non-commercial forms of technological exchange, including scientific contacts, training specialists, and holding business forums. Ensuring the technological sovereignty of Russia and other sanctioned countries is possible by improving the scientific infrastructure and encouraging domestic and foreign investments.

Keywords: technological exchange; sanction restrictions; export and import of technologies; non-commercial cooperation

For citation: Revenko L.S., Revenko N.S. Lines of changes in international technological exchange in the current environment. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):132-144. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-132-144

ВВЕДЕНИЕ

Современное ускорение проникновения достижений научно-технического прогресса в экономическую жизнь как одно из условий повышения эффективности функционирования хозяйственных механизмов во многом вызвано трансграничным перемещением практически значимых научных идей, изменением способов производства товаров и предоставления услуг, оптимизацией их потребления.

Место государства в мировой экономике зависит от его конкурентоспособности, которая во многом определяется уровнем научно-технического развития. Одним из направлений его повышения является участие в международном технологическом обмене, позволяющем ускорять внедрение инновационных технологических решений, которые являются не чем иным, как результатом интеллектуальной деятельности [1].

Технологический обмен как реальность экономического развития стран мира объективно обусловлен неэффективностью автаркического подхода, направленного на создание замкнутой экономики, способной обеспечивать себя всем необходимым самостоятельно в долгосрочной и среднесрочной перспективе не только по причине высоких затрат на параллельные разработки, но и из-за трансграничной диффузии технологических знаний, лишаящих их носителей возможности получения дополнительной прибыли вследствие невозможности использования преимуществ технологической ренты. Однако тем не менее на протяжении всех исторических этапов вопросы ограничений передачи в другие государства продуктовых и технологических новшеств были в приоритете многих стран мира.

Современный этап экономического развития отличается весьма изощренным сочетанием ограничительных мер, мотивационно объясняемых необходимостью обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности, но имеющей порой чисто политическую подоплеку.

Многие из этих мер были выработаны в период холодной войны, когда жестко выстроенная западными странами система ограничения передач технологий и высокотехнологичных товаров в государства социалистического лагеря в определенной степени тормозила их экономическое развитие.

Современный период развития международных отношений сформировал для трансграничного технологического обмена своеобразную «точку бифуркации», в которой могут и должны формироваться новые связи для развития международного технологического сотрудничества.

ФОРМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБМЕНА

Международный технологический обмен осуществляется на коммерческой и некоммерческой основах. В первом случае отношения партнеров по технологическому сотрудничеству представляют собой фактическую куплю-продажу, а во втором — взаимодействие с целью потенциального совместного создания инновационных решений с их последующей конвертацией в коммерческие проекты. Другим мотивом условного некоммерческого сотрудничества является создание «правил игры» на рынке технологий, что также имеет непосредственное отношение к коммерциализации инноваций.

Несмотря на разность дефиниций международного технологического обмена, одной из которых является его понимание как международного процесса передачи, распределения наукоемких объектов для преодоления технологического отставания в конкретной области науки и производства или экономики в целом [2, с. 37], они подразумевают под обменом действие, позволяющее одной стороне увеличивать свой научно-технический потенциал и сокращать сроки вывода на рынок новой продукции, а другой стороне — частично возмещать расходы, понесенные на разработку новой технологии. По этим причинам международный технологический обмен «постоянно возрастает в количественном и качественном выражении, охватывая многие развитые государства и новые индустриальные страны» [3, с. 17].

Хотя участниками международного технологического обмена являются прежде всего компании, важную роль в определении форм такого сотрудничества и использовании его результатов играет государство [4, с. 150].

Трансграничный технологический обмен может реализовываться в нескольких видах. Прежде всего это собственно обмен технологиями, под которыми понимаются продукты интеллектуальной деятельности, имеющие идеальную форму воплощения в товары в материальной форме и представляющие собой совокупность знаний и приемов по совершенствованию потребительских характеристик товара или созданию новых продуктов в целях повышения эффективности производственного процесса.

Некоммерческий международный технологический обмен осуществляется в виде научных публикаций, участия в международных конференциях и выставках, оказания технической помощи, приглашения на работу специалистов из-за рубежа, обучения студентов, повышения квалификации работников и в других формах [5, с. 33–34].

В данной статье речь идет об обмене технологиями в их изначальном понимании, т.е. о технологиях как товарах, формой реализации которых является передача прав на них в виде патентов и лицензий. Поэтому рынок технологий часто называют рынком лицензий [6, с. 586].

При этом следует отметить, что объемы экспорта и импорта технологий отражаются в статистике, как правило, в виде сумм, потраченных за использование интеллектуальной собственности,

что ввиду специфического характера рынка лицензий дает лишь приблизительное представление о масштабах торговли из-за невозможности учета стоимости отдельных технологических обменов, таких как поставка сложного оборудования, для разработки и производства которого были использованы несколько патентов, поскольку плата за передачу конкретной технологии включается в общую сумму сделки. Кроме того, в статистике не учитываются незарегистрированные лицензионные сделки и передачи технологий, когда оплата лицензии произведена активами лицензиата, например акциями.

Необходимо также отметить, что статистические данные международной торговли технологиями, публикуемые различными организациями, отличаются. Так, в статистике ВТО показатель объема мирового экспорта технологий во второй половине XX в. был примерно на 25% ниже, чем в статистике МВФ, а на рубеже двух веков он уже был немного выше. При проведении данного исследования использовалась статистика Всемирного банка и ЦБ РФ.

Несмотря на то, что доля торговли технологиями в общем мировом товарообороте выглядит довольно скромно (*табл. 1*), ее значение трудно переоценить в силу значимой роли в формировании и расходовании научно-технологического потенциала на национальном и международном уровнях.

Для всех форм технологического обмена в той или иной степени характерна трансграничная диффузия нововведений — как преднамеренная, т.е. осознанная передача технологий, так и непреднамеренная, иными словами стихийная. Масштаб этого процесса зависит от характера самой технологии и уровня ее научно-технической значимости.

Расширению такой диффузии способствует снятие или упразднение барьеров в международной торговле в условиях расширения специализации и кооперации стран мира по производству высокотехнологичной продукции.

Еще одним значимым каналом диффузии технологических знаний является условно некоммерческий технологический обмен, когда циркулирующие в научном сообществе идеи могут быть реализованы в других странах на безвозмездной основе.

Наибольшая степень диффузии характерна для традиционных технологий, т.е. тех из них, которые создаются на базе расширяющегося распростра-

Таблица 1 / Table 1

Международный экспорт товаров и технологий / International export of goods and technologies

Показатель	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Экспорт технологий, млрд долл. / Export of technologies, in billion dollars	82,3	163,3	241,4	330,3	389,7	425,5
Экспорт товаров, млрд долл. / Export of goods, in billion dollars	6452,6	10 502,7	15 297,2	16 554,3	17 648,4	24 904,6
Соотношение экспорта технологий и товаров, % / Ratio of exports of technologies and goods, in %	1,3	1,6	1,6	2,0	2,2	1,7

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по: / compiled and calculated by the authors on the basis of: World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>; Merchandise: Total trade and share, annual. UNCTAD Statistics. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=101>.

нения так называемых прогрессивных технологий. Для относительно недорогих традиционных технологий основной формой трансграничного перемещения является купля-продажа, причем экспортерами выступают не только развитые, но и развивающиеся страны, а импортерами чаще всего являются вторые государства.

Так, в 2022 г. страны с высоким уровнем доходов поставили за рубеж технологии на 405,5 млрд долл. США, со средним уровнем доходов — на 20,0 млрд долл. США, с уровнем доходов выше среднего — на 18,7 млрд долл. США, с низким уровнем доходов — на 0,6 млрд долл. США. Объем импорта технологий странами с высоким уровнем доходов в том же году составил 421,6 млрд долл. США, со средним уровнем доходов — 94,2 млрд долл. США, с уровнем доходов выше среднего — 81,7 млрд долл. США, с низким уровнем доходов — 255,8 млрд долл. США¹.

Таким образом, в основном развитые страны, имеющие высокий уровень доходов, максимально используют выгоды международной торговли технологиями. Однако их доля постепенно сокращается, а стран с уровнем доходов выше среднего — увеличивается. Следует также отметить, что для развивающихся стран в большей степени характерна торговля технологиями предыдущих инновационных поколений, которые при этом дают определенный уровень экономических эффектов.

¹ World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

Прогрессивные технологии, которые отличаются высокой степенью новизны и соответственно дают их обладателям экономические преимущества при производстве товаров и оказании услуг, являются объектом экспорта развитых стран. Импортируют эти технологии также в основном развитые государства, но круг импортеров постоянно расширяется за счет развивающихся стран, экономика которых созревает для восприятия прогрессивных технологий высокого инновационного уровня. В меньшей степени в коммерческом обороте находятся уникальные технологии, для которых характерен высочайший уровень новизны, позволяющий их обладателям быть фактическими монополистами в создании продукции, не имеющей аналогов, и получать максимальную долю технологической ренты при продаже.

Фактическими обладателями технологий и их носителями являются хозяйствующие субъекты. Будучи участниками внешнеэкономической деятельности, многие из них вовлечены в каналы трансграничного перемещения технологий. В большей степени это относится к транснациональным корпорациям, которые через прямые иностранные инвестиции (далее — ПИИ) способствуют расширению всех форм технологического обмена, преимущественно коммерческого. При этом ПИИ позволяют не только перемещать технологические решения через границы, но и адаптировать их к существующим моделям реализации, что изменяет характер производства, расширяет сферу применения новых технологий в большем числе отраслей или секторов [7, с. 1352].

Таблица 2 / Table 2

10 ведущих экспортеры технологий / Top 10 technology exporters

Страны / Countries	Объем экспорта, млрд долл. / Exports, in billion dollars				Доля в мировом экспорте, % / Share in world exports, in %	
	2000	2010	2020	2022	2000	2022
Мир / World	82,3	241,4	389,7	425,5	100	100
США / USA	43,5	95,0	115,6	125,7	54,2	29,5
Германия / Germany	2,5	8,3	37,4	53,3	3,2	12,5
Япония / Japan	10,2	26,7	43,3	46,6	12,7	11,0
Швейцария / Switzerland	2,7	16,2	23,5	30,0	3,3	7,1
Великобритания / Great Britain	8,1	18,1	23,0	27,6	9,8	6,5
Нидерланды / Netherlands	2,2	25,0	40,1	21,2	2,7	5,0
Ирландия / Irish	н/д	2,9	14,6	15,0	...	3,5
Франция / France	4,0	13,6	14,0	13,7	5,0	3,2
Китай / China	0,1	0,8	8,6	13,3	0,1	3,1
Сингапур / Singapore	0,1	1,9	8,8	12,3	0,1	3,0

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по: / compiled and calculated by the authors on the basis of: World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОММЕРЧЕСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБМЕНА

Для целей исследования целесообразно обозначить ведущих экспортеров технологий, список которых представлен в табл. 2.

Как следует из табл. 2, первое место в списке ведущих экспортеров технологий занимают США, за которыми следуют Германия, Япония, Швейцария и другие развитые страны. Китай и Сингапур значительно укрепили свои позиции, выйдя в 2022 г. соответственно на 9-е и 10-е место. В целом лидирующие позиции в XXI в. удерживают страны — члены ОЭСР: 98,8% в 2000 г., 97,3% в 2010 г. и 93,4% в 2022 г.²

Примечательно, что удельный вес США снизился с 54,2% в 2000 г. до 29,5% в 2022 г. в основном вследствие увеличения доли других стран, в том числе Германии (3,2% в 2000 г. и 12,5% в 2022 г.), Нидерландов (соответственно 2,5 и 5,0%), Швей-

царии (3,3 и 7,1%), Китая (0,1 и 3,1%) и Сингапура (0,1 и 3,0%). Япония стабильно удерживает свое место в списке лидеров мирового экспорта технологий, хотя ее доля снизилась с 12,7% в 2000 г. до 11,0% в 2022 г.

Список основных импортеров технологий представлен в табл. 3.

Из табл. 3 следует, что первую строку в списке импортеров занимает Ирландия, а в тройку лидеров входят США и Китай. Как и в случае экспорта технологий, в их импорте в XXI в. доминируют страны ОЭСР с долей 93,1% в 2000 г., 78,6% в 2010 г. и 79,8% в 2022 г.³ Нахождение Ирландии, Швейцарии, Нидерландов и Сингапура в списке основных импортеров технологий во многом объясняется применяемыми ими невысокими ставками налога на прибыль компаний.

Необходимо отметить снижение доли в импорте США с 21,5% в 2000 г. до 9,4% в 2022 г., в Японии — с 14,6 до 5,4%, Великобритании — с 9,3 до 3,3%

² Рассчитано по: World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

³ Рассчитано авторами по: World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

Таблица 3 / Table 3

10 основных импортеров технологий / Top 10 technology importers

Страны / Countries	Объем импорта, млрд долл. / Imports, in billion dollars				Доля в мировом импорте, % / Share in world imports, in %	
	2000	2010	2020	2022	2000	2022
Мир / World	76,2	274,0	464,4	515,7	100	100
Ирландия / Irish	н/д	37,5	96,8	136,9	...	26,5
США / USA	16,1	31,1	47,7	48,5	21,5	9,4
Китай / China	1,3	13,0	37,9	44,5	1,7	8,6
Швейцария / Switzerland	1,7	15,8	32,3	30,0	2,2	5,8
Япония / Japan	11,0	18,8	28,6	27,8	14,6	5,4
Нидерланды / Netherlands	2,5	32,8	36,0	20,2	3,3	3,9
Германия / Germany	4,4	7,1	17,3	19,8	5,9	3,8
Великобритания / Great Britain	7,1	10,9	15,7	17,2	9,3	3,3
Канада / Canada	3,6	9,7	13,9	16,3	4,7	3,2
Сингапур / Singapore	5,1	17,0	14,9	15,8	6,8	3,1

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по: / compiled and calculated by the authors on the basis of: World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>

и Сингапура — с 6,8% до 3,1% во многом вызвано изменением их стратегий, переходом от закупки технологий в целях достижения качественного скачка в развитии экономики и появлением дополнительных внутренних ресурсов для проведения научных исследований и разработок (далее — ИиР). Примечательно, что в списке основных импортеров нет стран, на которые направлены санкционные ограничения.

До современной волны санкционных ограничений Россия являлась как экспортером, так и импортером технологий со скромной долей 0,3 и 1,4% соответственно по данным 2021 г. В 2022 г. объем экспорта составил 744,4 млн долл. США. По сравнению с 2010 г. он вырос на 92,7%, а по сравнению с 2020 г. сократился на 36,0%. Объем импорта в последние два года по понятным причинам снизился: если в 2020 г. он составил 6,8 млрд долл. США, то в 2022 г. — 4,5 млрд долл. США, при этом

объем импорта по сравнению с 2010 г. сократился на 7,5%, а с 2022 г. — на 41,3%⁴.

В географической структуре торговли этой группой товаров в экспорте России преобладают страны СНГ, а в импорте — государства дальнего зарубежья (табл. 4).

Важным фактором роли той или иной страны в международной торговле технологиями является уровень расходов на ИиР. С ростом этого показателя увеличивается количество сделок о поставках и поступлениях технологий, углубляется межфирменная кооперация в целях повышения конкурентных преимуществ посредством создания новых высокотехнологичных товаров. По сумме расходов на ИиР лидирующие позиции занимают

⁴ World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

Таблица 4 / Table 4

Россия на мировом рынке технологий / Russia in the global technology market

Вывоз и и ввоз отечественных товаров / Export and import of domestic goods	2010		2015		2020		2022	
	Объем, млн долл. / Turnover, in million dollars	Доля, % / Share, in %	Объем, млн долл. / Turnover, in million dollars	Доля, % / Share, in %	Объем, млн долл. / Turnover, in million dollars	Доля, % / Share, in %	Объем, млн долл. / Turnover, in million dollars	Доля, % / Share, in %
Экспорт / Export	386	100	726	100	1164	100	744	100
в т.ч. в страны дальнего зарубежья / including to foreign countries	291	75,4	529	72,9	1037	89,0	н.д.	–
в т.ч. в страны СНГ / including to the CIS countries	95	24,6	197	27,1	127	11,0	н.д.	–
Импорт / import	4842	100	5634	100	6809	100	4478	100
в т.ч. из стран дальнего зарубежья / including from foreign countries	4808	99,3	5605	99,5	6759	99,3	н.д.	–
в т.ч. из стран СНГ / including from the CIS countries	33	0,7	29	0,5	50	0,7	–	–
Сальдо / Balance	-4456	–	-4908	–	-5645	–	-3734	–
в т.ч. со странами дальнего зарубежья / including with non-CIS countries	-4517	–	-5076	–	-5722	–	н.д.	–
в т.ч. со странами СНГ / including with the CIS countries	62	–	168	–	77	–	н.д.	–

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по: / compiled and calculated by the authors on the basis of: URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sv.

США (679,4 млрд долл. США в 2022 г.), Китай (551,1), Япония (182,2), Германия (143,1) и Республика Корея (106,1)⁵, в процентах от ВВП — Израиль (5,4%

⁵ Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries>.

в 2020 г.), Республика Корея (4,8%), Швеция (3,5%), Бельгия (3,5%) и США (3,5%) при среднемировом показателе 2,6%⁶. Более 3% от ВВП на ИиР тратят

⁶ Research and development expenditure (% of GDP). URL: <https://api.worldbank.org/v2/en/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?downloadformat=excel>.

также Япония (3,3%), Австрия (3,2%) и Германия (3,1%). Китай в этом списке находится на 12-м (2,4%), а Россия — на 29-м месте (1,1%) далеко позади Чехии, Эстонии, Венгрии, Греции, Италии и других стран, но перед Турцией, Кипром, Словакией, Латвией и Румынией.

Другой фактор, определяющий место страны в международной торговле технологиями, — патенты на изобретения и товарные знаки, содействующие интенсификации внедрения инноваций и во многом определяющие уровень технологического развития их обладателей [8, с. 116].

Анализ статистики показывает, что из общего количества 3,4 млн заявок на получение патентов в 2021 г. на долю Китая пришлось 46,6%, США — 17,4%, Японии — 8,5%, Республики Корея — 7,0%, стран ЕС — 5,6%. Таким образом, на четыре страны и ЕС пришлось 85,1% общего количества заявок, что на 6,6% больше, чем в 2011 г. Такой рост произошел прежде всего благодаря увеличению количества заявок Китая с 24,4% в 2011 г. до 46,6% в 2021 г., в то время как этот показатель оставшейся четверки снизился. Семь из девяти стран и ЕС, входящих в десятку лидеров, увеличили количество поданных в 2021 г. заявок по сравнению с 2020 г., в том числе Австралия — на 10,6%, Индия — на 8,5%, Канада — на 7,5%, Китай — на 5,9%, Республика Корея — на 5,0%, страны ЕС — на 4,7%, Япония — на 0,3%, а Германия снизила количество поданных заявок на 5,7%, США — на 1,0%, Россия — на 11,5%.

Что касается видов экономической деятельности, то в 2018–2020 гг. больше всего заявок на получение патентов в сфере компьютерных технологий подали США (12,2% общего количества), Китай (10%), Республика Корея (8,4%); энергетики и электрического оборудования — Япония (9,9%), Германия (9,1%), Республика Корея (8,4%) и Китай (6,4%); транспорта — Германия (11,4%) и Япония (6,2%); медицинских технологий — США (9,0%)⁷. В целом японские компании являются высоко конкурентоспособными в сферах электроники, компьютерных технологий, автомобилестроения, электрического оборудования, транспортного машиностроения, производства фото- и киноаппаратуры, американские — авиационной техники, автомобилестроения, компьютерных технологий,

цифровой связи, медицинских технологий, европейские — авиационной техники, станкостроения, транспортного машиностроения, производства электрического оборудования, бытовой техники.

ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБМЕНА КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В контексте санкционных ограничений, введенных в последние годы против ряда стран, в том числе России, возникает необходимость уточнения мотивации таких действий. Поскольку создание и использование технологий повышают эффективность экономики и ее конкурентоспособность, многие современные ограничительные меры направлены на создание преград в их трансграничном перемещении. Они негативно влияют на экономически значимые инновационные решения как конструкторского (*product innovation*), так и технологического (*process innovation*) типов⁸.

Причем они затрагивают не только торговлю технологиями, но и некоммерческие формы технологического обмена, к которым относятся все виды научного и образовательного сотрудничества.

Под влиянием санкций снижается уровень международной мобильности научных и преподавательских кадров (так называемая циркуляция мозгов) и студентов, тормозится реализация согласованных совместных международных проектов, сокращается число международных семинаров и конференций с участием исследователей подсанкционных стран.

При всем многообразии как санкционных, так и стандартных ограничений значение имеют отраженные на рисунке основные группы экономических санкций в сфере технологического обмена.

Исторически идеи санкций в сфере технологического обмена восходят к периоду после Второй мировой войны. Тогда, как и в настоящее время, инициаторами технологического санкционного давления были развитые западные страны, а нацелены ограничительные меры были в основном на государства социалистического лагеря, в большей степени на СССР, чтобы создать барьеры для

⁷ WIPO IP Facts and Figures 2022. — Geneva: WIPO, 2022. — P. 9, 10, 13. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-943-2022-en-wipo-ip-facts-and-figures-2022.pdf>.

⁸ Конструкторский тип инноваций — технологии создания принципиально новых товаров или функций; технологический тип нацелен на усовершенствование товаров или процессов.

Рис. / Fig. Основные группы экономических санкций в сфере технологического обмена / The main groups of economic sanctions in the technological exchange area

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

получения им современных технологий и высокотехнологичных товаров. Весьма эффективным инструментом был созданный в 1949 г. Координационный комитет по экспортному контролю (*Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom*), в рамках которого были сформированы ограничительные меры на торговлю рядом товаров и технологий.

Существенное негативное влияние на развитие научно-технического сотрудничества и технологического обмена оказывают меры экспортного контроля, которые осуществляются как на государственном, так и фирменном уровнях. Меры, применяемые в странах — участницах международных режимов экспортного контроля (Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Австралийская группа, Режим контроля за ракетными технологиями и Вассенаарские договоренности), нацелены прежде всего на предотвращение поставок за рубеж товаров и технологий двойного применения, которые могут быть использованы для разработки и производства оружия массового поражения, ракетных средств его доставки и современных обычных вооружений.

Согласованные в рамках этих режимов ограничения не действуют в отношении их стран-членов,

а принятие решений консенсусом исключает такую возможность [9, с. 58]. В то же время любая страна имеет право вводить на национальном уровне дополнительные ограничения, в том числе против любого члена режима, что на практике и происходит. Например, помимо запрета на поставки оружия, США запретили экспорт в Россию технологий и оборудования для энергетического сектора, оказание финансовой помощи и осуществление инвестиций. Широкий спектр ограничений США и их союзников действует также в отношении ряда стран, включая Белоруссию, Иран, КНДР, Либерию, Ливию, Мьянму, Сирию, Сомали и Судан.

Задачей внутренних (или внутрифирменных) систем экспортного контроля, созданных во многих корпорациях и компаниях большинства развитых стран мира, является неукоснительное выполнение национальных правил экспортного контроля. Компании могут, однако, запрещать или ограничивать экспорт производимой ими продукции и оказание услуг исходя из своих коммерческих интересов или политических соображений. Так, многие западные компании добровольно или под нажимом своих правительств ушли с российского рынка, прекратив не только поставки новых

товаров, но и обслуживание ранее поставленной продукции. В качестве примера можно привести отказ *Microsoft* в начале марта 2022 г. от поставок в Россию программного обеспечения⁹, европейских и японских автопроизводителей — от обеспечения запчастями поставленных и произведенных в России автомашин.

Правда, некоторые из них в той или иной форме постепенно возвращаются. Так, *Microsoft*, уход которой из России обошелся ей в 126 млн долл. США, в апреле 2023 г. стала предлагать российским компаниям продолжать сотрудничество и продлевать лицензии на свои компьютерные программы¹⁰.

Основными странами — инициаторами санкционных ограничений являются США, Великобритания и члены ЕС, среди которых особо выделяются Германия, Франция, Польша и прибалтийские государства, а наибольшую активность по вопросу введения технологических санкций против России проявляют США, члены ЕС, Канада, Австралия и Япония. Следует, однако, отметить, что японские санкции носят ограниченный характер. Например, с 19 мая 2023 г. Япония ввела запрет на экспорт продукции не всем российским компаниям, а тем, которые связаны с Вооруженными Силами Российской Федерации¹¹. В июле 2023 г. Япония объявила о смягчении санкций в отношении проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» и «Арктик СПГ-2», разрешив национальным компаниям с сентября 2023 г. участвовать в строительстве, разведке, добыче, сжижении, хранении и транспортировке нефти и природного газа¹².

Из других государств, против которых были введены наиболее значимые технологические санкции упомянутыми странами и Республикой Корея, необходимо отметить прежде всего КНДР и Иран, которые вместе с Россией подпадают под действие Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций (*Countering America's*

Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA) 2017 г.¹³ Так, этим документом запрещены поставки товаров и технологий для иранских программ создания оружия массового поражения и баллистических ракет, продажа Тегерану вооружений и оказание технической и финансовой помощи.

Ранее США ограничили доступ Ирана к оборудованию для нефтяного и энергетического секторов экономики, который был смягчен после подписания в 2016 г. Совместного всеобъемлющего плана действий. В 2018 г. рестриктивные меры были, однако, восстановлены, а в 2019 и 2020 гг. распространены на финансовый сектор страны.

Санкционные ограничения на поставки технологий действуют также в отношении Либерии, Ливии, Мьянмы и Эритреи¹⁴. К числу технологических санкций можно также отнести введенные президентом Д. Трампом запреты правительству на использование оборудования китайских компаний *Huawei* и *ZTE* и на приобретение или инвестирование американскими физическими и юридическими лицами в ценные бумаги китайских компаний, определенных министерством обороны США как военные.

Для России чрезвычайно важно, учитывая сложившуюся реальность, наращивать технологический суверенитет, не уходя при этом в самоизоляцию. Основным направлением изменения международного технологического обмена является переориентация пространственно-географических векторов международного технологического сотрудничества на страны, не вводящие санкционных ограничительных мер против российских хозяйствующих субъектов или персоналий, прежде всего на Китай и Индию, которые имеют существенный научно-технический потенциал. Однако это не должно носить характер временного замещения, которое может создавать ситуацию отложенных негативных эффектов, своеобразной «технологической петли», когда оба партнера настроены на решение краткосрочных проблем.

Еще одним направлением трансформаций может являться создание в особых экономических зонах на территории России инновационных предприятий с участием инвесторов из стран, не вовлеченных в санкционную гонку и сохранивших

⁹ Не Windows единым: как Microsoft будет уходить из России. URL: <https://ria.ru/20220306/microsoft-1776783316.html>.

¹⁰ «Коммерсант» узнал о попытках Microsoft остаться в России. URL: <https://www.rbc.ru/business/28/04/2023/644b1cf29a79474b4fab51e3>.

¹¹ Япония запретила экспорт для российских ФПИ, ФСВТВ и ВНИИ «Сигнал». URL: <https://ria.ru/20230526/yaponiya-1874236742.html>.

¹² Япония: исключение из санкций. URL: <https://expert.ru/expert/2023/27/yaponiya-isklyucheniye-iz-sanktsiy/>.

¹³ *Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*. Public Law No. 115–44 (08/02/2017). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>.

¹⁴ Санкции. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions>.

заинтересованность в приобретении российских технологий, что будет способствовать активизации использования научного и технологического потенциалов. Концентрация стартапов технологической направленности в этих зонах способна создавать особые научно-производственные экосистемы, ориентированные на производство высокотехнологичных товаров через генерирование и внедрение собственных технологий. Эти товары и технологии могут становиться объектами как внутреннего, так и внешнего спроса.

В контексте нацеленности на практическое решение проблем расширения международного технологического обмена имеет смысл создание в нашей стране на государственном уровне организационно гибких экспертных групп из представителей ведущих научных коллективов страны. Цель их создания — выявление, корректировка и детализация направлений развития технологий, которые экономически значимы, *во-первых*, для современного этапа, т.е. могут быть внедрены или доведены до стадии коммерциализации в краткосрочной и среднесрочной перспективах, и, *во-вторых*, для концентрации усилий на перспективных в долгосрочном периоде темах исследований и разработок, по которым возможно прогнозирование экономических эффектов.

Поскольку научная мысль, генерирующая технологические решения, не подлежит администрированию, а носители высокого интеллекта не могут прогнозировать возможности достижения поставленных задач, целесообразно предоставлять научным структурам, осуществляющим фундаментальные и прикладные исследования в сфере высоких технологий, возможность самостоятельного определения векторов таких научных работ и организационных форм их осуществления.

Такой двуединый подход к выявлению технологических возможностей России сделает более понятным для представителей ее промышленности и зарубежных партнеров потенциал и сравнительные преимущества от сотрудничества с носителями технологических знаний (соответственно из своей страны и из-за рубежа). Поскольку фактическими обладателями технологических решений и участниками международного технологического обмена являются хозяйствующие субъекты, преимущественно транснациональные корпорации, для российских компаний представляется целесообразным шире использовать современные формы коммер-

ческой деятельности в инновационной сфере, например пакетные сделки. В мировой практике международные хозяйственные взаимодействия стимулируют возможности фирм, позволяя им выявлять и внедрять более качественные ресурсы или более эффективные методы производства и управления (10, с. 877).

В мире устойчивым тезисом стало утверждение о тесной связи политики защиты прав интеллектуальной собственности с государственной политикой стимулирования технологического обмена [11, с. 180–181].

В современных условиях глобального пренебрежения многими странами «правил игры» на рынках технологий и высокотехнологичных товаров особое значение приобретает усиление защиты прав интеллектуальной собственности в России для обеспечения национальных хозяйствующих субъектов уверенности в необходимости сохранения и наращивания усилий по поиску перспективных технологических решений и в конечном счете для их стимулирования создания и использования инноваций.

В условиях вынужденного ограничения некоторых форм международной мобильности российских научных работников (например, физического перемещения для проведения совместных исследований в зарубежных научных коллективах) необходимо создавать основу для встречного движения перспективных носителей технологических знаний в Россию через проведение научно привлекательных исследований, улучшение условий труда, карьерные перспективы. При этом важно включать в совместные научные коллективы сотрудников из других стран, которые могут быть носителями и/или генераторами перспективных технологических решений.

Поскольку в условиях цифровизации появились новые формы «циркуляции мозгов», не связанные с обязательным физическим перемещением носителей научных и технологических знаний, необходимо шире использовать для технологического обмена научные платформы, открытые совместные проекты.

Сдерживающим фактором развития технологического обмена является применение западными странами на государственном и фирменном уровнях мер экспортного контроля, позволяющих предотвращать поставки в отдельные страны, включая Россию, высокотехнологичных товаров и высоких

технологий. В этой связи необходимо сохранить участие России в многосторонних режимах экспортного контроля для отстаивания российских интересов и закладывания базы для последующего технологического сотрудничества.

ВЫВОДЫ

Основными участниками международного коммерческого и некоммерческого технологических обменов являются на макроуровне развитые страны, на уровне хозяйствующих субъектов — транснациональные корпорации. В условиях растущей геополитической напряженности в мире страны Запада стали выступать инициаторами формирования новых пространственно-географических направлений международного технологического сотрудничества. Вводя многочисленные ограничения на трансграничное перемещение технологических знаний по политическим соображениям и под предлогом обеспечения собственной безопасности (что часто затушевывает

проблематику конкурентоспособности), они фактически формируют новые векторы сотрудничества в государствах, на которые эти ограничения направлены. Это относится как к формированию ориентации экспорта и импорта на дружественные страны, так и к организации или оживлению некоммерческих форм технологического обмена, включая обучение специалистов, проведение бизнес-форумов и осуществление других видов взаимодействия носителей технологических знаний из разных стран.

Общими условиями для повышения конкурентоспособности России на мировых рынках в современных условиях можно считать совершенствование научной инфраструктуры и создание условий для привлечения инвестиций, в том числе венчурного капитала. Для этого прежде всего необходимо понимание возможностей и рисков отраслевой направленности на обеспечение государством такой поддержки, чтобы избежать распыления средств по неэффективным направлениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Lisenco V. Intellectual property in the innovative development of the world economy. In Prabu S. L., Umamaheswari A. (eds.), *Intellectual property — global perspective advances and challenges*, chapter 7. Rijeka: IntechOpen; 2023. 190 p. DOI: 10.5772/intechopen.1001132
2. Kasych A., Medvedeva G. International technology transfer as a mechanism of activating the innovative development of a country. *Littera Scripta*. 2019;12(2):29–40. DOI: 10.36708/Littera_Scripta2019/2/4
3. Зименков Р. И. США на мировом рынке технологий. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2014;536(8):17–36.
Zimenkov R. I. U.S. on world market of technology. *USA and Canada: economy, politics, culture*. 2014;536(8):17–36. (In Russ.)
4. Соколова Н. А. Международные правовые вопросы реализации научно-технического сотрудничества. *Мегасайтс*. 2019;154(9):146–157. DOI: 10.17803/1729–5920.2019.154.9.146–157
Sokolova N. A. International legal issues of implementation of scientific and technological cooperation. *Megasajens = Mega-Science*. 2019;154(9):146–157. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729–5920.2019.154.9.146–157
5. Polyakov M. V., Bilozubenko V. S., Shablii S. Ye. The features of the modern international scientific-technological exchange development. *Business Inform*. 2020;(11):29–36. DOI: 10.32983/2222–4459–2020–11–29–36
6. Клинов В. Г., Ревенко Л. С., Ружинская Т. И. Мировые товарные рынки и цены. М.: МГИМО-Университет; 2018. 664 с.
Klinov V. G., Revenko L. S., Ruzhinskaja T. I. *World commodity markets and prices*. Moscow: MGIMO-University; 2018. 664 p. (In Russ.)
7. Ciborowski R. W., Skrodzka I. International technology transfer and innovative changes adjustment in EU. *Empirical Economics*. 2020;59:1351–1371. DOI: 10.1007/s00181–019–01683–8
8. Солдатенко Д. М. Промышленная интеллектуальная собственность как фактор инновационного развития ЕС. *Современная Европа*. 2021;(4):107–118. DOI: 10.15211/soveurope42021107118
Soldatenko D. M. Industrial intellectual property as the EU's innovative development factor. *Sovremennaja Evropa = Contemporary Europe*. 2021;(4):107–118. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope42021107118

9. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Участие России в многосторонних режимах экспортного контроля как инструмент защиты интересов российских экспортеров. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014;(7):49–62.
Revenko L.S., Revenko N.S. Russia's participation in multilateral export control regimes as a tool to protect the interests of russian exporters. *Rossiiskij vneshnejekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2014;(7):49–62. (In Russ.)
10. Andersson M., Stone T.A. Global sourcing and technical efficiency — a firm-level study on the ict industry in sweden. *Journal of Business Economics and Management*. 2017;18(5):877–896. DOI: 10.3846/16111699.2017.1356367
11. Shugurova I.V., Shgurov M.V. The international legal policy in the field of technology transfer and the intellectual property rights: some controversial issues. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6(5):177–185. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s1p177

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лилия Сергеевна Ревенко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Lilia S. Revenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, MGIMO University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
l.revenko@inno.mgimo.ru

Николай Сергеевич Ревенко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay S. Revenko — Cand. Sci. (Polit.), Lead Research Fellow, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>
reni100@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2023; принята к публикации 15.01.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.12.2023; accepted for publication 15.01.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157
УДК 336.648:336.22(045)
JEL H25

Налоговые риски в контексте достижения национальных целей развития России на 2024 год

Н. В. Рубан-Лазарева

Финансовый университет, Москва, Россия; РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — налоговые риски, возникающие при выполнении стратегических задач развития России по обеспечению достижения общественно значимых результатов в прорывном научно-технологическом и социально-экономическом развитии страны, повышении уровня жизни людей в 2024 г. *Цели работы* — определение сущности и источников значимых налоговых рисков, создающих неопределенности в реализации стратегических задач России и национальных проектов, и формирование их матрицы последствий/вероятности. Проанализированы источники налоговых рисков, визуализированные с применением метода Исикавы. Показаны ключевые проблемы, препятствующие успешному выполнению поставленных стратегических задач перед экономикой России и реализации национальных проектов. Установлена сущность налоговых рисков как результат влияния налоговых неопределенностей на выполнение задач национальных проектов и приведены способы их предотвращения в результате контрольно-аналитической работы налоговых органов, направленной на обеспечение макроэкономической стабильности и устойчивый прирост социально-экономических показателей. Сформированы предложения по устранению источников возникновения налоговых рисков. *Сделан вывод* о необходимости непрерывного налогового контроля налоговых рисков в течение всего периода выполнения национальных целей развития России.

Ключевые слова: национальные проекты; налоговые риски; источники; метод Исикавы; матрица вероятности/последствий

Для цитирования: Рубан-Лазарева Н. В. Налоговые риски в контексте достижения национальных целей развития России на 2024 год. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):145-157. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157

ORIGINAL PAPER

Tax Risks in the Context of Achieving Russia's National Development Goals for 2024

N. V. Ruban-Lazareva

Financial University, Moscow, Russia; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is tax risks arising in the implementation of strategic tasks of Russia's development to ensure the achievement of socially significant results in the breakthrough scientific, technological and socio – economic development of the country, improving people's living standards in 2024. *The objectives of the work* are to identify the essence and sources of significant tax risks that create uncertainty in the implementation of strategic objectives of Russia and national projects, and the formation of their consequences/probabilities matrix. The sources of tax risks visualized using the Ishikawa method are analyzed. The key problems preventing the successful fulfillment of the strategic tasks set for the Russian economy and the implementation of national projects are shown. The essence of tax risks is established as a result of the influence of tax uncertainties on the fulfillment of the tasks of national projects and the ways to prevent them as a result of the control and analytical work of tax authorities aimed at ensuring macroeconomic stability and a steady increase in socio-economic indicators are presented. Proposals have been formulated to eliminate the sources of tax risks. *The conclusion is made* about the need for continuous tax control of tax risks during the entire period of fulfillment of the national development goals of Russia.

Keywords: national projects; tax risks; sources; Ishikawa method; matrix of consequences and probabilities

For citation: Ruban-Lazareva N. V. Tax risks in the context of achieving Russia's national development goals for 2024. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(1):145-157. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157

© Рубан-Лазарева Н. В., 2024

Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определены национальные цели развития Российской Федерации для осуществления ее прорывного развития, включающие сохранение населения, здоровья и благополучия людей; обеспечение возможности для самореализации и развития талантов; создание комфортной и безопасной среды для жизни людей; обеспечение условий для достойного, эффективного труд российских граждан и успешного предпринимательства; проведение цифровой трансформации.

Средствами выполнения национальных целей России выступают национальные проекты «Образование», «Здравоохранение», «Демография», «Цифровая экономика», «Экология», «Культура», «Малый и средний бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Развитие туризма», «Развитие инфраструктуры», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Продуктивность труда и поддержка занятости», «Жилье и городская среда».

Источниками финансирования выполнения национальных целей и проектов развития страны являются поступления в бюджетную систему налогов и сборов под контролем налоговых органов, основная цель которых состоит в обеспечении гарантированного сбора налогов и иных обязательных платежей от физических и юридических лиц и обеспечении соблюдения налоговой дисциплины в исполнении налогоплательщиками возложенных на них налоговых обязанностей.

В частности, надзором за своевременностью, полнотой уплаты налогоплательщиками по всей цепочке поступления налоговых и неналоговых доходов при использовании бюджетного финансирования по ходу реализации национальных проектов занимается Межрегиональная налоговая инспекция № 4 по централизованной обработке данных (далее — Межрегиональная ИФНС России по ЦОД), которая является территориальным органом ФНС России и входит в единую централизованную систему налоговых органов.

Несмотря на повседневную деятельность налоговых органов по борьбе с злоупотреблениями налогового законодательства и минимизацией налогообложения, продолжают сохраняться риски использования физическими и юридически-

ми лицами способов незаконной оптимизации уплаты налогов, результативное пресечение которых актуально и востребовано для успешной реализации национальных целей и проектов, что подтверждает необходимость безотлагательно решения проблемы управления налоговыми рисками.

ПРОБЛЕМЫ, МЕШАЮЩИЕ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Анализ содержания источников научной литературы, посвященных исследованию выполнения национальных целей развития России, позволил выявить проблемы, затрудняющие их успешную реализацию:

- 1) отсутствие перераспределения непроизводительных расходов, не позволяющее наиболее точно увязывать затраты вспомогательных подразделений и доходных центров [1];
- 2) неэффективная оценка реализации национальных проектов [2];
- 3) неустановление четко выраженной тенденции влияния государства на экономические показатели развития [3];
- 4) зависимость от выработки механизмов реализации (организационный, финансовый, контрольный) [4];
- 5) недостаточность финансовых ресурсов на реализацию приоритетных национальных проектов из-за налоговых рисков как вероятности нарушения налогоплательщиками налогового законодательства [5];
- 6) влияние ресурсных факторов на достижение показателей национальных целей и проектов [6];
- 7) недостаточная эффективность реализации национальных проектов [7];
- 8) несвоевременное выявление возможных рисков [8];
- 9) отсутствие оперативного анализа реализации национальных проектов [9];
- 10) необоснованность количественных индикаторов и качественных целевых показателей [10];
- 11) нехватка достоверной полной информации для принятия решений [11];
- 12) невыработка «дорожной карты» управления налоговыми рисками [12];

13) потребность в активизации информационно-разъяснительной работы [13];

14) ненадлежащий контроль за поиском дополнительных источников [14];

15) отсутствие системного управления рисками по циклу Деминга (*Plan-Do-Check-Act, PDCA*), включающему четыре этапа: «планирование», «выполнение», «проверку» и «действие», в том числе идентификацию, анализ и оценку, планирование, контроль, мониторинг, актуализацию рисков [15].

Несмотря на многоаспектность и безусловную актуальность вышеуказанных проблем на пути выполнения национальных целей развития, приведенные выше исследования не рассматривают в критическом плане результаты контрольно-аналитической работы налоговых органов по субъектам, осваивающим средства национальных проектов. Часто в исследованиях приводятся недостатки и риски, тормозящие реализацию национальных целей и проектов, анализируется статистическая динамика их исполнения без рассмотрения причин и последствий налоговых рисков.

Вышеприведенные исследования отчасти учитывают наличие совокупности рисков без учета сущности, методологии налоговых рисков, их специфических видов применительно к выполнению национальных целей и проектов, сужая тем самым круг их влияния на исследуемые проблемы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ

Экономическая сущность налогового риска определяется как:

1) возможное наступление неблагоприятных для страны последствий, которые являются результатов действий или бездействий участников/ субъектов налоговых правоотношений [16];

2) риски государства в современных экономических условиях [17];

3) вероятность/угроза недополучения в бюджет налоговых платежей по причинам ухода хозяйствующих субъектов от налогообложения и недостатков в налоговом законодательстве [18];

4) возможность уменьшений поступлений налогов [19] как по причине необоснованных законодательных изменений, так из-за неэффективной работы контролирующих органов и возвратов взысканных налогов после признания должностных действий неправомерными;

5) снижение поступлений в бюджет Российской Федерации налогов и сборов, вызванное факторами внешней среды, оказывающими негативное влияние, или неэффективной работой контролирующих органов [20].

Неблагоприятные для государства последствия действия налоговых рисков обусловлены не только внешними факторами, но и внутренними причинами, включая недостатки законодательства, неправомерные действия, неэффективную контрольную практику, иные действия/бездействие различных субъектов, снижающие величину налоговых платежей в бюджет.

Альтернативным теоретическим подходом к определению сущности налоговых рисков может быть их понимание как следствие/исход влияния¹ на реализацию национальных целей и проектов налоговых неопределенностей, связанных с применением налогового законодательства и практикой контроля налоговой дисциплины исполнителей государственных контрактов, реализующих национальные проекты, по всей цепочке их кооперации с применением методов оценки первопричин и критических контрольных точек налоговых разрывов.

ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ

Оценка риска как полный процесс его идентификации, анализа, оценивания предусматривает использование различных технологий/методов².

В научной литературе встречаются попытки выстраивания по национальным проектам систем управления рисками с применением цикла Деминга³ (*PDCA*), через алгоритм *Plan-Do-Check-Act* последовательных этапов, который был положен в основу стандартов качества после доработки в 1950 г. цикла Шухарта: логической последова-

¹ Как отклонение от ожидаемого результата в соответствии с примечанием 1 п. 3.1. ISO 31000:2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341054.

² ГОСТ Р 58771–2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Технологии оценки риска. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=26920#oqoWFqTxwTr7EJQ9>; ГОСТ Р МЭК 31010–2021 Национальный стандарт Российской Федерации. Надежность в технике. Методы оценки риска. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=407549&dst=100001#17Z6KqT573CnKVxO>.

³ URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46507175_57088448.pdf.

тельности повторяющихся действий, направленной на непрерывное совершенствование протекающих процессов — американским ученым-консультантом Э. Демингом.

Несмотря на то, что указанный цикл не является технологией оценки налоговых рисков, он представляет собой итеративный метод повторяющихся действий для контроля и совершенствования протекающих процессов.

Позже, в 1980-х гг., для стабилизации вышеуказанных процессов контроль был включен как часть набора Шести Сигм⁴ в возникший метод *DMAIC* через этапы *Define* — определение, *Measure* — измерение, *Analyze* — анализ, *Improve* — улучшение и *Control* — контроль.

Несмотря на различие в этапах методов *PDCA* и *DMAIC*, они оба нацелены на совершенствование процессов выполнения намеченных целей.

При этом метод экспертной оценки Дельфи⁵, разработанный в США в 1950-х гг. специалистами *RAND Corporation*, позволяет принимать верное решение на основе выявления взглядов, сбора индивидуальных оценок/суждений экспертов с умеренным опытом, но не предусматривает анализ рисков и их мониторинг, хотя и используется учеными в процессе контроля за налогообложением через риск-ориентированный подход⁶.

Применение данного подхода на выездных контрольных мероприятиях обусловлено снижением нагрузки на проверяемых субъектов, издержек и повышением эффективности проводимых мероприятий. При этом критериям научности метод Дельфи не отвечает и сопровождается конформизмом и низкой мотивацией экспертов.

Потребность в определении факторов, влияющих на результат реализации национальных проектов, реализуется посредством применения ме-

тода Исикавы, известного как диаграмма «рыбьей кости» (от англ. *Fishbone Diagram*), или причинно-следственная диаграмма (от англ. *Cause and Effect Diagram*), или диаграмма анализа корневых причин, которые позволяют визуализировать причины, приводящие к налоговым рискам в ходе выполнения национальных целей и проектов.

Разработанный в 1950-х гг. профессором токийского университета К. Исикава «скелетный» анализ приводящих к возникшей проблеме причин изначально применялся для управления качеством продукции завода «Кавасаки» посредством выявления в «голове» скелета схемы проблемы, а по «костям» — ключевых и второстепенных причин, их обусловивших, т.е. в «голову» помещается проблема, а на «костях» пишутся факторы, влияющие на ситуацию. К последним ведут кости поменьше — факторы или причины второго уровня и т.д.

Диаграмма Исикавы позволяет изначально выявлять причины налоговых рисков, идентифицировать повлиявшие на них факторы и анализировать их последствия для улучшения результатов выполнения национальных целей и проектов.

Визуализация причин налоговых рисков наглядно подтверждает вероятность возникновения риска.

Благодаря построению матрицы вероятности/последствий рисков обеспечивается установление их приоритетности для использования в информационном обмене, так как риски с низким воздействием суммарно могут иметь длительные последствия вплоть до истечения срока выполнения национальных целей и проектов, а также для определения неприемлемости рисков.

Несмотря на недостатки матрица вероятности/последствий налоговых рисков реализации национальных целей или проектов (табл. 1) представляет собой отображение последствий, уровня и значимости рисков.

Матрица налоговых рисков, используемая для систематической оценки налоговых рисков, основывается на двух основных факторах: вероятности возникновения риска и его потенциального воздействия на организацию, — которые оцениваются в том числе через допущения ошибок в налоговой отчетности с учетом вероятностей их возникновения.

Анализ ключевых причинных источников налоговых рисков реализации национальных целей и проектов позволяет после установления вероятности/последствий формировать матрицу налоговых рисков национальных целей и проектов.

⁴ Шесть сигм (6 σ) — набор методов и инструментов для улучшения процессов, введенный американским инженером Биллом Смитом в 1986 г. и направленный на повышение качества производства путем выявления и устранения причин дефектов и минимизации вариативности производственных и бизнес-процессов.

⁵ Цель метода Дельфи, названного по имени Дельфийского оракул, — получение согласованной информации высокой степени достоверности в процессе анонимного обмена мнениями между участниками группы экспертов для принятия решения на основе того, что некоторое количество независимых экспертов (часто не связанных и не знающих друг о друге) лучше оценивают и предсказывают результат, чем структурированная группа личностей.

⁶ URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54308200>.

Таблица 1 / Table 1

Преимущества и недостатки методов Исикавы и матрицы налоговых рисков в оценке налоговых рисков национальных проектов / Advantages and disadvantages of Ishikawa and Tax Risk Matrix methods in assessing tax risks of national projects

Метод Исикавы / Ishikawa tod	
Преимущества / Advantages	Недостатки / Disadvantages
Репрезентативный и простой качественный метод анализа источников рисков / A representative and simple qualitative method for analyzing risk sources	Не позволяет количественно оценивать риски / Does not allow for quantitative risk assessment
Позволяет определять влияющие на результат факторы / Allows for the identification of factors affecting the outcome	Низкая информационная необходимость / Low information need
Любой масштаб ситуаций и временной горизонт / Any scale of situations and time horizon	Невозможно идентифицировать невыбранные категории / Unselected categories cannot be identified
Матрица налоговых рисков / Tax risk matrix	
Преимущества / Advantages	Недостатки / Disadvantages
Качественный метод сравнения рисков с определением метрик вероятности/последствий / Qualitative method of risk comparison with determination of probability-consequence metrics	Требует квалифицированных практических знаний / Requires qualified practical knowledge
Позволяет ранжировать риски по уровням значимости / Allows to rank risks by level of significance	Риски не могут быть агрегированы / Risks cannot be aggregated
Используется на любом уровне принятия решения, с любым масштабом и временным горизонтом / Use at any level of decision making, with any scale and time horizon	Описание рисков должно быть до ранжирования / Risk description should be prior to ranking

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МАТРИЦЫ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ПРОЕКТОВ

За период 2019–2024 гг. объем финансирования 15 национальных проектов превысит 27 трлн. руб.⁷ с ежегодным средним темпом роста в 1,1–1,4 раза, что позволило увеличить финансирование национальных проектов в год с 2,6 до 4,8 трлн. руб., с 61%-ной долей федеральных бюджетных средств (рис. 1).

Наибольший объем финансирования приходится на социально востребованные национальные проекты:

1) «Демография» — 22% для цели сохранения населения, его здоровья и благополучия через достижение 22 показателей;

2) «Экология» — 14% для цели обеспечения комфортной, безопасной среды жизни через достижение 36 показателей;

3) «Безопасные качественные дороги» — 14% при достижении 17 показателей устойчивого развития;

4) «Здравоохранение» — 7% для повышения продолжительности до 78 лет жизни через достижение 25 показателей устойчивого развития.

Несмотря на ежегодный прирост финансирования достижения национальных целей и проектов, исполнение национальных проектов остается ниже сумм запланированных ассигнований на выполнение национальных проектов по федеральным округам (рис. 2).

⁷ Электронный бюджет. Информация об основных параметрах реализации национальных проектов. URL: <https://www.budget.gov.ru>.

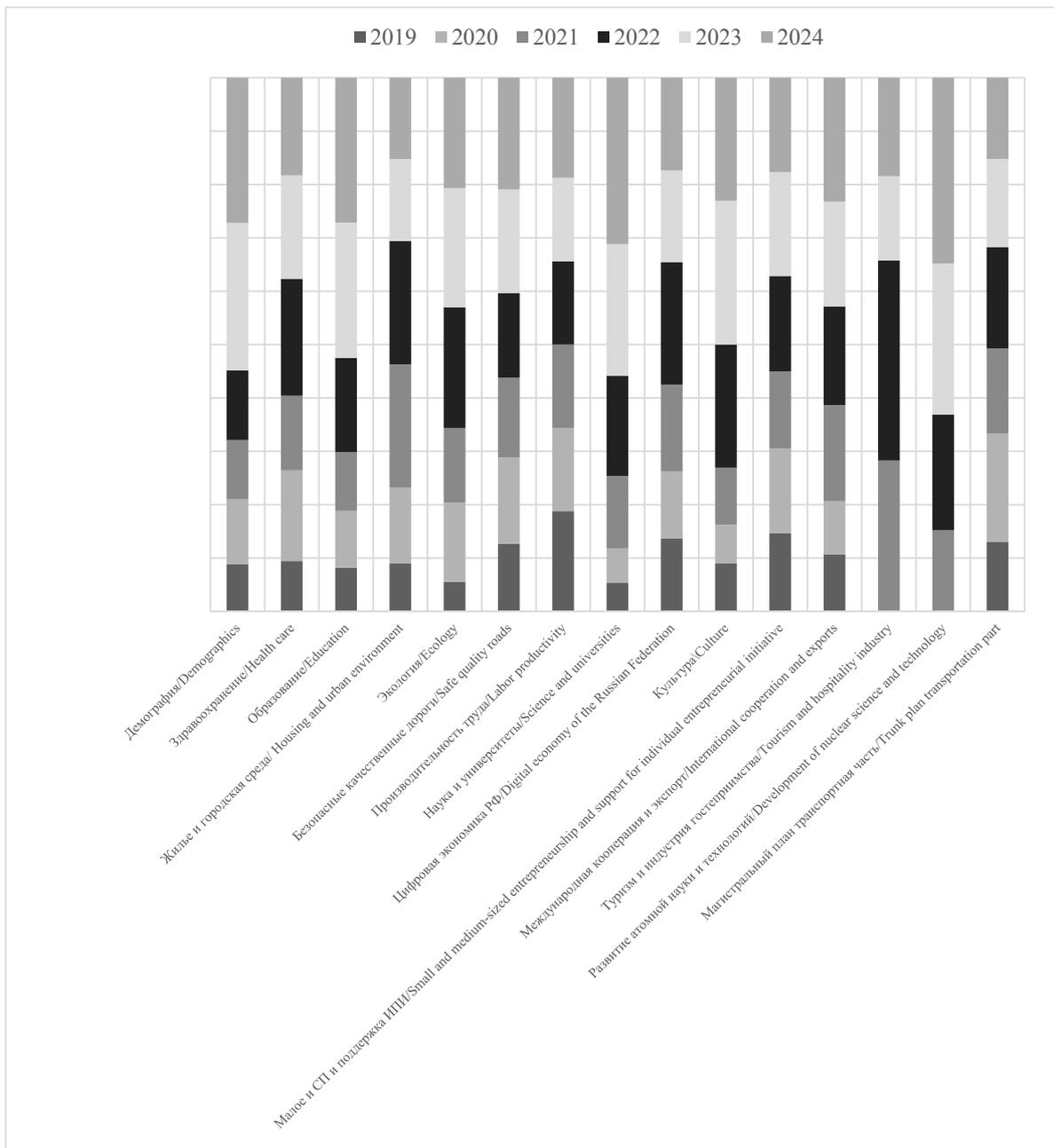

Рис. 1 / Fig. 1. Параметры реализации национальных проектов /
Parameters for the implementation of national projects

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Национальные проекты исполнены за 1-е полугодие 2023 г. на 41–59%⁸, при этом причинами их исполнения ниже среднего в определенной степени являются налоговые риски.

⁸ Исполнение национальных проектов. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/np/ispolnenie-natsionalnyh-proektov?territory=45000000>.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ

Задачами управления налоговыми рисками реализации национальных проектов являются:

- 1) поиск «точек» налоговых рисков;
- 2) выяснение их причин;
- 3) разработка рекомендаций по избежанию негативных последствий;

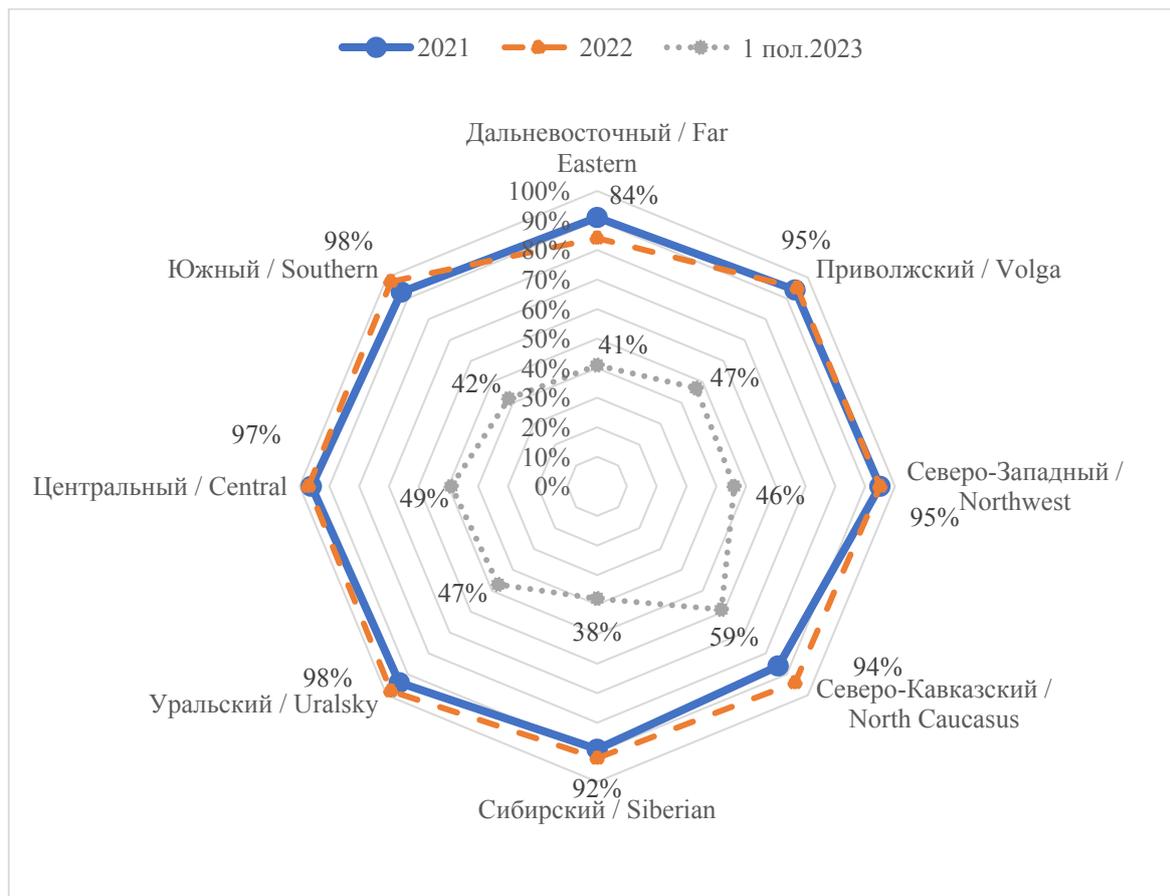

Рис. 2 / Fig. 2. **Исполнение национальных проектов по федеральным округам / Implementation of national projects by federal districts**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

4) определение ценности осуществления контрольных мероприятий, затрат, ресурсов.

Снижение налоговых рисков позволяет экономить затраты/средства. Необходимые ресурсы контроля налоговых рисков определяются имеющимися информационными, кадровыми, экономическими, административно-методическими средствами. Чем более необычна операция/сделка, тем выше налоговые риски.

Наибольший риск представляют операции, производимые для целей налогообложения, например посредничество при реализации национальных проектов, реструктуризация для уплаты налогов.

Причинами возникновения налоговых рисков реализации национальных целей и проектов являются:

1) несоответствие нормативным требованиям, указывающее на несоблюдение плательщиками налоговых обязательств, требований представления деклараций/отчетности;

2) бездействие/незаконные действия исполнителей государственных контрактов, реализующих национальные проекты;

3) минимизация налогов;

4) уклонение/лжеосвобождение от налогообложения;

5) недостатки налогового законодательства;

6) неэффективность деятельности контролирующих органов;

7) возврат ранее взысканных налогов по причине неправомерности действий налоговых органов;

8) нарушение налоговой дисциплины по всей цепочке кооперации исполнителей государственных контрактов национальных проектов;

9) отсутствие согласованной организационной структуры оценки существенности и допустимости налоговых рисков;

10) ненадлежащее документирование и обоснование;

11) неучастие налоговых органов в сделках по использованию средств национальных проектов, хотя коммуникации субъектов хозяйственной с налоговыми инспекциями способствуют лучшему управлению налоговыми рисками в реализации национальных проектов.

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫМИ РИСКАМИ

На текущем этапе в субъектах Российской Федерации используется система управления налоговыми рисками⁹. Например, в УФНС России по Новосибирской области, применяются дополнительные контрольные меры налогового расходования выделенных на реализацию национальных проектов бюджетных средств среди 3094 исполнителей госконтрактов по реализации проектов на сумму более 545 млрд руб., а именно¹⁰:

1) проведение по заданию ФНС России контрольно-аналитической работы по задействованным в национальных проектах субъектам предпринимательства;

2) установление поставщиков, субподрядчиков всей цепочки кооперации субъектов предпринимательства, привлеченных к реализации национальных проектов, совместно с Межрегиональной ИФНС России по ЦОД;

3) выявление и пресечение рисков незаконного уменьшения налоговых обязательств, их минимизации налогоплательщиками/привлеченными контрагентами;

4) проведение совместных совещаний контрольно-надзорных органов, контролирующих расходование бюджетных средств по национальным проектам, с приглашением налогоплательщиков, допустивших в деятельности признаки правонарушений по налогам, в целях обеспечения их добросовестного поведения;

5) недопущение налоговых разрывов в цепочках сделок по реализации нацпроектов.

⁹ Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ «Об утверждении требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля».

¹⁰ Налоговая дисциплина исполнителей госконтрактов по нацпроектам под контролем. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn54/news/activities_fts/10256792.

В результате контрольных мероприятий выявлено 80 организаций, допустивших по налогам правонарушения на сумму свыше 1,2 млрд руб.; представлены уточненные декларации по налогам 16 налогоплательщиков на сумму более 54 млн руб.; сформированы доказательные материалы перед предъявлением претензий по налогам.

На совещании в Приволжском федеральном округе¹¹ среди рисков реализации национальных целей и проектов отмечены:

1) недобросовестные действия исполнителей: затягивание сроков и некачественное исполнение контрактов;

2) отсутствие ресурсов у победителя торгов;

3) привлечение сомнительных субподрядчиков.

После контроля налоговым органом господрядчиков¹² дополнительно поступило 2,4 млрд руб. в бюджет при нахождении в рискованной проектной зоне средств в сумме 1,2 трлн руб.

Вывод активов участниками национальных проектов из тени, добровольное погашение ими ущерба при отказе от налоговых схем, причиняющих ущерб казне, обеспечивают успешную прозрачную целевую реализацию национальных целей и проектов через надежных поставщиков/субподрядчиков.

Современные возможности с применением предпроверочного анализа участников проектов позволяют выявлять нарушения до назначения проверок. Через устранение комплаенс-рисков несоблюдения законодательства участники национальных проектов сокращают свои будущие финансовые потери, обеспечивая себе репутацию надежного участника национальных проектов, в связи с чем в настоящей статье предлагается привлекать участников национальных проектов звание «Надежный участник национальных проектов», если они смогли реализовать более двух проектов без претензий как со стороны контрагентов, так и со стороны контрольных органов.

¹¹ Как снизить риски при исполнении нацпроектов обсудили на совещании федеральной налоговой службы и аппарата полномочного представителя. URL: <https://www.oparino-oms.ru/index.php/glavnyj-federalnyj-inspektor/5959-kak-snizit-riski-pri-ispolnenii-natsproektov-obsudili-na-soveshchani-federalnoj-nalogovoj-sluzhby-i-apparata-polnomochnogo-predstavatelya>

¹² ФНС сообщила о выводе крупнейших подрядчиков нацпроектов из теневых схем. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4870072>.

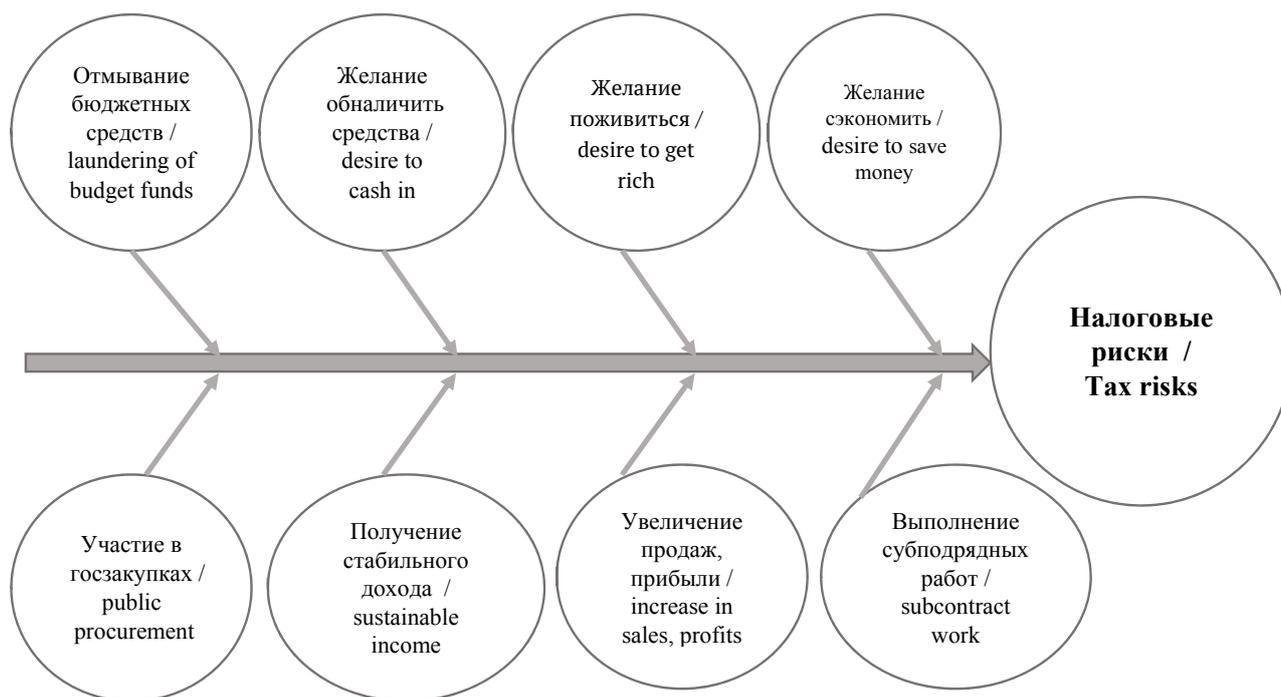

Рис. 3 / Fig. 3. Источники налоговых рисков по методу Ишикавы / Sources of tax risks according to Ishikawa method

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Приведенные источники налоговых рисков, обнаруживаемые посредством применения метода Ишикавы (рис. 3), содержат как положительные (нижний ряд), так и отрицательные основания (верхний ряд) присоединения к национальным проектам, вызываемые отчасти финансово-субъективными намерениями не только улучшить показатели и расширить масштабы деятельности, но и желанием пожить за счет бюджета без намерения добросовестно осуществлять налоговые обязательства.

Очень немногие субъекты могут находиться на одном (нижнем) конце шкалы.

Как правило, среди них находятся налогоплательщики, которые не желают портить репутацию добросовестного налогоплательщика, не агрессивны, проявляют уважение к закону.

Им противостоит непредсказуемая неконтролируемая среда, нацеленная на получение любой выгоды, не уважающая законные налоговые требования, ищущая возможность уклониться от ответственности, создавая налоговые риски успешной реализации национальных целей и проектов.

Матрица вероятности/последствий налоговых рисков реализации национальных проектов, ис-

пользуемая для снижения последствий или вероятности идентифицированных рисков (табл. 2) содержит ранжирование «точек» налоговых рисков с учетом ранга последствий и ранга вероятности их возникновения.

Значимыми налоговыми рисками реализации национальных проектов являются:

- 1) нецелевое использование и хищение средств профинансированных нацпроектов;
- 2) наличие недобросовестных, сомнительных исполнителей нацпроектов по всей цепочке кооперации;
- 3) незаконное уменьшение налоговых обязательств;
- 4) уклонение/лжеосвобождение от налогообложения при реализации национальных проектов;
- 5) существенные налоговые разрывы в цепочках сделок по реализации нацпроектов;
- 6) умышленное несоблюдения законодательства участниками нацпроектов, влекущее занижение исчисленных сумм налоговых платежей, и др.

Высокий ранг вероятности/последствий характеризует налоговый риск как значимый в ожида-

Матрица налоговых рисков реализации национальных проектов / Matrix of Tax Risks of National Projects Implementation

Ранг последствий налоговых рисков / Rank of tax risk consequences	высокий / high	Несоблюдения законодательства участниками нацпроектов / Non-compliance with legislation by participants in national projects	Нецелевое использование и хищение средств профинансированных нацпроектов / Misuse and embezzlement of funds from funded national projects – значимый налоговый риск / significant tax risk	Недобросовестные, сомнительные исполнители нацпроектов по всей цепочке кооперации / Unscrupulous, dubious implementers of national projects along the entire chain of cooperation – значимый налоговый риск / significant tax risk
	средний / average	Низкое исполнение национальных проектов / Low implementation of national projects	Налоговые разрывы в цепочках сделок по реализации нацпроектов / Tax gaps in chains of transactions for the implementation of national projects	Незаконное уменьшение налоговых обязательств / Unlawful reduction of tax liabilities – значимый налоговый риск / significant tax risk
	низкий / low	Неадекватное документирование и обоснование / Inadequate documentation and justification	Недостатки национального налогового законодательства / Shortcomings of national tax legislation	Уклонение/лжеосвобождение от налогообложения / Tax evasion/false tax exemption – значимый налоговый риск / significant tax risk
		Низкая / Low	Средняя / Average	Высокая / High
Ранг вероятности налоговых рисков / Probability rank of tax risks				

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

нии его непрерывного мониторинга в целях эффективного управления и обеспечения выполнения национальных целей развития России в текущем и последующих периодах.

ВЫВОДЫ

Применение метода Исикавы для анализа источников налоговых рисков и определение вероятности/последствий налоговых рисков как научно-методической основы их анализа обусловлены потребностью установления значимых налоговых рисков для последующего мониторинга реализации национальных целей и проектов.

Ключевым результатом исследования стало формирование матрицы вероятности/последствий налоговых рисков реализации национальных целей и проектов в обеспечении выполнения национальных целей развития России на 2024 г. с указанием значимых налоговых рисков, послужившей основой для формирования предложений

по устранению источников налоговых рисков и их ранжированию, через:

- автоматизацию практики контрольных процедур;
- формирование реестра налоговых рисков национальных проектов;
- согласование организационной структуры оценки значимых налоговых рисков с учетом их существенности и допустимости;
- возможность участия налоговых органов в сделках по использованию средств национальных проектов;
- выстраивание эффективного налогового контроля в экосистеме налогового администрирования [21];
- закрепление за полномочиями налоговых органов непрерывного налогового контроля и анализа налоговых рисков с построением матрицы их вероятности/последствий на период реализации национальных целей и проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрин А. Л., Кнобель А. Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста. *Вопросы экономики*. 2017;10:5–26. DOI: 10.32609/0042–8736–2017–10–5–26
2. Куделич М. И. Система нормативных требований к оценке эффективности национальных проектов: актуальные проблемы. *Финансовый журнал*. 2019;(4):36–49. DOI: 10.31107/2075–1990–2019–4–36–49
3. Филимонова Н. М., Лускатова О. В., Филимонова В. Д. Влияние национальных проектов России на рынок труда. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022;(1):151–157. DOI: 10.22394/2079–1690–2022–1–1–151–157
4. Горшков Д. А. Социально-экономические механизмы реализации приоритетных национальных проектов. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации; 2008. 27 с.
5. Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А., Шогенов Б. А. Налоговые риски как угроза экономической безопасности государства. *Бухучет в сельском хозяйстве*. 2021;(1):66–75. DOI: 10.33920/sel-11–2101–06
6. Киселева Н. И., Павлюкевич К. Факторы, обуславливающие успешность реализации национальных проектов в сфере образования. *Вестник евразийской науки*. 2022;14(6). URL: <https://esj.today/PDF/66ECVN622.pdf>.
7. Воробьева Е. И., Блажевич О. Г. Реализация национальных проектов, обеспечивающих экономический рост в Российской Федерации. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2021;57(4):5–23.
8. Чумаков М. В., Елизарова А. А., Берендеева А. Б. Анализ эффективности и рисков в реализации государственных программ, проектов, стратегий в регионах России. *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2021;66(2):65–75. DOI: 10.6060/snt.20216602.0009
9. Тугачева Л. В., Сахарова С. М. Государственное управление процессом реализации национальных проектов в России. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2020;15(3):51–67. DOI: 10.22394/2071–2367–2020–15–3–51–67
10. Бондарева Н. Н., Комков Н. И. Организационно-методические вопросы разработки и реализации национальных проектов. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2019;10(3):369–379. DOI: 10.18184/2079–4665.2019.10.3.369–379
11. Гаматаева С. Х., Курбанов Р. А. Совершенствование системы управления рисками национальных проектов в целях повышения качества их реализации. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022;146(12):144–152. DOI: 10.26726/1812–7096–2022–12–144–152
12. Тихонова А. Разработка системы управления налоговыми рисками государства. *Проблемы анализа риска*. 2020;17(6):62–75. DOI: 10.32686/1812–5220–2020–17–6–62–75
13. Ежов Д. А. Потенциальные риски реализации национальных проектов 2019–2024 и пути их нейтрализации. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020;(3):41–43. URL: <http://elib.fa.ru/art2020/bv1608.pdf>.
14. Ильченко С. В. Национальные проекты России и риски их реализации. *Бизнес и дизайн ревью*. 2021;22(2):1.
15. Адамова М. Е. Формирование системы управления рисками для повышения качества реализации национальных и федеральных проектов. *Наука и бизнес: пути развития*. 2021;119(5):119–125.
16. Адвокатова А. С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков. Монография. М.: Русайнс; 2020. 190 с.
17. Адвокатова А. С., Андреева А. Н., Вишневская Н. Г. и др. Налоговые риски государства в современных экономических условиях. М.: КноРус; 2022. 220 с.
18. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(5):131–140.
19. Пансков В. Г. Налоговые риски: проявление и возможные пути минимизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2013;(4):74–80.
20. Савина Л. Л. Влияние налоговых рисков на функционирование налоговой системы Российской Федерации. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020;9A(10):292–300. DOI: 10.34670/AR.2020.48.91.031
21. Малис Н. И., Богачев С. В., Горский И. В. и др. Актуальные проблемы развития налоговой системы России. М.: ООО «Издательство МАГИСТР»; 2023. 520 с.

REFERENCES

1. Kudrin A. L., Knobel A. Y. Budget policy as a source of economic growth. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2017;10:5–26. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2017–10–5–26
2. Kudelich M. I. Regulatory requirements system for estimation of national projects efficiency: current problems. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2019;(4):36–49. (In Russ.). DOI: 10.31107/ 2075–1990–2019–4–36–49
3. Filimonova N. M., Luskatova O. V., Filimonova V. D. Impact of russian national projects on the labor market. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):151–157. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079–1690–2022–1–1–151–157
4. Gorshkov D. A. Socio-economic mechanisms of realization of priority national projects. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. Moscow: Russian Academy of Public Service under the President of the Russian Federation; 2008. 27 p. (In Russ.).
5. Gadzhiev N. G., Konovalenko S. A., Shogenov B. A. Tax risks as a threat to economic security of the state. *Buhuchet v sel'skom khozyajstve = Accounting in agriculture*. 2021;(1):66–75. (In Russ.). DOI: 10.33920/sel-11–2101–06
6. Kiseleva N. I., Pavlyukevich K. Factors determining the success of the realization of national projects in the sphere of education. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2022;14(6). URL: https://esj.today/PDF/66ECVN_622.pdf. (In Russ.).
7. Vorobyeva E. I., Blazhevich O. G. Realization of national projects ensuring economic growth in the Russian Federation. G. Realization of national projects ensuring economic growth in the Russian Federation. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii = Bulletin: finances, banks, investments*. 2021;57(4):5–23. (In Russ.).
8. Chumakov M. V., Elizarova A. A., Berendeeva A. B. Analysis of efficiency and risks in the implementation of state programs, projects, strategies in the Russian regions. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie = Modern science-intensive technologies. Regional appendix*. 2021;66(2):65–75. (In Russ.). DOI: 10.6060/snt.20216602.0009
9. Tugacheva L. V., Sakharova S. M. State management of the process of realization of national projects in Russia. *Srednerussky vestnik obshchestvennykh nauki = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2020;15(3):51–67. (In Russ.). DOI: 10.22394/2071–2367–2020–15–3–51–67
10. Bondareva N. N., Komkov N. I. Organizational and methodological issues of development and implementation of national projects. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = The WORLD (Modernization. Innovation. Development)*. 2019;10(3):369–379. (In Russ.). DOI: 10.18184/2079–4665.2019.10.3.369–379
11. Gamataeva S. H., Kurbanov R. A. Improvement of the system of risk management of national projects in order to improve the quality of their implementation. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki = Regional problems of economic transformation*. 2022;146(12):144–152. (In Russ.). DOI: 10.26726/1812–7096–2022–12–144–152
12. Tikhonova A. V. Development of a state tax risk management system. *Problemy analiza riska = Issues of Risk Analysis*. 2020;17(6):62–75. (In Russ.). DOI: 10.32686/1812–5220–2020–17–6–62–75
13. Ezhov D. A. Potential risks of realization of national projects 2019–2024 and ways of their neutralization. *Azimut nauchnogo issledovaniya: ekonomika i upravleniya = Azimuth of scientific research: Economics and Management*. 2020;(3):41–43. (In Russ.). URL: <http://elib.fa.ru/art2020/bv1608.pdf>.
14. Ilchenko S. V. National projects of Russia and risks of their realization. *Biznes i dizajn revyu = Business and design revue*. 2021;22(2):1. (In Russ.).
15. Adamova M. E. Formation of risk management system to improve the quality of national and federal projects realization. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and business: ways of development*. 2021;119(5):119–125. (In Russ.).
16. Advokatova A. S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers: monograph. Moscow: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).
17. Advokatova A. S., Andreeva A. N., Vishnevskaya N. G. et al. Tax risks of the state in modern economic conditions. Moscow: Knorus; 2022. 220 p. (In Russ.).

18. Goncharenko L.I., Advocates A.S. Tax on professional income: risks and potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(5):31–140. (In Russ.).
19. Panskov V. G. Tax risks: manifestation and possible ways of minimization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2013;(4):74–80. (In Russ.).
20. Savina L. L. Influence of tax risks on the functioning of the tax system of the Russian Federation. *Ehkonomika: vchera, segodnya, zavtra = Ekonomika: yesterday, today, tomorrow*. 2020;9A(10):292–300. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2020.48.91.031
21. Malis N. I., Bogachev S. V., Gorsky I. V et al. Actual problems of tax system development in Russia. Moscow: “Publishing House MA-GISTR”; 2023. 520 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Рубан-Лазарева — доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры государственных и муниципальных финансов, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Natalia V Ruban-Lazareva — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Finance University, Moscow, Russia; Prof. of the Department of State and Municipal Finance, Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3110-1539>

rubanlazareva@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 02.11.2023; accepted for publication 15.01.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-158-166

УДК 342.734(045)

JEL K31, K39

Социальное государство как универсальное средство обеспечения модернизации российской экономики

А.В. Попова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – общественные отношения, связанные с обеспечением государственной политики в социальной сфере и упрочением устоев социального государства в России. *Цель работы* – развитие теоретических представлений о доктрине социального государства и ее практическом воплощении в законодательстве Российской Федерации. Благодаря анализу теоретических подходов к определению понятия «социальное государство» с правовой точки зрения установлено, что в настоящее время назрела насущная необходимость в уточнении содержательного контента концепции социального государства. Посредством сравнительно-правового анализа федерального и регионального законодательства в социальной сфере выявлена необходимость принятия социального кодекса, который должен действовать на всей территории государства вследствие того, что огромный массив нормативных правовых актов, юридических документов, относящихся к социально-экономической сфере жизни российского общества, не только затрудняет работу государственных органов, призванных обеспечивать осуществление доктрины социального государства, но и реализацию прав и свобод человека и гражданина на территории России. *Сделан вывод* о том, что социальная доктрина Российской Федерации должна исходить из духа и буквы Конституции Российской Федерации, принципов социальной справедливости и социального равенства, базирующихся на понимании социального государства, предполагающего взаимную ответственность граждан, общества и государства.

Ключевые слова: социальная сфера; законодательство; социальный кодекс; права и свободы человека и гражданина»; социальное государство

Для цитирования: Попова А.В. Социальное государство как универсальное средство обеспечения модернизации российской экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(1):158-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-158-166

ORIGINAL PAPER

The Welfare State as a Universal Means of Ensuring the Modernization of the Russian Economy

A.V. Popova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is public relations related to ensuring state policy in the social sphere and strengthening the foundations of the welfare state in Russia. *The purpose of the work* is to develop theoretical ideas about the doctrine of the welfare state and its practical implementation in the legislation of the Russian Federation. Due to the analysis of theoretical approaches to the definition of the concept of “social state” from a legal point of view, it has been established that at present there is an urgent need to clarify the substantive content of the concept of a social state. Through a comparative legal analysis of federal and regional legislation in the social sphere, the need for the adoption of a social code has been identified, which should be valid throughout the state due to the fact that a huge array of normative legal acts, legal documents related to the socio-economic sphere of life of Russian society, not only complicates the work of state bodies designed to ensure the implementation of the doctrine of social the

© Попова А.В., 2024

state, but also the realization of human and civil rights and freedoms on the territory of Russia. *It is concluded* that the social doctrine of the Russian Federation should proceed from the spirit and letter of the Constitution of the Russian Federation, the principles of social justice and social equality based on the understanding of the welfare state, assuming mutual responsibility of citizens, society and the state.

Keywords: social sphere; legislation; Social code; human and civil rights and freedoms; social state

For citation: Popova A.V. The Welfare State as a universal means of ensuring the modernization of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):158-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-158-166

ВВЕДЕНИЕ

Анализ действующего в России законодательства в социальной сфере на федеральном и региональном уровнях должен проводиться на современном этапе государственно-правового развития общества исходя из трактовки доктрины социального государства. Основой для нее может служить предложенная в конце XIX — начале XX в. концепция правового, социального государства. Так, по мнению П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, М. М. Туган-Барановского, Л. И. Петражицкого, В. М. Гессена и многих других [1], социальное государство должно представлять собой высшую ступень развития правового государства и обосновывать самим фактом своего существования необходимость практического осуществления каждым индивидом не только права неприкосновенности личности, но и права на достойное человека существование. Только тогда осуществляемые человеком и гражданином права и свободы станут соотноситься с категорией «общественное благо» [2, с. 6] и личное материальное благополучие станет залогом для процветания всех граждан. Именно поэтому, разделяя определение социального государства, данное вышеуказанными учеными, основополагающими считают партнерские отношения между индивидом, обществом и государством, когда, с одной стороны, государство не имеет права вмешиваться в личную и общественную жизнь своих граждан, а с другой стороны, обязано обеспечивать им «нормальные условия экономического и духовного существования» [3, с. 375], если гражданами исполняются обязанности в отношении государства в первую очередь по уплате налогов и сборов [4].

На современном этапе государственно-правового развития в Российской Федерации устанавливаются принципы социальной справедливости, равенства и достижения общего блага, а задачей

государственной власти становится создание благоприятных условий для развития человеческого потенциала (человеческого капитала) во всех сферах жизни российского общества. Только при выполнении этих условий становится возможной взаимная ответственность личности и государства как содержательный контент «договора» между обществом и властью, корреспондирующего его сторонам взаимные права и обязанности прежде всего в социальной сфере. При этом для упрочения социального государства особую роль играет не только индивидуальное, но и общественное правосознание, когда лица, облеченные властью, могут выступать арбитрами соблюдения интересов различных социальных групп в целях «более справедливого устройства жизни» [5, с. 26–27], если государство не господствует над гражданином, а обеспечивает разумные правопритязания личности. В XX в. изменилась сама концепция социального государства, и оно стало восприниматься как гарантированная защита от различного рода рисков, которым могли подвергаться все граждане независимо от гендерных, социальных, профессиональных и иного рода различий.

Новыми доктринами становятся такие концепции, как теория «государства благоденствия» [6, 7, 8], «сервисное государство», «государство трансфера» и «советское социалистическое государство» [9]. Во всех этих доктринах прослеживается требование к государству гарантировать всем гражданам соблюдение определенного перечня социальных прав и свобод не только в случае, если индивид попадает в затруднительную ситуацию, но и если наступает потребность в получении определенного перечня услуг от государства для обеспечения личного благополучия, а впоследствии обеспечения благоденствия всех групп населения. В XXI в. социальное государство — это своего рода правовая модернизация существовавшего ранее понятия, основанного на соблюдении юридического равенства, социальной справедливости, правовых

гарантий собственности, а также на формировании социально-ориентированной экономики и использовании в интересах общества цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Необходимость в выработке новых подходов к формированию социальной доктрины обусловлена значительным числом вызовом, с которыми еще не сталкивалось человечество. К их числу относится растущее неравенство, обусловленное различием не только в материальном благополучии, но уже и в сфере образования, здравоохранении, информации и других сферах в силу того, что обладание/необладание техническими средствами определенного уровня влияет на качестве предоставляемых социальных услуг со стороны государства.

ДОКТРИНА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г.¹ (далее — Конституция РФ) Россия является социальным государством (ст. 7), основными целями которого являются создание социально ориентированной экономики, гарантированность социально-экономических и культурных прав и свобод, обеспечивающих право граждан на достойный уровень жизни.

В начале XXI в. в российском обществе пока еще не обеспечивалось равное социальное благополучие всех граждан, без которого не может быть развития не только социального, но и правового государства. Поэтому особое значение для развития социального государства имеют такие правовые категории, как:

— «правовая культура» и «правовое сознание», непосредственно влияющие на реализацию права на образование, свободу творчества и др.;

— «принципы социальной справедливости», выражающиеся в праве на труд, социальное страхование, социальное обеспечение, свободу предпринимательской деятельности и др.;

— «социальная ответственность» всех акторов современного этапа развития Российской Федерации, проявляющаяся в текстах социальных

договоров, социальной ответственности церкви (иных религиозных конфессий), крупного бизнеса, среднего и малого предпринимательства и др., основанных на морально-этических, культурных, религиозных, правовых и иных ценностях российского общества.

Как отмечает В.Д. Зорькин, социальное государство должно стать универсальным средством достижения социальной гармонии, гарантирующим создание условий для развития как отдельного человека, так и всего российского многонационального и многоконфессионального общества на современном этапе цифровой экономики [10, с. 20]. Исходя из признаваемой сегодня доктрины социального государства и разделяя взгляды В.Е. Чиркина [11] полагаем, что для доказательства реального существования в социальном государстве законодательство должно содержать:

а) фиксацию социальной функции частной собственности (в том или ином содержательном аспекте);

б) декларацию или обоснование необходимости социального партнерства;

в) закрепление в конституции статьи, гарантирующей социальное равенство или способствующей «выравниванию» статуса различных категорий населения;

г) провозглашение принципа социальной справедливости, содержание которого может быть установлено как в тексте конституции, так и в отдельных законах страны, гарантирующих установление на федеральном и региональном уровнях минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ), предметного содержания потребительской корзины, а также регулирование трудовых, пенсионных правоотношений, а также отношений в сферах образования, медицинского обслуживания, обеспечения жильем, принятия мер социальной защиты отдельных групп населения и др.;

д) определение в качестве цели и основы для упрочения социального государства задачи создания социально-ориентированной экономики;

е) закрепление с статьях отраслевого законодательства понятия «социальная ответственность» по отношению ко всем акторам, действующим на данном этапе развития общества.

Безусловно, это — жесткий перечень индикаторов, и исходя из него такие признанные в настоящее время социальные государства, как

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования, состоявшегося 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru>.

Швейцария, Швеция, Германия, не могут называться социальными.

В тексте Конституции РФ большая часть таких индикаторов отсутствует, хотя в ее статьях 38–44 провозглашаются отдельные социальные права граждан, а в пп. «б», «в», «е», «ж», «ж.1» и «и» ст. 72 к совместному ведению отнесены вопросы социальной политики российского государства в целом, тогда как значительное число вышеупомянутых индикаторов закреплены в системе законодательства Российской Федерации.

При этом содержательное закрепление этих индикаторов как раз и может служить причиной отнесения России к социальному государству на данном этапе государственно-правового развития или установления мер, которые стоит предпринимать, чтобы оно стало в реальности таковым.

Поэтому предлагаются и иные формально-юридических критерии социального государства², которые могут быть применимы не только к анализу текста Конституции РФ (Основного закона), но и ко всей системе внутринационального законодательства на всех уровнях правового регулирования, когда Основной закон страны декларирует и обозначает идею социального государства, а потом должна быть установлена определенная система обеспечения различных форм реализации принципа социального государства в законодательстве.

При этом особенность социальных прав заключается в том, что индивид или группа граждан не могут реализовывать свои права только исходя из собственного желания, так как для их реализации должны выполняться корреспондирующие этим правам обязанности государства по предостав-

лению гарантий осуществления подобных прав.

Социальные права граждан только тогда могут быть реализованы, когда государство создаст необходимые условия для существования их действительной формы, а именно социально-ориентированной экономики, основанной на справедливом налогообложении, обеспечении социальными выплатами и иными социальными мерами отдельных групп населения и т.д. Иначе говоря, в отношениях между государством, личностью и обществом должны быть «взаимность» и «общественное сотрудничество» [12], примером чему может служить прогрессивное налогообложение³.

В прогнозах долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 и до 2036 гг.⁴, разработанных Минэкономразвития России, являющихся долгосрочными документами планирования социально-экономического развития России и базирующихся на «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.»⁵, а также в Перечне инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.⁶ поставлены задачи, направленные в первую очередь на создание в России общества равных возможностей; модернизацию и развитие сектора социальных услуг, адресных программ для бедных и льготных категорий населения; обеспечение формирования системы социальной поддержки и адаптации, основанных

³ Федеральный закон от 23.11.2020 № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период»; письмо ФНС России от 24.07.2023 № БС-17-11/178@, опубликованное в приложении к журналу «Учет. Налоги. Право». 2023;28.

⁴ «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России). Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте URL: <http://www.economy.gov.ru> по состоянию на 03.04.2013.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». URL: <http://pravo.gov.ru>, 07.10.2021.

² Например, 1) закрепление принципа социального государства; 2) отражение в конституции перечня социальных прав; 3) установление особенностей конституционного статуса социальных прав; 4) закрепление возможности применения норм международного права в национальной правовой системе; 5) законодательное закрепление обязанностей государства в социальной сфере и механизма их реализации; 6) конституционное установление правовых гарантий реализации социальных прав (нормы, определяющие общие требования к экономическому устройству государства, налогообложению, процессам перераспределения); 7) законодательную конкретизацию механизма реализации социальных прав; 8) конституционное закрепление особых институтов, характерных для социального государства; 9) наличие особых органов государственной власти и иных структурных элементов; 10) закрепление принципа правового государства; 11) состояние социального законодательства.

на цифровой трансформации и технологическом прорывном развитии российской экономики, включая медицину, образование, трудовые отношения и пенсионное обеспечение.

Вместе с тем разработаны и действуют значительное количество различных стандартов и нормативов, в том числе по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации⁷. Следует заметить, что продолжаются дискуссии и законотворческая работа по концепции стандарта благополучия, результатом которой должно стать создание минимального стандарта (набора услуг, пособий и др.) для каждого россиянина. В последние годы предприняты меры по совершенствованию законодательства, направленного на обеспечение достойной жизни граждан⁸.

По данным на 01 октября 2023 г. систему социальной поддержки населения Российской

Федерации регулируют более 300 нормативных правовых актов федерального значения, наиболее значительными из которых являются Трудовой кодекс Российской Федерации⁹, Налоговый кодекс Российской Федерации¹⁰; Семейный кодекс Российской Федерации¹¹ и др. Кроме того, в каждом субъекте Российской Федерации принимается большое количество нормативных правовых актов в данной области, имеющих региональное значение.

Сложившаяся ситуация в правовом регулировании отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты отдельным категориям граждан, создает проблемы как получателям помощи, так и самим органам государственной власти при ее предоставлении в силу огромного массива законов и подзаконных актов в этой сфере правового регулирования.

ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

К основным коллизиям и пробелам, препятствующим реализации социальной политики государства, на наш взгляд, следует отнести следующие положения:

1. Целью социального государства согласно ст. 7 Конституции РФ являются обеспечение достойной жизни российским гражданам и гражданам государств — участников ЕАЭС, находящимся на территории России, которая выражается прежде всего в обеспечении достойного уровня жизни, сопоставимого с уровнем жизни лидирующих в экономическом плане стран; хорошего социального обеспечения; равного доступа к медицинским услугам и образованию. Такая цель должна быть реализована мерами активной социальной государственной политики прежде всего на федеральном уровне, так как они напрямую зависят от материально-финан-

⁷ Отчет «О состоянии и основных направлениях совершенствования российского законодательства в сфере государственной региональной политики в Российской Федерации». Управление информационных технологий и документооборота Аппарата Совета Федерации. 2017. С. 9.

⁸ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»; постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»; постановление Правительства РФ от 26.12.2017 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»; распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2580-р «Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года»; распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»; распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы»; «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7).

⁹ «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023)..

¹⁰ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023); «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

¹¹ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023).

совых ресурсов, цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, кадрового состава и политической воли и ответственности всех государственных служащих на каждом из уровней государственной власти. В то же время нормы п. «е», «ж» и «ж.1» ст. 72 Конституции РФ входят в сферу социальной политики. Однако при этом на федеральном уровне нет единого кодифицированного акта, в то время как в части субъектов Российской Федерации в рамках опережающего законодательства подобные нормы уже существуют и хорошо себя зарекомендовали¹².

2. Молодые люди часто не считают необходимым трудиться, и такая социальная инфантильность может дорого обходиться как им самим, так государству в целом. Есть мнение о том, что труд как правовая и экономическая ценность перестает быть востребованным, обоснованием чего может служить анализ развития экономики в российских регионах, когда в части субъектов Российской Федерации (именно на этих территориях из года в год сохраняется высокий процент бедного населения), наблюдаются неуклонный рост числа лиц, не уплачивающих налоги, сокращение занятости, «вымывание» с рынка труда 30–35-летних граждан¹³. Полагаем необходимым в целях упрочения социальной политики государства и создания условий для развития социального государства вернуться к норме «право на труд», зафиксированной в Конституции СССР 1977 г. в следующей формулировке «Статья 40. Граждане СССР имеют право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подго-

товкой, образованием и с учетом общественных потребностей»¹⁴.

3. В результате проводимой регуляторной гильотины был отменен единственный акт, действовавший до февраля 2019 г., гарантирующий 8-часовой рабочий день¹⁵. В ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации регулируется продолжительность рабочего времени не более 40 часов в неделю. Д.А. Медведев предложил перейти на 4-дневную рабочую неделю, в том числе из-за возникшей необходимости перевода части работников на удаленную форму работы¹⁶. Однако при отсутствии законодательного закрепления ограничения максимального рабочего времени в день это может приводить к установлению отдельными работодателями 10-часового рабочего дня. Тем более, что, по мнению специалистов, в трудовом праве законодатель «систематически понижает уровень трудовых прав работников в области рабочего времени», например «в ст. ст. 100 и 74 Кодекса установили, что данный вид и режим могут вводиться работодателем в локальном порядке» [12].

Так, в 2013 г. было увеличено рабочее время работникам, занятым на вредных и (или) опасных производствах, когда по итогам трех договоренностей [отраслевого (межотраслевого) соглашения, коллективного и трудового договоров] стало возможным увеличение рабочего дня по факту до 12 часов ежедневно в течение квартала, в то время как минимальная продолжительность ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска не увеличилась, а осталась на прежнем уровне семи календарных дней. Подобные изменения, по нашему мнению, возвращают современную Россию в 1880-е гг., когда средняя продолжительность рабочего дня по фабрично-заводскому законодательству была 11,5 часа.

4. Развитие цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, роботизация практически всех сфер жизни общества могут приводить, если не создавать необходимое за-

¹² См., например: Закон Волгоградской области от 31.12.2015 № 246-ОД (ред. 14.03.2023) «Социальный кодекс Волгоградской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/04.01.2016>; Областной закон Ленинградской области от 17.11.2017 № 72-оз «Социальный кодекс Ленинградской области». URL: <https://lenoblpravo.ru/zakon/2017/11/17/n-72-oz>.

¹³ Сайт РБК. Виноградова Е. Эксперты сообщили о «вымывании» молодежи с рынка труда. Число работников до 35 лет достигло исторического минимума. 11.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065>.

¹⁴ «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990).

¹⁵ Декрет СНК РСФСР от 29.10.1917 «О восьмичасовом рабочем дне». Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 2. 30.10.1917.

¹⁶ Медведев призвал продолжать обсуждение идеи четырехдневной рабочей недели. 20.10.2020 URL: <https://tass.ru/obschestvo/9765499>.

конодательное ограничение, к напряженности в российском обществе. Как отмечают в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, «можно прогнозировать изменение критериев высокого социального статуса человека, а также нарастание социальной напряженности между благополучными и неблагополучными слоями населения по признаку возможности или невозможности использовать современные достижения медицины для усовершенствования собственного тела, лечения болезней, устранения последствий инвалидности, продления жизни и т.д.» [14].

Пока не имеется соответствующего механизма правового регулирования, полагаем необходимым внести соответствующие изменения в социальное законодательство в части гарантированности со стороны государства расширенного содержания прав человека и гражданина в сфере здравоохранения, трудовых отношений, связанных с ними экологических и иных прав. В частности, цифровизация экономики, если государство не обеспечит социальную защиту, вытеснит с рынка труда часть населения страны, которая либо уже находится за чертой бедности, либо приближается к ней, будучи занятой на низкоквалифицированной работе, и при дальнейшем развитии технологий искусственного интеллекта составит пауперизированную (обнищавшую) часть населения страны. Таким образом, противоречия между ними и небольшой группы лиц, способных оплатить все новые блага цивилизации, могут быстро достичь своего апогея. Поэтому необходимо внести соответствующие нормы в Трудовой кодекс Российской Федерации, предусмотрев конкретные меры по обеспечению занятости высвобождаемых групп населения и т.д.

ВЫВОДЫ

Исходя из духа и буквы Конституции Российской Федерации социальная доктрина России должна исходить из принципов обеспечения социальной справедливости и социального равенства, основанных на понимании социального государства как взаимной ответственности

граждан, общества и государства. В целях реализации социальной политики полагаем необходимым предложить создать федеральную Социальную хартию, в которой должны быть определены цели и задачи государства, в частности обоснована своевременность определения социальной функции частной собственности; определены понятие, признаки и функциональный состав социального партнерства; систематизированы социальные меры, предоставляемые государством в целях создания условий социального равенства россиян и законно пребывающих на территории иностранцев и лиц без гражданства; установлены содержательно понятия «социальная справедливость» и сформулированы меры по ее реализации на всей территории Российской Федерации (установлен единый МРОТ, предметное и ценовое наполнение потребительской корзины, правовое регулирование социальных отношений в сфере трудового, пенсионного законодательства, в области образования, медицинского обслуживания, мер социальной поддержки и др.); закреплены в статьях отраслевого законодательства понятия «социальная ответственность» по отношению ко всем акторам, действующим на данном этапе развития российского общества.

Для проведения согласованной государственной политики необходимо создать единый орган на федеральном уровне, обобщающий стратегические и прогнозирующие документы в сфере социально-экономической политики в целях формирования единой государственной политики, в задачи которого должны войти создание, контроль и обеспечение ответственности за их реализацию. На федеральном уровне следует принять стратегию социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, устанавливающую принципы, цели, задачи, этапы механизма реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития, а также конструктивное взаимодействие государства, субъектов экономической деятельности и гражданского общества в целях защиты и реализации социальной доктрины Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова А. В. Теоретико-правовое исследование нелиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX — начало XX вв.): диссертация на соискание ученой степени доктора юриди-

- ческих наук: 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте РФ — ФГОУ ВПО]. М.; 2014. 383 с.
2. Новгородцев, П. И. Право на достойное человеческое существование. М.: НОРМА: ИНФРА-М; 2001. 220 с.
 3. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ; 1999. 538 с.
 4. Влияние подоходного налогообложения на социальное неравенство в России. Монография. Гончаренко Л. И., ред. М.: Кнорус; 2019. 222 с.
 5. Новгородцев П. И. Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. 1–2. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1914. 200 с.
 6. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.
 7. Кравченко Ж. В., Хорт С. Коллективная солидарность или индивидуальная ответственность: теоретические подходы к анализу шведской модели политики благосостояния. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;16(2):83–102.
 8. Канарш Г. Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели. *Знание. Понимание. Умение*. 2018;(1):128–142. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.10
 9. Воронина А. С., Горина М. С. Особенности социальной политики в социальном государстве. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012;(3):22–27.
 10. Путило Н. В. Юридические критерии социального государства: новые подходы. *Журнал российского права*. 2016;10:15–25. DOI: 10.12737/21519
 11. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы. *Журнал российского права*. 2008;12:24–37.
 12. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. 507 с.
 13. Хныкин Г. В. Проблемы правового регулирования рабочего времени *Трудовое право в России и за рубежом*. 2020;(4).
 14. Юридическая концепция роботизации. Монография. Тихомиров Ю. А., Нанба С. Б., ред. М.: Проспект; 2019. 240 с.

REFERENCES

1. Popova A. V.. Theoretical and legal research of neoliberal political and legal doctrine in Russia (late XIX — early XX centuries): dissertation... Doctors of Law: 12.00.01 / Popova Anna Vladislavovna; [Place of protection: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation — FGOU VPO]. Moscow; 2014. 383 p. (In Russ.).
2. Novgorodtsev, P. I. The right to a decent human existence. Moscow: NORM: INFRA-M; 2001. 220 p. (In Russ.).
3. Kistyakovsky B. A. Philosophy and sociology of law. St. Petersburg: RHGI; 1999. 538 p. (In Russ.).
4. The impact of income taxation on social inequality in Russia. Monograph. Goncharenko L. I., ed. Moscow: Knorus; 2019. 222 p. (In Russ.).
5. Novgorodtsev P. I. Political ideals of the ancient and new world. Is. 1–2. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev and K^o; 1914. 200 p. (In Russ.).
6. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1990.
7. Kravchenko Zh. V., Hort S. Collective solidarity or individual responsibility: theoretical approaches to the analysis of the Swedish welfare policy model. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;16(2):83–102. (In Russ.).
8. Kanarsh G. Yu. Social state: historical genesis and modern models. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2018;(1):128–142. (In Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2018.1.10
9. Voronina A. S., Gorina M. S. Features of social policy in a social state. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2012;(3):22–27. (In Russ.).

10. Putilo N.V. Legal criteria of the welfare state: new approaches. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2016;10:15–25. (In Russ.). DOI: 10.12737/21519.
11. Chirkin V.E. The constitution and the welfare state: legal and factual indicators. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2008;12:24–37. (In Russ.).
12. Rawls J. A Theory of justice. Novosibirsk: Novosibirsk University Press; 1995; 507 p. (In Russ.).
13. Khnykin G.V. Problems of legal regulation of working time. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*. 2020;(4). (In Russ.).
14. The legal concept of robotization. Monograph. Tikhomirov Yu. A, Nanba S.B., eds. Moscow: Prospect; 2019. 240 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Владиславовна Попова — доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия
Anna V. Popova — Dr. Sci. (Law.), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6019-8878>
avpopova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.11.2023; принята к публикации 20.01.2024.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 12.11.2023; accepted for publication 20.01.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.